

**Российская академия наук  
Сибирское отделение  
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

---

2022 г., том 29, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

<b>Рынков В.М., Венков А.В., Буховец О.Г., Ганин А.В., Колоницкий Б.И., Сухова О.А., Ланник Л.В., Котюкова Т.В., Журавлев В.В., Голдин В.И.</b> Круглый стол «События 1917–1922 гг. в России: гражданская война или гражданские войны?»	5
---	---

***СОВЕТСКАЯ И ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ***

<b>Ерохина Е.А.</b> Советская модерность и этничность народов Севера в контексте современных цивилизационных сдвигов	18
<b>Чернышева Н.В.</b> Трудовые мобилизации населения Волго-Вятского региона в годы Великой Отечественной войны	27
<b>Шарапов С.В.</b> Власть и подвластные: методы командно-административного давления на колхозы в годы Великой Отечественной войны (по материалам Новосибирской области)	35
<b>Мандригина Л.А., Соловьев Н.А.</b> Мемориальные информационные ресурсы об участниках Великой Отечественной войны: региональный аспект	45
<b>Савин А.И.</b> Коммунистический туризм Н.С. Хрущева и государственная наградная политика «славного десятилетия»	55
<b>Выборнова В.А.</b> Предпосылки и условия для профессионального роста первых молодых ученых НГУ	64
<b>Метельков А.С.</b> Альтернативное книгоиздание в Новосибирске (2010-е – начало 2020-х гг.)	71
<b>Когляров М.В.</b> Влияние интернета на протестную активность в Новосибирске в 2000-е гг.	79

***ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ XVIII–НАЧАЛА XX в.***

<b>Дмитриев А.В.</b> Девиантное поведение военнослужащих регулярной армии в отношении гражданского населения Российской империи в XVIII в.	86
<b>Базылева Е.А., Эрлих В.А.</b> Книготорговая практика сибирских отделов Императорского Русского географического общества	95
<b>Тевлина В.В.</b> Скандинавское лесопромышленное предпринимательство в России в конце 1910-х–1920-е гг.	102

***НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ***

<b>Лизунова И.В., Саджад М., Банан Р., Шозэйби М., Армахан П., Хоссейнхани П., Пшеничная Е.В.</b> Книжная культура и издательства Ирана: историческое наследие, современное состояние	111
<b>Памяти А.Х. Элерга</b>	117
<b>Поздравляем М.В. Шиловского с юбилеем!</b>	119
<b>Поздравляем Н.А. Куперштох с юбилеем!</b>	120

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ  
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.  
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;  
Институт истории СО РАН**

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ**

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), академик РАН, *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), канд. ист. наук *В.В. Данилович* (Минск), доктор, профессор *Дашидэндэв* (Улан-Батор, Монголия), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дённингхаус* (Германия), д-р ист. наук *А.С. Зуев* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор, профессор *Л. Виола* (Торонто, Канада), доктор *К. Мацузато* (Токио, Япония), академик РАН, профессор *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор, профессор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), чл.-кор. РАН *И.В. Побережников* (Екатеринбург), *Я. Садовски* (Краков, Польша), чл.-кор. РАН *А.В. Сиренов* (Санкт-Петербург), д-р ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Нур-Султан, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия), д-р ист. наук, профессор *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск), д-р философии *М. Юнге* (Германия)

**РЕДКОЛЛЕГИЯ**

Главный редактор д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*  
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреевков*

Канд. ист. наук *Д.А. Аняньев*, д-р ист. наук *И.В. Быстрова*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Ж.А. Ермекбай*, д-р ист. наук *Г.М. Запорожченко*, д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *Л.Н. Мазур*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, канд. ист. наук *Т.И. Морозова*, д-р ист. наук *С.А. Некрылов*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *В.Н. Разгон*, д-р ист. наук *Т.А. Сабурова*, канд. ист. наук *А.И. Савин* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *Л.Н. Славина*, д-р филол. наук *Е.М. Юхименко*

Адрес редакции: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,  
Институт истории СО РАН, к. 311, тел. (7–383) 330–24–31  
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>  
[gumnauki@gmail.com](mailto:gumnauki@gmail.com)  
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 23.03.2021 г. ПИ № ФС 77-80-483

*Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири» признает международные принципы научной публикации этики и заявляет об отсутствии злоупотреблений служебным положением*

Редактор *В.И. Смирнова*  
Компьютерная верстка и макет *Н.М. Райзвих*  
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

---

Выход в свет 30.12.22. Формат 60×84 1/8. Цифровая печать.  
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Цена свободная. Заказ № 367.

---

Сибирское отделение РАН  
630090 Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17  
Отпечатано в Сибирском отделении РАН  
630090 Новосибирск, Морской проспект, 2  
Тел. 330-84-60, e-mail: [e.lyannaya@sb-ras.ru](mailto:e.lyannaya@sb-ras.ru)

**Russian Academy of Sciences  
Siberian Branch  
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

---

2022, vol. 29, N 4

CONTENTS

<b>Rynkov V.M., Venkov A.V., Bukhovets O.G., Ganin A.V., Kolonitsky B.I., Sukhova O.A., Lannik L.V., Kotyukova T.V., Zhuravlev V.V., Goldin V.I.</b> Round Table “Events of 1917–1922 in Russia: Civil War or civil wars? . . . . .	5
---	---

***SOVIET AND POST-SOVIET HISTORY***

<b>Erokhina E.A.</b> Soviet modernity and ethnicity of peoples of the North in the context of recent civilization shifts . . . . .	18
<b>Chernysheva N.V.</b> The labor mobilization of population in the Volga-Vyatka Region during the Great Patriotic War . . . . .	27
<b>Sharapov S.V.</b> The power and subordinates: methods of command and administrative pressure on collective farms during the Great Patriotic War (on the Novosibirsk region materials) . . . . .	35
<b>Mandrinina L.A., Soloviev N.A.</b> Memorial information resources on the Great Patriotic War participants: regional aspect . . . . .	45
<b>Savin A.I.</b> Khrushchev’s communist purism and the state award policy of the “glorious decade” . . . . .	55
<b>Vybornova V.A.</b> The first young scientists at the Novosibirsk State University. Research interests and professional growth . . . . .	64
<b>Metelkov A.S.</b> Alternative book publishing in Novosibirsk (2010s – early 2020s) . . . . .	71
<b>Kotlyarov M.V.</b> The Influence of the Internet on social activity in Novosibirsk in the 2000s. . . . .	79

***PROBLEMS OF RUSSIAN HISTORY OF THE XVIII–EARLY XX CENTURIES***

<b>Dmitriev A.V.</b> Deviant behavior of regular army servicemen towards the civilian population of the Russian Empire in the 18th century . . . . .	86
<b>Bazyleva E.A., Erlich V.A.</b> Bookselling practice of the Siberian branches of Imperial Russian Geographical Society. . . . .	95
<b>Tevlina V.V.</b> Scandinavian sawmill industry entrepreneurship in Russia in the early XX century . . . . .	102

***ACADEMIC LIFE***

<b>Lizunova I.V., Sajjad M., Banai R., Shoeibi M., Armakhan P., Hosseinkhani P., Pshenichnaya E.V.</b> Transformation of Iranian Book Culture: Historical Experience, Current State and International Communications . . . . .	111
<b>In Memory</b> A.H. Elert. . . . .	117
<b>Congratulations</b> to M.V. Shilovsky . . . . .	119
<b>Congratulations</b> to N.A. Kuperstokh . . . . .	120

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC JOURNAL  
“GUMANITARNYIE NAUKI V SIBIRI”  
 (“HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA”)**

Published since January 1994  
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences  
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

**EDITORIAL COUNCIL**

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Academician of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Candidate of historical Sciences *V.V. Danilovich* (Minsk, Belarus), Doctor of Philosophy *N.B. Dashdendev* (Ulaanbaatar, Mongolia), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical Sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor *M. Junge* (Germany), Doctor of historical Sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor of Philosophy, Professor *L. Viola* (Toronto, Canada), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Delhi, India), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *I.V. Poberezhnikov* (Yekaterinburg), Doctor of historical Sciences *Jakub Sadowski* (Kra-kow, Poland), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *A.V. Sirenov* (St. Petersburg), Doctor of historical Sciences, Professor *Ye.B. Sydykov* (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical Sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical Sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical Sciences, Professor *A.S. Zuev* (Novosibirsk)

**EDITORIAL BOARD**

Chief editor – Doctor of historical Sciences *O.N. Shelegina*  
Executive secretary – Candidate of historical Sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical Sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical Sciences *I.V. Bystrova*, Doctor of historical Sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *J.A. Yermekbay*, Doctor of historical Sciences *G.M. Zaporozhchenko*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical Sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical Sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical Sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Mazur*, Doctor of historical Sciences *A.Yu. Maynicheva*, Doctor of historical Sciences *N.P. Matkhanova*, Candidate of historical Sciences *T.I. Morozova*, Doctor of historical Sciences, Professor *S.A. Nekrylov*, Doctor of historical Sciences *S.P. Nesterov*, Doctor of historical Sciences, Professor *V.N. Razgon*, Doctor of historical Sciences *T.A. Saburova*, Candidate of historical Sciences *A.I. Savin* (deputy chief editor), Doctor of historical Sciences, Professor *L.N. Slavina*, Doctor of philological Sciences *Ye.M. Yukhimenko*

**E d i t o r i a l a d d r e s s:** Institute of History, SB RAS, office 311, 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090  
Russian Federation  
tel. 7-383-330-24-31  
<http://www.hssiberia.info>; <http://www.sibran.ru>  
[gumnauki@gmail.com](mailto:gumnauki@gmail.com)  
Editorial staff manager: Vera I. Smirnova

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of the Russian Federation on June 17, 1993, N 0110807  
*The editorial staff of the Journal “Humanitarian Sciences in Siberia” is committed to the international ethical guidelines for scientific publications and declares that it does not abuse its power.*

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,  
2 Morskoy Pr., Novosibirsk, 630090 Russian Federation

DOI: 10.15372/HSS20220401

УДК 94(47)“1917/1922”

**В.М. РЫНКОВ, А.В. ВЕНКОВ, О.Г. БУХОВЕЦ, А.В. ГАНИН,  
Б.И. КОЛОНИЦКИЙ, О.А. СУХОВА, Л.В. ЛАННИК, Т.В. КОТЮКОВА,  
В.В. ЖУРАВЛЕВ, В.И. ГОЛДИН**

## **КРУГЛЫЙ СТОЛ «СОБЫТИЯ 1917–1922 гг. В РОССИИ: ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ИЛИ ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ?»**

5–7 сентября 2022 г. в Институте истории СО РАН состоялась Международная научная конференция «Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности», посвященная 100-летию завершения Гражданской войны в России. На заключительном круглом столе участники конференции обменялись мнениями по итогам войны, обсудили проблемы исторической памяти о ней и исторических уроков. В целом круглый стол показал, что существует интерес и возможность изучать эпоху Гражданской войны в совокупности «исследовательских регистров»: и как единое явление, и как серию пересекающихся гражданских войн с учетом международного контекста, привлекая материал о территориях, сопредельных с Россией, наконец, рассматривая события в локальных рамках и оптике микростории.

**Ключевые слова:** Гражданская война в России, революция, антибольшевистские выступления, Красная армия, национальные движения, крестьянское движение, Первая мировая война.

**Вадим Маркович Рынков** – д-р ист. наук, директор Института истории СО РАН, Новосибирск, e-mail: director@history.nsc.ru

**Андрей Вадимович Венков** – д-р ист. наук, профессор Института истории и международных отношений Южного федерального университета / Южного научного центра Российской академии наук, Ростов-на-Дону, e-mail: andrey\_venk@rambler.ru

**Олег Григорьевич Буховец** – д-р ист. наук, профессор Белорусского государственного экономического университета, Минск, e-mail: o\_bukhovets@tut.by

**Андрей Владиславович Ганин** – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения Российской академии наук, Москва, e-mail: andrey\_ganin@mail.ru

**Борис Иванович Колоницкий** – д-р ист. наук, профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, e-mail: boris\_i\_kol@mail.ru

**Ольга Александровна Сухова**, д-р ист. наук, профессор, декан историко-филологического факультета Пензенского государственного университета, e-mail: savtemp@yandex.ru

**Леонтий Владимирович Ланник** – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Москва, e-mail: leo-lannik@yandex.ru

**Татьяна Викторовна Котюкова** – канд. ист. наук, заведующая сектором истории Центральной Азии Института всеобщей истории РАН, Москва, e-mail: kotyukovat@mail.ru.

**Вадим Викторович Журавлев** – канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории СО РАН, Новосибирск, e-mail: vvzh@mail.ru

**Владислав Иванович Голдин** – д-р ист. наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, Архангельск, e-mail: v.i.goldin@yandex.ru

**Vadim M. Rynkov** – Doctor of Historical Sciences, Director, Institute of History SB RAS, Novosibirsk.

**Andrey V. Venkov** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Laboratories of the Cossacks, Federal Research Center Southern Scientific Center RAS, Rostov-on-Don.

**Oleg G. Bukhovets** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Belarusian State Economic University, Minsk.

**Andrey V. Ganin** – Doctor of Historical Sciences, Leading Research Fellow, Institute of Slavic Studies RAS, Moscow.

**Boris I. Kolonitskiy** – Doctor of Historical Sciences, Professor, European University in St. Petersburg, Leading researcher, St. Petersburg Institute of History RAS.

**Olga A. Sukhova** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean, Faculty of History and Philology, Penza State University.

**Leontiy V. Lannik** – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of World History RAS, Moscow.

**Tatiana V. Kotukova** – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Central Asian History, Institute of World History RAS, Moscow.

**Vadim V. Zhuravlev** – Candidate of Historical Sciences, researcher, Institute of History SB RAS, Novosibirsk.

**Vladislav I. Goldin** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk.

## ROUND TABLE “EVENTS OF 1917–1922 IN RUSSIA: CIVIL WAR OR CIVIL WARS?”

V.M. RYNKOV, A.V. VENKOV, O.G. BUKHOVETS, A.V. GANIN,  
B.I. KOLONITSKY, O.A. SUKHOVA, L.V. LANNIK, T.V. KOTYUKOVA,  
V.V. ZHURAVLEV, V.I. GOLDIN

On September 5–7, 2022, the Institute of History of SB RAS hosted the International Scientific Conference “Civil War in Russia: issues of exit, historical consequences, lessons for the modernity” dedicated to the 100th anniversary of the end of the Civil War in Russia. At the final Round Table, the conference participants exchanged views on its results, discussed the issues of historical memory about it and historical lessons. In general, the Round Table showed that it is possible to study the Civil War era in a variety of “research registers” such: a Civil War in general, a series of intersecting civil wars in an international context drawing on materials from the territories adjacent the Russian Empire, and, finally, considering events in the local frames and microhistory optics.

*Key words:* Civil war in Russia, revolution in Russia, anti-Bolshevik forces, Red Army, national movements, peasant movements, World War I.

**В.М. Рынков.** Тема нашего сегодняшнего обсуждения такова: сколько было гражданских войн?

Сейчас существует два подхода к ответу на этот непростой вопрос. Один подход – традиционный. Со всеми оговорками, что Гражданская война в таком обществе, как распавшаяся Российская империя, – это явление, трудно приводимое к одному понятию. Его сторонники рассматривают Гражданскую войну как единое явление и единый этап в жизни страны. Большинство историков, даже отказываясь от такого одностороннего наследия советской историографии и споря друг с другом о хронологических рамках Гражданской войны, продолжают придерживаться этого понимания единой Гражданской войны.

Существует и другой подход, который появился лишь в последние десятилетия и, как сказал Джонатан Смиль, позволяет снять многие противоречия историографического процесса. Когда-то японский исследователь Харуки Вада продемонстрировал подобный подход по отношению к Первой русской революции, предложив считать ее не цельной революцией, а пучком, переплетением самых разнообразных революций: национально-освободительных, пролетарской, крестьянской, солдатской. Если при определенных исследовательских задачах анализировать каждую из них отдельно, предполагая, что у каждой существуют собственные закономерности развития, собственная динамика, то нам, как подчеркивал исследователь, откроются новые эвристические возможности, оставшиеся скрытыми при анализе революции как единого процесса. В принципе, то же самое предлагается сделать применительно к Гражданской войне: рассматривать отдельные ее очаги и потоки как самостоятельные гражданские войны, а эту войну не как единый сложный процесс, а как переплетение разных гражданских войн.

Самый известный из авторов, придерживающийся такого подхода, – это Джонатан Смиль, высту-

пивший с книгой «Гражданские войны России: 1916–1926» [Smele, 2015]. В этой книге он предлагает расширить хронологические рамки Гражданской войны. В российской историографии его книга неоднократно рецензировалась и вызвала достаточно много критики, особенно критиковался предложенный им рубеж окончания Гражданской войны. Его Смиль обозначает 1926 г., ссылаясь на решение совершенно частного вопроса – изменения системы военного управления Средней Азии. Но, по крайней мере, вопрос о том, можно ли воспринимать 1916-й год как начало Гражданской войны, в российской историографии в свое время активно дискутировался и нашел своих сторонников. Восстание в Туркестане и Степном крае настолько было масштабно и тесно связано с последующими событиями, что если анализировать историю Гражданской войны в территориальных рамках Казахстана и Средней Азии, и не борьбу красных и белых, а историю национальной борьбы, то можно вполне согласиться с таким пониманием войны, датируя ее с 1916 до 1921 или 1922 г. Это открывает возможности увидеть более глубокие взаимосвязи событий. Возникает впечатление о целесообразности такого исследовательского подхода и для других регионов, и для России в целом: к каждому локальному региону следует применять свои хронологические рамки и проследить отдельно разные составляющие противостояния как отдельные войны.

Кроме того, обращают на себя внимание два момента, на которых хотелось остановиться. До военного обострения, готовя эту конференцию, еще в декабре, я беседовал с украинскими коллегами и предлагал им поучаствовать в нашей дискуссии. Получил несколько неожиданный ответ, который является, на мой взгляд, таким обостренным до предела результатом реализации именно этого второго подхода. Ответ был таков: «Мы готовы участвовать в дискуссии по вашей гражданской войне. На Украине-то граждан-

ской войны не было, была первая советско-украинская война и вторая советско-украинская война. Мы ее проиграли, интервенты пришли и нас завоевали. Ну вот, собственно говоря, и вся дискуссия. Если вы готовы нас слушать – то пожалуйста, ничего другого мы вам предложить не можем». Я пытался оспорить это мнение: «Ну как же, столько свидетельств внутренних конфликтов на территории современной Украины, вспыхнувших искрами Гражданской войны... Но, «нет, это – ваша гражданская война». Конечно же, это обостренный вариант реализации такой концепции, но похожие трактовки присутствуют и в других национальных историографиях, в которых события на современных национальных территориях рассматриваются достаточно изолированно. На самом деле, если на территории ныне существующего государства на постсоветском пространстве события анализировать изолированно, то может сложиться впечатление, что это самостоятельная Гражданская война. Причем, даже в тех случаях, когда не возникает предложение вообще не считать Гражданскую войну гражданской, в историографиях Грузии, Азербайджана, Казахстана и других современных государств она представляется в иных хронологических рамках и как некий автономный процесс, потому что в фокус изложения попадают те сюжеты, которые в общероссийском имперском пространстве выглядят второстепенными.

Второй момент, который хронологически возник раньше. Речь идет о книге Александра Сергеевича Пученкова «Украина и Крым», где очень детально описывается история белого движения на Украине, история русского национального общественного движения, анализируются дискуссии, которые возникали в русскоязычной прессе. Хорошо видно, что там, на Украине, много всего было связанного с русским миром. Украинская историография вся концентрирована на украинской революции и исследует все этапы ее сложного государственного строительства, но без учета присутствия русских, действующих на той же самой территории и продолжавших играть как минимум равнозначную, а в каких-то эпизодах и преобладающую роль в событиях по сравнению с украинским национальным движением. Тогда у меня впервые возникло понимание, что если мы выделяем всю эту цепочку гражданских войн как самостоятельных украинских, грузинских, иных, мы обедняем исторический процесс, искусственно теряя единый сложный комплекс противоречий, которые наблюдаются и в политической, и в военной сферах. Таким образом, применяя концепцию цепочки и переплетения разных гражданских войн, мы, приобретая некоторые позитивные исследовательские результаты, в целом все-таки многое упускаем в нашем видении единого исторического процесса.

Высказываясь в пользу единства Гражданской войны на всем постимперском пространстве, мы ни в коем случае не придерживаемся имперского взгляда на прошлое, в чем нас периодически упрекают. Это такой исследовательский проект, реализуя который, нам надо пытаться анализировать единый процесс во всех государствах, которые сейчас являются независимыми, но тогда таковыми не были. В условиях распадающегося имперского пространства они характеризовались схожими противоречиями, очень тесными взаимосвязями, и, что очень важно, включали элементы русского мира, других диаспор, существовавших на этих территориях где-то задолго до революции, где-то в течение более ограниченного времени. Во время революции и Гражданской войны все усложнилось новыми потоками мигрантов из Центра на окраины. Следовательно, наряду с национально-освободительным движением на окраинах существовали иные движения, в том числе русского населения. Все эти факторы корректировали и политическую, и военную составляющие Гражданской войны на постимперской периферии. Соответственно, если мы начнем делить Гражданскую войну на национальные, пролетарские, солдатские и другие отдельные гражданские войны, то мы можем многое упустить, огромное количество важных деталей окажется выброшено из общего исторического процесса.

**А.В. Венков.** Гражданская война, по моему мнению, сорвала мировую революцию, ради которой большевики брали власть в России. Давайте вспомним «Апрельские тезисы», «Прощальное письмо к швейцарским рабочим» и пр. Для чего бралась власть в России? Для того чтобы подтолкнуть революцию в Европе. Даже несмотря на то, что пролетариат в России вместе с семьями составлял 8 % населения, революция была объявлена социалистической. В ноябре 1917 г. в подготовительных документах В.И. Ленин пометил: «Признание революции 25. X. за социалистическую революцию» [1974а, с. 424]. Далее, если мы вспомним, все эти перипетии с Брестским миром, затем события 1918 г., то станет ясно, что большевики тянули время, ждали революцию в Германии, чтобы рвануть туда. Последний такой всплеск – 1921 год, выступление Ленина на X съезде, когда он говорил, что большевики вынуждены идти на уступки крестьянам, «пока не наступила революция в других странах» [1970, с. 59]. Была введена «новая экономическая политика».

Посмотрите: надежда на революцию в Германии не оправдалась, поскольку немцы подписали Брестский мир. Для того чтобы удержаться у власти, большевики пропагандируют гражданскую войну. В Московском совете был провозглашен лозунг: «Да здравствует Гражданская война!». Логика такова: пусть все здесь пока подерутся между собой, а они подождут

революцию в Германии. Далее, революция в Германии все-таки происходит, но в это время в России уже слишком далеко зашли внутренние конфликты. III съезд Советов провел социализацию земли таким образом, что в казачьих районах, где казаки раньше сдавали землю в аренду крестьянам и теперь этой земли лишились, началась настоящая резня... Это от начала до конца 1918 года. Наконец революция в Германии происходит, Австро-Венгрия разваливается, а в директивах Красной армии что планируется? Мощнейшее наступление на запад, наступление на юг. По плану войска Южного фронта должны были выйти к Черному морю и повернуть на Румынию. То есть, готовилось мощнейшее наступление на Европу. Однако казаки не дают уйти с юга – постоянные восстания. Наступление вдоль Черного моря в Европу срывается. Далее, 1919 год, революция в Баварии, революция в Венгрии, но «империалисты» толкают Колчака ударить с востока, сорвать наступление большевиков на запад. «Национальные формирования» недавно созданных государств перекрывают им дорогу на Запад. Большевики до Вильно дошли, а там – поляки. Погнали украинцев, петлюровские войска выгнали в город Житомир, Одессу заняли, большое, казалось бы, наступление. Однако – выступил Колчак, восстания на юге... Деникин начал наступление, не дал разбить поляков – наступление застопорилось. 100 км до Венгрии не дошли, там революцию успели подавить румыны и др.

Давайте вспомним написанное в августе 1919 г. письмо Троцкого Ленину, где он предлагает отдать Украину Деникину. Мол, то большевики крестьянские восстания на Украине давили, пусть их теперь давит Деникин. Не получилось пока в Европе, поэтому Троцкий предлагает создать 60-тысячный конный корпус и бросить его на Восток, в Афганистан, в Иран, поднять там антиколониальное восстание. То есть большевики рвутся из России, потому что то, что они в России устроили, их удовлетворить не может. Они не к этому стремились. Сам Ленин написал: «Мы, партия большевиков, Россию убедили. Мы Россию отвоевали – у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией управлять». В той же статье добавляет: «Понятно, что у руководящей революционным пролетариатом партии не могло сложиться опыта и навыка больших, на миллионы и десятки миллионов граждан рассчитанных, организационных предприятий, что переделка старых, почти исключительно агитаторских навыков – дело весьма длительное» [1974б, с. 172, 193]. То есть в России власть взяли, а научиться управлять – «дело весьма длительное».

Выйти из этой ситуации быстро не могли. После этого происходит последний поход Гражданской вой-

ны – Польша. С поляками не удалось. Почему? Свою роль сыграла массовая, огромная крестьянская армия, при царе в Первую мировую войну – 9-миллионная. Большевики создали 5-миллионную крестьянскую армию и поставили во главе ее кого? Бывших царских офицеров. Однако это патриотическая сила. Какая тут уже мировая революция? Что они в Европе забыли? Они языками не владеют.

Главная ударная сила большевиков на польском фронте – 1-я конная армия – дошла до г. Броды, до старой австро-венгерской границы, и на полтора месяца забуксовала. Политкомы докладывали, что главный вопрос у бойцов – где граница? За границу не пойдём...

Итак, созданная большевиками система не дала им подтолкнуть революцию в Европе. Значит, надо было как-то мириться. Отсюда все эти амнистии бывшим белым, амнистии репатриантам, отсюда идея восстановления страны. Я не думаю, что это была их такая суперидея.

Наконец, подписание Союзного договора – создание Советского Союза. Сверхидея этого договора была какая? Вспомните, Раковский напомнил Ленину, что начинали все это ради мировой революции. Если создается социалистическое государство, то это не значит, что восстанавливается Россия. Революционная Румыния войдет в состав революционной России? Революционная Германия войдет в состав России? Нет! Надо создать такое государство, где в названии не было бы слова «Россия». Придумали «нейтральный» вариант названия – «Союз Советских Социалистических Республик Европы и Азии». Таким образом готовились клише, матрица для объединения всех революционных стран в будущей мировой революции. Однако революция заканчивалась. У большевиков в Европу идти не было сил. В Европе тоже навоевались, пролили много крови и затихли.

Итак, на этой разразившейся у нас, невероятно кровавой и беспощадной, Гражданской войне большевики надорвали силы. Вот почему мировая революция, как они считали тогда, откладывалась. В этом великая историческая роль нашей Гражданской войны.

**О.Г. Буховецко.** Я хочу начать с того известного, особенно крестьяноведам, остроумного определения Маркса относительно того, что крестьянство образует собою класс примерно в том же смысле, в котором мешок картофелин образует мешок картофеля. Поэтому я хотел бы привлечь ваше внимание, к тому, что, допустим, для Белоруссии Гражданская война в «классическом» понимании была сугубо периферийным явлением. Воспользуюсь присутствием здесь В.И. Голдина и других компетентных специалистов и напомню, что если взять даже такие наиболее извест-



ные проявления Гражданской войны на территории Белоруссии, как выступление Стрекопытова («стрекопытовщина») или «авантюра Булак-Балаховича», то длились они лишь по нескольку дней. То же самое можно сказать и о псевдовосстании, в котором якобы участвовали крестьяне 15 волостей Слуцкого уезда. На самом деле никакого восстания там не было. Однако националистическая мифология (которую так впечатляюще практикуют сейчас наши украинские коллеги), белорусская националистическая мифология, опирается, в частности, именно на «Слуцкое восстание».

Зато для Белоруссии несравненно более значимым был фактор военной оккупации в годы Гражданской войны. 1-й Польский корпус Довбор-Мусницкого, когда он объявил войну советской России и отказался повиноваться советскому командованию, то сделал это тогда, когда еще продолжалось советско-германское перемирие. Поляки объявили о создании на территории пяти белорусских уездов «Независимой республики Довбория». Германские оккупационные власти санкционировали этот нелепый проект, и польские легионеры обложили местное население дичайшими акцизами и налогами: даже на кошек, собак и т.п. Им ведь надо было как-то кормиться, ибо немцы-то в Белоруссии выгребали уже подчистую все, и после них ничего не оставалось.

Как вы знаете, по состоянию на 1918 г. западная часть белорусских губерний находилась под германской оккупацией уже почти два с половиной года, а после немецкого выступления в феврале–марте 1918 г. все они без малого были заняты немецкими войсками. Расширение немецкой зоны оккупации Белоруссии произошло в силу крайней слабости молодой советской России, а вовсе не по причине усиления Германии: последняя в 1918 г. как раз стремительно слабела. Отсюда и привлечение немцами украинцев, поляков и в меньшей степени литовцев к обеспечению оккупационного режима на занятой территории. Особенно страдали жители Белоруссии от «партнерства» немцев в этом ключе с украинцами и поляками. Последние после эвакуации весной 1919 г. германских гарнизонов из Западной Белоруссии и перехватили у немцев оккупационную «эстафетную палочку». Поэтому большая часть 1919 и 1920 гг. для Белоруссии прошла уже под знаком польской оккупации.

Такова выраженная специфика Гражданской войны в таком крупном регионе Европейской России, как белорусские губернии с их 9-миллионным населением. Типологическую общность процессов этой войны в разных частях огромной России, с одной стороны, не нужно «дорисовывать», но с другой – нельзя, как это сейчас делают (в частности, украинские историки) и отрицать ее.

**А.В. Ганин.** Тема нашего круглого стола звучала как Гражданская война или гражданские войны. Из этого и буду исходить. Ответ таков: с одной стороны, конечно, и Гражданская война, и гражданские войны. Рассмотрим несколько моментов. Во-первых, каждое из возникших на руинах старой России национальных государств вело свою борьбу за независимость. Возникали конфликты по самым разным направлениям, причем не обязательно с участием России. По национальному вопросу или по территориальному. Это были и армяно-грузинская война, и польско-украинская, и армяно-азербайджанский конфликт, грузино-абхазский, боевые действия красных и белых против Украинской народной республики (причем с каждой стороны участвовали тогда этнические украинцы), Советско-польская война, финская гражданская война и т.д. Но даже наименование «гражданские войны», на мой взгляд, не всегда подходит, так как это были не только межнациональные или социально-политические конфликты внутри тех или иных государств, но и конфликты между независимыми государствами. Разумеется, с учетом общего прошлого этих постимперских территорий всегда можно найти какие-то элементы Гражданской войны. Например, во главе советских и польских войск часто стояли прежние товарищи по службе в русской армии. Занимаясь кадрами Генштаба, я прослеживаю буквально, когда бывшие однокашники по академии оказывались по разные стороны линии фронта не только применительно к столкновениям белых и красных, но и в случае боевых действий Красной и польской армий.

Что касается партийного аспекта, то эсеры, например, вели свою Гражданскую войну, причем не только в России, – боролись и против красных, и против правого спектра антибольшевистского лагеря, а большевики вели свою. Можно вспомнить и различные национальные движения – башкирское, казахское, которые также вели свою борьбу, движение басмачей, о котором шла речь на конференции.

Можно вспомнить и различные социальные группы. У нас написана крестьянская история Гражданской войны, целые тома – про махновщину, антоновщину и т.п. Но то же самое справедливо и по отношению к рабочим, интеллигенции, офицерству. Собственно то, чем я занимаюсь, это пытаюсь написать историю Гражданской войны как историю внутрикорпоративного конфликта офицерства и, прежде всего, военной элиты в лице офицеров Генерального штаба. Можно вспомнить казачество, которое вело свою борьбу. А есть еще и микроуровень, на котором одни деревни воевали с соседними, казаки с иногородними, переселенцы с коренным населением и т.д. Некоторые конфликты тянулись с дореволюционного времени. Например, события восстания 1916 г. в Туркестане повлияли на расклад сил в регионе в Граж-

данскую войну. Тогда многие вожаки повстанцев стали видными большевистскими деятелями. Бывшие переселенцы в основном поддержали красных; казаки («киргизы» – как тогда называли современных казахов) выступили на стороне белых. Восстание 1916 г. способствовало формированию басмачества. Поэтому я думаю: была и Гражданская война, и гражданские войны, но, как уже показал на ряде примеров, происходившее в 1917–1922 гг. не укладывается и в рамки определения «гражданские войны». Можно говорить, как и делают некоторые исследователи, об эпохе войн и конфликтов на постимперском пространстве. Так, вероятно, будет точнее всего. Хотя и здесь есть серьезные исключения. Например, в 1920–1921 гг. части Красной армии совершили ряд экспедиций за пределы страны либо в целях советизации соседних территорий, либо в целях ликвидации там антибольшевистских сил. Наиболее известна советская экспедиция в Персию в 1920 г., но также можно вспомнить (и это ближе к востоку России) походы Красной армии в 1921 г. в Северо-Западный Китай для ликвидации сил генерала Бакича и в Монголию – для ликвидации сил Унгерна. В общем, любая систематизация имеет, конечно, свои издержки, главное – понимать, зачем она нужна и что добавляет к осмыслению тех событий. Подводя итог, можно сказать, что Гражданская война не ограничивается каким-то одним определением, какими-то рамками, как человеческую жизнь невозможно ограничить какими-то рамками, кроме временных.

**Б.И. Колоницкий.** Итак, «Гражданская война» или «гражданские войны»? Я полагаю, что в науке нет «универсальных отмычек», годных для всех ситуаций и понятий: для разных задач нужны разные «ключи». Соответственно, ответ на этот вопрос зависит от исследовательской задачи и от тех рабочих определений, которые мы используем.

И вряд ли мы сможем найти устраивающий всех ответ. Разумеется, мы должны дать совершенно ясный ответ тем людям, которые создают учебники, определенный ответ школьникам и студентам (хотя студентов и можно уже ознакомить с мыслью о том, что не все важные вопросы имеют один-единственно верный ответ). Конечно, задачи преподавания требуют от нас некоторой «дидактической редукации»: мы ограничены учебным временем, которое отводится на изучение той или иной темы, объемом учебника и пр. Существует к тому же и уже сложившаяся образовательная традиция, которую мы не можем не учитывать, от которой нам следует отталкиваться. Все уже привыкли, например, к тому, что существует определенная периодизация российской истории XX в., в которой важное место занимает Гражданская война. Здесь и не стоит особенно менять устоявшиеся хронологические рамки, хотя студентов-историков, на-

верное, нужно познакомить и с тем, что разные исследователи – и по очень разным причинам – отказываются вообще от использования термина «гражданская война» применительно к сложнейшему комплексу конфликтов, развивавшихся под воздействием Первой мировой войны и революции.

Есть задачи под большие, амбициозные проекты, скажем, том в многотомной истории России; сам жанр такой публикации, задающей некоторые ориентиры, должен зафиксировать сложившийся консенсус, отражая его и в ясных, однозначно понимаемых определениях, и в четкой периодизации. Но можно с большой долей уверенности предположить, что вряд ли этот консенсус устроит всех исследователей: слишком различаются и объекты их описания, и их методология.

Обобщающие работы неизбежно уделяют большое внимание взгляду из «кабинетов власти», они непременно должны смотреть на ситуацию, реконструируя решения важнейших политических акторов и контекст принятия этих решений. Но важнейшее направление современной историографии – и наиболее, на мой взгляд, интересное – это изучение Гражданской войны на местах. В лучших своих проявлениях указанное направление дает удачное соединение глобальной и локальной истории, но и тщательное изучение особенностей гражданских войн позволяет увидеть большие региональные особенности на уровне губерний, уездов, а порой даже и волостей. Наряду с изучением имперского измерения Гражданской войны (интерес к этой теме явно усилился после распада СССР) все это заставляет говорить о разнообразии конфликтов и своеобразии их протекания на различных территориях.

Вопрос о хронологических рамках Гражданской войны (или гражданских войн?) также связан и с используемыми определениями, и с территориальными рамками рассматриваемых явлений. Например, в отечественной историографии советско-польская война включалась в Гражданскую войну. А почему, собственно? Советская историография обосновывала это, предлагая схему «походов Антанты». Но все ли сейчас готовы согласиться с такой аргументацией? Бесспорно, довольно сложно оторвать советско-польскую войну от событий Гражданской войны, но все же это иной тип конфликта. С проблемой «вписывания» польской ситуации в разнообразные конфликты региона сталкиваются не только российские историки, достаточно упомянуть довольно известную книгу Йохена Белера «Гражданская война в Центральной Европе» [Böhler, 2018]. В ней речь идет о различных конфликтах вокруг Польши и внутри Польши. Кроме того, в этой книге показывается, что польская картина общенационального объединения не совсем соответствует действительности. Автора интересуют и

пограничные с Польшей территории (белорусские, литовские, украинские), но от анализа «российской» Гражданской войны он уклоняется, хотя ее влияние нам кажется очевидным. Для нас же это ставит вопрос о территориальных границах такого сложнейшего явления, которое мы традиционно называем гражданской войной.

Я не думаю, что в ближайшее время будет найдено какое-то общее и единое для всех определение понятия «гражданская война». Это проявляется и в том, что акторы, политическая направленность которых кажется нам совершенно очевидной, при ближайшем рассмотрении оказываются сложными и сложносоставными. Я бы привлек внимание исследователей к такому источнику, как опубликованный недавно перевод с латышского стихов Александра Чака. Он сам не был латышским стрелком, но он в Латвии общался с ветеранами в 1920–1930-е гг. и на основании их рассказов писал стихи. Это был мемориальный проект, история о том, как некоторые латышские стрелки придумывали себе героическое прошлое в условиях независимой Латвии. Один эпизод: стрелки едут после Крыма через какой-то провинциальный город, их торжественно встречают, музыка играет «Интернационал», море красных флагов, и вдруг местный чекист видит на штабном вагоне красно-бело-красный латвийский национальный флаг. Разворачивается страшный скандал, в ходе которых стрелки отстаивают свой символ и угрожают чекисту. Если посмотреть на жизненные траектории многих латышских стрелков, то этот эпизод не представляется совершенно фантастическим. Традиционно красных латышей именовали идейными рыцарями революции, но позиция их части определялась их собственным видением латвийского национального проекта.

В заключении я хотел бы сказать, что мы должны в ходе конструктивных дискуссий оттачивать наши определения и уточнять периодизацию, но не менее важно искать сюжеты, объединяющие исследователей различных конфликтов «российской Гражданской войны», это принципиально важно для создания обобщающей истории Гражданской войны. Например, можно долго спорить о включении или не включении «украинской революции» в «российскую гражданскую войну», но никто из участников дискуссии не сможет игнорировать ни труды А.В. Ганина, посвященные сравнительному изучению жизненной траектории офицеров императорской армии, ни работы Л.В. Ланника, изучающего различные оккупационные режимы на постимперском пространстве.

Думаю, что перспективным было бы инициировать выполнение больших исследовательских проектов, которые могли бы объединить ученых из разных регионов и разных стран. Таким проектом могло бы стать сравнительное изучение «столиц» Гражданской

войны – городов, которые становились (иногда на короткое время) центрами политических и национальных проектов, ведь успех этих проектов во многом зависел от ресурсов – технологических, людских, символических – этих городов.

**О.А. Сухова.** Сама постановка вопросов, вынесенных для обсуждения, переводит дискуссию на новый теоретический уровень, позволяет дистанцироваться от эмоционально окрашенных и излишне политизированных суждений и, наконец, «договориться» о терминологии, о критериях определения понятий.

На мой взгляд, не стоит «множить сущности» и делить процесс гражданского противостояния на отдельные частные вариации: «гражданские войны», «малая гражданская война». Гораздо большее значение имеет интерпретация ментального измерения, «расшифровка» образов в сознании современников и практик социальной адаптации к «жизни в катастрофе», к экстремальной повседневности. По справедливому замечанию Б.И. Колоницкого, угроза Гражданской войны и страх перед эскалацией насилия в массовом сознании российского общества обновились уже летом 1917 г. еще до прихода большевиков к власти.

При этом важно учесть специфику восприятия и поведения основной массы населения страны – крестьянства. По всей вероятности, прологом гражданской войны следует рассматривать Первую мировую войну и, соответственно, перенос милитаризованных и маргинализированных оценок сознания многомиллионной крестьянской массы из окопов в тыловую повседневность. Фактор «человека с ружьем» (солдаты тыловых гарнизонов, дезертиры, демобилизованные) во многом определяет радикализацию настроений и эскалацию насилия в России уже весной-летом 1917 г. Концентрация военнотружущих в городах и перемещение значительных контингентов по линиям железных дорог чаще всего выступали стимулами возникновения и тиражирования погромных настроений.

Можно отодвинуть хронологические рамки гражданской войны еще дальше – к моменту крушения монархии. С точки зрения крестьянства, гражданская война начинается с момента реализации мифологии «черного передела». Первые крестьянские съезды, провозгласившие законность изъятия помещичьих земель, состоялись уже в конце марта 1917 г. «Гражданское противостояние», таким образом, было введено крестьянами явочным порядком. И несмотря на то, что крестьяне соглашались на тезис об окончательном решении земельного вопроса Учредительным собранием, к июню «черный передел» был уже фактически завершен. Вынужденные уступки со стороны земельных собственников вряд ли можно рас-

смагивать как стремление к гражданскому миру. Да и власти не обладали необходимыми ресурсами для противодействия незаконным действиям захватчиков. Поэтому гражданская война не исчерпывается борьбой за верховенство власти и военным противостоянием политических акторов: «красных» и «белых». Необходимо учитывать оси внутренней социальной интеграции и солидаризации.

В этом ключе и окончание Гражданской войны отодвигается на 1922 и даже 1923 гг., когда сходит на нет крестьянское повстанческое движение, получившее официальную маркировку в терминах «дезертирство» и «бандитизм». Защита крестьянского мира от посягательств извне, противостояние «выгребке» хлеба и принуждению к исполнению повинностей формировали новые горизонты Гражданской войны. Отправной точкой примирения и отказа от насилия как экстремального регулятора реалий повседневности, восстановления социально-политической интеграции будет изживание последствий голодовки и получение помощи от государства.

**Л.В. Ланник.** Мне кажется, мы находимся в таком состоянии, когда нарушен базовый принцип: не множить сущности сверх должного. А ныне сущности множат, и очень сильно.

Примеров можно привести массу. В частности, это касается «азербайджанской революции». Я могу ответственно сказать, что хотя слово «Азербайджан», безусловно, существовало к 1918 г., оно не применялось ни в конкретном географическом смысле, ни даже в этническом почти никем. Более того, образование Азербайджана (как его в дальнейшем называли в советской историографии – «мусаватистского») объяснялось, к примеру, в Германии очень просто: это была подготовка к будущей османской аннексии всего исторического Азербайджана, к аннексии Тебриза. Вот, собственно, и все. Если мы на таком основании будем допускать существование некой отдельной «Азербайджанской революции», то мы зайдем очень далеко.

Можно привести пример и из другого региона. У украинского исследователя М. Ковальчука его базовый труд называется «Битва двух революций» [2015]. Но тогда, скажите, а где границы той особой, отдельной украинской революции? И я слышу про «региональные специфики», но простите, никто меня не убедит в том, что на Волыни и в Одессе (я здесь еще беру далеко не полярные примеры) была одинаковая или очень схожая региональная специфика.

Констатируя политическую мифологию, мы, наверное, должны с ней не бороться (потому как это будет просто эмоция), а просто заняться поисками упомянутых Б.И. Колоницким «обручей». В этом сонме различных интерпретаций событий, быть может, есть смысл обратиться к чисто техническим условиям.

Действительно, на какой-то момент мы имеем 5–8 млн единиц стрелкового оружия на руках. Пока этого нет, можно кричать что угодно, бояться чего угодно, но гражданской войны не будет – не из чего стрелять. Соответственно здесь критически становится важно, как конкретно шла демобилизация и т.д. В общем, это техническое условие. Это первое.

Второй момент: надо смотреть на демографию. Мы имеем вполне четкие демографические данные, мы имеем крестьянскую молодежь, совершенно разболтавшуюся за те четыре года, пока отцы были на фронте. Мы имеем просто физически большое количество молодых людей, которые получают доступ к оружию. Как известно, Гражданская война в самых яростных своих проявлениях велась людьми, которые как раз на фронте-то (Первой мировой войны) и не были. Списывание ее ожесточения на «окопную болезнь», как известно, – давно опровергнутый миф.

Поэтому мне кажется, что обращение к технике и демографии, к базовым техническим, в широком смысле, условиям позволит прекратить тот шабаш вокруг несуществующих границ, на рассматриваемый момент не актуальных понятий.

По моему мнению, имеется еще одна важная проблема, которая была здесь поставлена А.В. Венковым, – проблема «экспорта революции». Должен сказать, что все упомянутые революции в Европе, что бы там себе ни приписывали большевики, вспыхнули не так, не тогда и, в общем-то, не по их заслугам. Это касается и Венгрии, и Баварии, и ноябрьской революции в Германии. Большевики все время либо не успевали, как в Болгарии (в сентябре 1918 г.), либо с трудом устанавливали хоть какие-то контакты к тому моменту, когда все уже было потеряно, как в Берлине (в январе 1919 г.). Здесь мы должны поставить вопрос о Гражданской войне в России, как о том конфликте, который выливался за ее пределы, и трансформация постимперских пространств должна все-таки рассматриваться на *всех* постимперских пространствах. Потому как границы были стерты фронтами Первой мировой войны и были больше не актуальны. Они и до этого были так... привычны, но не очень действенны.

Таким образом, надо иметь в виду гражданские войны, которые просто из наблюдаемого в России переносились в Австро-Венгрию, в Германию, в Турцию, и, конечно, далеко за границы российского Туркестана, не потому, что это была идеология или какие-то особо привлекательные отзвуки, а потому, что в России был продемонстрирован конкретный «технический» пример того, что можно сделать при наличии более или менее современного вооружения и при более или менее «подходящей» демографии.

**Т.В. Котокова.** Дискуссия интересная, и я согласна с Леонтием Владимировичем Ланником, я бы

тоже не множила сущности и не расширяла хронологические рамки. Например, то, что касается так называемого восстания 1916 г., я не вижу вообще никаких оснований считать это событие, или, вернее, – *эти события* частью гражданской войны.

Что такое гражданская война в России в классическом ее понимании? Это все-таки конфликт с какой-то идейно-идеологической основой и подложкой. Вроде бы имеется некая основа такого рода и у *восстаний 1916 г.* (я позволила ввести себе такой термин), но, на мой взгляд, это такой комплекс разнородных событий, которые вообще не были связаны между собой. Прежде всего, не обострилась бы ситуация в Туркестане, если бы не стечение определенных обстоятельств, если бы относительно коренного населения не было введено в действие (а потом отменено) это знаменитое высочайшее повеление о привлечении мужского инородческого населения. При этом между событиями, которые происходили в Тургайской области, событиями, которые происходили на территории Джизака, и событиями где-нибудь в пустыне за Каспием, не было никаких взаимосвязей. Не было ни общих движущих сил, ни общей идейной подоплеку, никаких общих лидеров.

Во многих местах «буза» закончилась за два дня, показались на горизонте какие-нибудь три казачьих подъесаула где-нибудь в районе Джизака, и на том события и завершились. В конечном итоге, это продемонстрировало нам лишь еще один межэтнический конфликт, пусть даже серьезный. Однако это, на мой взгляд, никак не может работать на гипотезу о начале на этих территориях *гражданской войны*. Я не берусь рассуждать о военной части «подавления», «усмирения», «ликвидации восстаний». Но то, что это не «начало гражданской войны», это абсолютно точно. Другое дело, что эти усмирения и эти перманентно вспыхивающие с разной амплитудой локальные выступления имели место от Семиречья и до Закаспия. Эта, так сказать, амплитуда привела нас еще и в начало 1917 г. Например, Закаспийская область, где и борьба с хивинским ханом, который угнетал туркмен, и борьба с узбекской правящей Хивинской династией, что соответствует всем признакам серьезного узбекско-туркменского межэтнического конфликта. Поэтому, когда в кабинетах азиатской части Главного штаба стали перед Первой мировой войной обсуждать идею о том, не усилить ли Текинское формирование казахскими волонтерами или призывниками, то начальник Закаспийской области и другие понимающие люди спросили: «А вам нужна межнациональная рознь?».

Поэтому я категорически против включения восстания или восстаний 1916 г. в контекст начала Гражданской войны. Мне кажется, что нам не хватает серьезной обобщающей работы, которая бы анализиро-

вала и сводила воедино мозаику этих «автономий», провозглашенных на постимперском пространстве в рассматриваемый период. Туркестанская была самая первая, но далее появились одна за другой Алаш, Башкирская, Украинская, Сибирская... Необходимо проанализировать эти феномены, насколько они «корреспондировали» друг с другом и чем было вызвано это явление автономизма. Мне кажется, что это была бы интересная работа, которая расширила бы наши представления о Гражданской войне.

**В.В. Журавлев.** Я тоже хочу присоединиться к высокому оценкам происходящей дискуссии. С многими прозвучавшими тезисами я согласен, но с некоторыми – нет. Остановлюсь на последних. Мне кажется, мы сталкиваемся с достаточно известной чертой научного знания: наука вообще склонна детализировать. Как только мы начинаем подробно изучать любой феномен, он распадается. Это свойство научного подхода давно описано, и это вовсе не характерно только для историков гражданской войны.

Другая сторона касается исторического именования. Хорошо исследователям Древнего Египта: для своих описаний они пользуются терминологией, которая, бесспорно, не является египетской. Но для русского общества начала XX в. понятие «гражданская война» являлось термином политического языка задолго до начала Первой мировой, оно было концептом обыденного политического мышления. Я поддерживаю точку зрения, согласно которой термин «гражданская война в России» должен быть сохранен, но при полном осознании его статуса, подобного статусу, например, понятия «Смутное время». Это не означает, что эти два явления – одно и то же, а только то, что люди эпохи гражданской войны называли происходившее в 1917–1922 гг. на территориях бывшей Российской империи гражданской войной, подобно тому как люди начала XVII в. называли свое время «смутным». В таком смысле словосочетание «гражданская война» – это не научный термин, а выражение, взятое из источников и нуждающееся в нормативном источниковедческом истолковании.

Изнутри исторической науки, которая партикуляризирует и любит детали, имя изучаемому явлению выработать невозможно, это неразрешимая задача, но на философском уровне это может быть сделано. В.М. Рынков приводил в своем докладе концептуализации двух европейских авторов. Можно сколько угодно критиковать их за то, что они неверно понимали античный полис и происходившие в них конкретные конфликты. Это не имеет значения, так как данные авторы действуют философски, вырабатывая понятие гражданской войны как мыслительный инструмент. Обращаться к этому инструментарию или игнорировать его – решать конкретному исследователю.

Также ответ на вопрос о хронологических рамках эпохи напрямую вытекает из того, чем вы данный период считаете. Однако этот отрезок истории, как и любой другой, только из описания его процесса объяснен быть не может.

В данном случае объясняющей категорией является понятие государственности. До отречения Николая II государственность была. В тот момент, когда он подписал известную бумагу, государство исчезло. Конечно, на практике оно исчезло не одномоментно, но неуклонный процесс его деструкции вступил в свои права. Я считаю, что не только временные режимы окраин, но и ленинская РСФСР, вплоть до подписания союзного договора, являлась временным государственным образованием. Это была некая общественная формация в постгосударственном или междугосударственном состоянии. Очень важно учитывать, что шел не только процесс деструкции, но и процесс консолидации. Это вторая сторона данной эпохи, которая проявлялась повсеместно и поверх линий фронтов, этот процесс происходил внутри белого лагеря, внутри различных окраинных образований и в «красном» центре.

**В.И. Голдин.** Мне представляется, что настоящая конференция и развернувшаяся в ходе нее дискуссия были плодотворными с точки зрения уже начальной заданности. Дело в том, что заранее, в ходе подготовки этого научного форума, почти за год до проведения, был определен ряд ключевых проблем, над которыми предстояло размышлять, сопоставляя разные существующие мнения и оценки, и приходиться к определенным умозаключениям. И вот такой финал конференции, этот круглый стол – это возможность высказаться, сопоставить приведенные умозаключения, суждения и оценки и прийти к каким-то выводам.отреагирую лишь на некоторые моменты дискуссии.

Тема, которую мы с вами обсуждаем, очень сложная, деликатная и требует к себе очень аккуратного отношения и взвешенных, продуманных оценок. Свою последнюю статью, опубликованную в № 3 журнала «Российская история» за этот год, посвященную современной историографии Гражданской войны в России [Голдин, 2022, с. 109–121], я начинал с двух примеров, когда события былых гражданских войн буквально сотрясали сегодня страны, в которых они когда-то происходили. Это, во-первых, 150-летие Гражданской войны в США (2015 г.), когда за этим последовала растянувшаяся на годы полоса разрушений памятников южанам, героям Конфедерации, которую окрестили «гражданской войной памятников». А за ней последовало, по существу, разрушение и всей американской истории, глубочайший кризис исторической идентичности в этой стране, что, сопровождаясь в дальнейшем скандальными кампа-

ниями двух президентских выборов и последующих событий, буквально раздиравших страну, привело к глубокому политическому кризису в США. И этот кризис, и хаос был привнесен затем американцами в мировую политику и вылился в системный кризис миропорядка, который сегодня мы наблюдаем.

Второй пример – это 80-летие Гражданской войны в Испании в 2019 г., которое ознаменовалось выносом останков маршала Ф. Франко из мемориала в «Долине Павших» и их перезахоронением. Это произошло накануне парламентских выборов в Испании, и социалисты надеялись извлечь политические дивиденды из этого акта, но результатом стало новая бурная дискуссия, разделившая и потрясшая эту страну. Поэтому, извлекая из этого опыт, следует руководствоваться известной поэтической и песенной фразой Владимира Высоцкого: «Осторожно с прошлым, осторожно – не разбейте глиняный сосуд». Это в полной мере относится к теме истории Гражданской войны в России.

На протяжении нескольких последних десятилетий я пытался в своих историографических книгах и статьях суммировать то ценное и концептуальное, что рождала российская и мировая общественно-политическая, а не только историческая, мысль. В 2000 г. вышла в свет монография «Россия в Гражданской войне», а в 2012 г. – книга «Гражданская война в России сквозь призму лет», где были и специальные главы, посвященные ее концептуализации [Голдин, 2000, с. 57–74; 2012, с. 90–97]. Замем была серия статей, где я пытался дать сконцентрированное определение во многом уникального феномена российской Гражданской войны. Но в ходе первого обсуждения (в 2021 г.) XII тома «Гражданская война в России. 1917–1922» 20-томной академической «Истории России», где я выступаю в качестве одного из двух ответственных редакторов, а, по существу, и руководителей авторского коллектива, неожиданно прозвучал вопрос: «А что такое гражданская война вообще». И члены главной редколлегии спонтанно пытались даже давать какие-то ее определения. В результате договорились, что начнем с ее базовых характеристик, прежде чем обращаться к характеристике Гражданской войны в России.

Реакцией на это обсуждение и предложение стало то, что во Введение к XII т. констатируется, что единое определение гражданской войны, явления, известного человечеству с древности, отсутствует, приведены основополагающие ее признаки, критерии и характеристики и дана отсылка на некоторые современные международные издания и публикации как исторического, так и междисциплинарного характера, в частности, связанные с осмыслением логики и психологии насилия в гражданских войнах, в том числе их эконометрии (в журнале Мирового банка),

оценивающие и современные гражданские войны, которых в мире сегодня несколько десятков, находящихся на различных стадиях [Калывас, 2019; Small, Singer, 1982; Understanding Civil War..., 2005; Payne, 2011; Gersovitz, Kriger, 2013, p. 159–190]. В ходе этой конференции и в опубликованном сборнике ее материалов я увидел ряд новых книг, например, Д. Армитаджа, к которым, несомненно, обращаться.

В международной литературе с рубежа 1980-х–1990-х гг., в том числе на данной конференции и в ходе обмена мнениями на этом завершающем круглом столе, речь шла о множественности войн и конфликтов в российской Гражданской войне, о серии или комплексе войн разного характера в ней. Об этом говорили в своих выступлениях, в том числе здесь, А.В. Ганин и Б.И. Колоницкий. Это все справедливо, но я хотел бы обратить в связи с этим внимание коллег еще на ряд проблем.

Во-первых, на то, что российская Гражданская война была частью глобального кризиса, связанного с мировой войной, вызвавшей целую серию войн, революций и конфликтов даже по ее окончании [Война во время мира..., 2014], а, во-вторых, была частью, по сути, происходившей Европейской гражданской войны, что аргументируется в ряде современных исследований зарубежных коллег [Holquist, 2002; Бриггс, Клэвин, 2006, с. 222–264]. Более того, процесс Гражданской войны в России следует рассматривать и с позиций мировой геополитики, формирования новой системы международных отношений, нового мирового порядка. И с этой точки зрения следует иметь в виду и анализировать не только решения Парижской (Версальской) мирной конференции, которая решала преимущественно вопросы, касающиеся Европы, но и Вашингтонской конференции (1921–1922 г.), обсуждавшей проблемы мирного урегулирования на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана, в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В связи с этим не соглашусь с В.М. Рынковым, оценивавшим события 1922 г. на Дальнем Востоке как нечто локальное, периферийное и определявшим 1921 г. как год окончания Гражданской войны. Выступая уже не только как историк, но как профессор международных отношений, подчеркну, что в действительности ее окончание на Дальнем Востоке, вынужденный уход японцев и окончание японской интервенции – это были события государственного значения для России и важная часть процессов мировой геополитики. К тому же на российском Дальнем Востоке велась не только борьба за окончание японской интервенции, но здесь имело место и столкновение межимпериалистических интересов и противоречий – американских, японских, британских, французских. В конечном итоге, России удалось отстоять свой Дальний Восток и вернуть его в состав стра-

ны. С этой точки зрения, освобождение Владивостока 25 октября 1922 г. была событием знаковым. К этому еще вернусь чуть позже.

Касаясь начала Гражданской войны в России в контексте так называемой короткой истории, т.е. событий 1917–1918 гг., я хотел бы напомнить коллегам об очень популярном в конце 1980-х–1990-х гг., но подзабытом сегодня концепте Российской революции как серии революций – рабочая, крестьянская, солдатская, национальная(ые), региональные, локальные, гендерная и др. А анализ развития, достижений, конфликтов и противоречий всех этих революций помогает глубже понять процесс движения страны и общества к Гражданской войне.

Но вернусь к проблемам выхода России из войны, ее окончания, что является главной темой нашей конференции и обсуждения на этом финальном круглом столе. Говоря об окончании Гражданской войны, надо четко понимать, что такое гражданская война вообще и чем была эта война в России. В зависимости от этого понимания будет делаться тот или иной вывод об ее окончании. В своем докладе, который открывал эту конференцию, я подробно говорил о признаках и критериях гражданской войны и в чем заключался во многом уникальный феномен российской Гражданской войны. Исходя из этого, я и делаю выводы об ее окончании.

Во-первых, напомню, что есть давно сложившийся концепт о начале и окончании Гражданской войны в России в узком и широком смысле. Первое означает ее окончание в 1920 г., и большинство историков относят это окончание к ноябрю или к концу года, завершению войны с Польшей и с армией Врангеля, эвакуацию последней из Крыма. Что касается ее окончания в широком смысле, то в зарубежной литературе чаще фигурирует 1921 г., и к этому же выводу пришел и В.М. Рынков в своей статье и в выступлении на круглом столе. В отечественной историографии доминирует 1922 г., и я тоже являюсь сторонником этого. Приведу основные аргументы в пользу данной точки зрения.

Это, во-первых, окончание Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке, освобождение Владивостока. К указанной теме еще вернусь чуть позднее. Во-вторых, это не только провозглашение, но и реально развернувшееся в 1921 и 1922 гг. осуществление нэпа и проведение в жизнь новой крестьянской политики. Это, в свою очередь, способствовало прекращению массового повстанческого, прежде всего крестьянского, движения и ликвидации его последних крупных очагов (Карельское восстание, антоновщина и др.). Так, в докладе М.Н. Тухачевского в ЦК РКП(б) 16 июля 1922 г. говорилось о ликвидации антоновского мятежа и повсеместном восстановлении советской власти [Советские полководцы...,

1988, с. 108]. В-третьих, это, безусловно, образование СССР, что означало победу центристских тенденций над центробежными, завершение объединительных процессов и новое собирание страны, создание нового типа государства, подведение своего рода правовой черты под советским государственным и национально-государственным строительством предшествующих лет.

Замечу в связи с последним, что в конце 2022 г. будет отмечаться столетие образования СССР и это характеризуется рядом интересных общественных и политических инициатив, серьезными размышлениями специалистов о результатах данного проекта для нашей страны и всего мира, о причинах распада или развала СССР, его последствиях и уроках и для современности. Добавлю, что в Санкт-Петербурге на протяжении нескольких последних лет реализуется проект под общим названием «Россия в эпоху реформ и революций». Его инициатором и руководителем выступает известный санкт-петербургский ученый, а в прошлом советский политический и государственный деятель, профессор В.В. Калашников. Издано четыре сборника материалов конференций. Два последних были посвящены, соответственно, перестройке в СССР и осмыслению советского опыта, и демонтажу СССР, событиям 1991 г. И если в первых сборниках (о Февральской революции и Гражданской войне) участвовали только историки (ведущие российские и иностранные ученые), то в двух последних – наряду с ними и политологи, и политики. В связи со столетием СССР я предложил В.В. Калашникову провести конференцию и издать сборник материалов, посвященных этой теме. Работа над этим уже ведется. 100 лет СССР и 30 лет без Советского Союза – это интереснейшая тема, которая заставляет нас осмыслить опыт национально-государственного строительства в большом историческом пространстве с точки зрения не только прошлого, но и настоящего, и будущего.

А сейчас хотелось бы вернуться к теме Дальнего Востока в связи с окончанием здесь Гражданской войны и интервенции. Хотел бы изложить аргументы, которые акцентируют особое значение событий, произошедших там в 1922 г., для страны и мировой геополитики.

Начнем с того, что Дальний Восток был тогда и является сегодня стратегически важным в экономическом и геополитическом отношении регионом страны. Поэтому прекращение военных действий там в 1922 г. и освобождение Владивостока имело принципиально важное значение для всей страны. Во-вторых, именно на Дальнем Востоке завершилась иностранная интервенция, которая и предопределяла затянутость Гражданской войны в этом регионе (и в

целом в России), и произошел вывод японских войск. Это сделало бессмысленным дальнейшее сопротивление остатков антибольшевистских сил и обусловило их уход в эмиграцию. Особо значимым был провал попыток создания на российском Дальнем Востоке марионеточного государства под японской эгидой.

Вхождение ДВР в состав РСФСР являлось важным процессом в рамках завершающего этапа объединения советских республик в новое государственное образование – СССР. События на Дальнем Востоке знаменовали собой и финал международной гражданской войны, попыток распространения и достижения победы мировой революции, если не на Западе, то на Востоке. Реализовать эти идеи в отношении Ирана, Турции, Китая, Кореи, Индии не удалось, но состоялся разгром остатков белогвардейских формирований на приграничных с Россией территориях Китая и Монголии, советско-монгольское военно-политическое сотрудничество, что вылилось и в создание МНР в 1924 г.

Наконец, окончание Гражданской войны на Дальнем Востоке стало и важной составной частью геополитических процессов в азиатско-тихоокеанской части планеты, складывания здесь новой, формирующейся по итогам Первой мировой войны системы международных отношений.

Вообще же, окончание Гражданской войны в России и выход страны из войны можно, как и ее начало, рассматривать и как процесс, который был довольно длительным. Начавшись в 1920 г., он завершился в 1922 г., когда страна окончательно переключилась с решения военных задач на восстановление и развитие разрушенного хозяйства, человеческих отношений и т.д. Да, оставались некоторые изолированные очаги сопротивления, которые были ликвидированы несколько позднее, но это не имело решающего значения.

В целом же обмен мнениями в рамках конференции и нашего круглого стола кажется мне продуктивным, рождающим новые мысли или желание поспорить и не согласиться с чем-то, и это нормально. Вообще любой диалог и обмен мнениями, дискуссии полезны. В связи с этим вспоминается мое участие как профессора-международника в форумах Европейского трансграничного диалога. К сожалению, данный процесс стал заходить и зашел в тупик после 2014 г., и сегодня диалог с зарубежными, главным образом с западными, коллегами становится все более затруднительным. Это продемонстрировала и настоящая конференция, проигнорированная большинством из тех, чье участие предполагалось. Об этом можно только сожалеть, так как продолжение научных контактов и диалога – одна из тех коммуникаций сотруд-



ничества, которая должна бы сохраняться в нашем все более конфронтационном мире.

На этом я хотел бы закончить свое выступление, поблагодарив всех коллег и участников конференции за интересное общение, которое здесь состоялось, и пожелать всем творческих успехов.

**В.М. Рынков.** Уважаемые коллеги! Время, отведенное на круглый стол, подошло к концу, и мы должны завершать. Мне кажется, состоялась плодотворная дискуссия, даже несмотря на то, что мы не пришли к однозначному ответу на ее ключевой вопрос. Никто и не предполагал, что это возможно. Состоялся обмен мнениями, смотр аргументов в пользу каждой из точек зрения. Мы успели высказаться и по отдельным, но принципиально важным для этой дискуссии конкретно-историческим сюжетам и по теоретическим проблемам. Круглый стол показал, что существует возможность исследовать эпоху даже не в двух разных регистрах – как единую Гражданскую войну и как серию пересекающихся гражданских войн. Число этих регистров больше, если учитывать международный контекст и сопредельные с Российской империей территории и в то же время рассматривать события на локальных пространствах и в оптике микроистории. Полагаю, что наше обсуждение будет стимулировать новые творческие поиски для более полного обоснования представленных здесь разных позиций. Благодарю всех участников нашей конференции, всех, кто принял участие в ее заключительной дискуссии.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бриггс Э., Клэвин П. Европа Нового и Новейшего времени. С 1789 года до наших дней. М., 2006.
- Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923. М., 2014.
- Война, революция, мир. Россия в международных отношениях, 1915–1925. М., 2019.
- Голдин В.И. Гражданская война в России: проблемы современной историографии // Российская история. 2022. № 3. С. 109–121.
- Голдин В.И. Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000.
- Голдин В.И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск: МГГУ, 2012.
- Калывас С. Логика насилия в Гражданской войне. М., 2019.
- Ковальчук М. Битва двух революций: Перша війна Української Народної Республіки з Радянської Росією. 1917–1918 рр. / НАН України. Інститут української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевського. Київ: Видавничий дім «Стилос», 2015. Т. 1. 608 с.
- Ленин В.И. Тезисы о задачах партии + текущий момент // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1974. Т. 35.
- Ленин В.И. Доклад о замене разверстки натуральным налогом // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1970. Т. 43.
- Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1974. Т. 36.
- Советские полководцы и военачальники. М., 1988.

Bohler J. Civil War in Central Europe, 1918–1921: the Reconstruction of Poland. Oxford; New York: Oxford University Press, 2018. XIV. 253 p. (The Greater War)

Gersovitz M., Kriger N. What is a Civil War. A Critical Review of Its Definition and (Ecometric) Consequences // The World Bank Research Observer. 2013. Vol. 28, N 2: August.

Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, 2002.

Payne St.G. Civil War in Europe, 1905–1949. Cambridge, 2011.

Small M., Singer J.D. Resort to Arms: International and Civil Wars, 1816–1980. Beverly Hills, 1982.

Smele J.D. The 'Russian' Civil Wars, 1916–1926: Ten Years that Shook the World. L.; N.Y., 2015.

Understanding Civil War: Evidence and Analysis / eds. P. Collier, N. Sambanis: In two vols. Washington, 2005.

#### REFERENCES

Bohler J. (2018). Civil War in Central Europe, 1918–1921: the reconstruction of Poland. Oxford, New York, Oxford Univ. Press, XIV, 253 p.

Briggs E., Clavin P. (2006). Europe of the New and Modern times. Since 1789 to the present day. Moscow, Ves' mir, 600 p. (In Russ.)

Bystrov V. (comp.) (1988). Soviet commanders and military leaders. Moscow, Molodaya Gvardiya, 368 p. (In Russ.)

Collier P., Sambanis N. (eds.) (2005). Understanding Civil War: evidence and analysis. Washington, World Bank Publ., vol. 2, 366 p.

Gersovitz M., Kriger N. (2013). What is a Civil War. A critical review of its definition and (ecometric) consequences. *World Bank Research Observer*, vol. 28, no. 2, pp. 159–190.

Goldin V.I. (2000). Russia in the Civil War. Essays on the latest historiography (second half of the 1980s–90s). Arkhangelsk, Borges, 2000, 280 p. (In Russ.)

Goldin V.I. (2012). Civil war in Russia through the prism of years: historiographical processes. Murmansk, MGGU, 333 p. (In Russ.)

Goldin V.I. (2022). Civil war in Russia: problems of modern historiography. *Rossiyskaya istoriya*, no. 3, pp. 109–121. (In Russ.)

Holquist P. (2002). Making war, forging revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge, Harvard Univ. Press, 359 p.

Horn D., Genwart R. (eds.) (2014). War in the time of peace: paramilitary conflicts after the First World War. 1917–1923. Moscow, New lit. obozreniye, 400 p. (In Russ.)

Kalivas S. (2019). The logic of violence in the civil war. Moscow, Pyaty Rim, 787 p. (In Russ.)

Kovalchuk M. (2015). The battle of two revolutions: The First War of the Ukrainian People's Republic with Soviet Russia. 1917–1918. Kyiv, Stilos, vol. 1, 608 p. (In Ukr.)

Lenin V.I. (1970). Report on the replacement of the prodravvyorstka with a tax in kind. In *Polnoye sobraniye sochineniy*. Moscow, Politizdat, vol. 43, pp. 57–73. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974a). Theses on the tasks of the party + the current moment. In *Polnoye sobraniye sochineniy*. Moscow, Politizdat, vol. 35, pp. 421–426. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974b). Immediate tasks of Soviet power. In *Polnoye sobraniye sochineniy*. Moscow, Politizdat, vol. 36, pp. 171–207. (In Russ.)

Payne St.G. (2011). Civil War in Europe, 1905–1949. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 256 p.

Small M., Singer J.D. (1982). Resort to arms: international and civil wars, 1816–1980. Beverly Hills, SAGE Publ., 372 p.

Smele J.D. (2015). The 'Russian' civil wars, 1916–1926: ten years that shook the world. London, New York, Oxford Univ. Press, 423 p.

Vasil'eva N.Yu., Vishnyakov Ya.V., Vorotnikov V.V. [et al.] (2019). War, revolution, peace. Russia in international relations, 1915–1925. Moscow, Aspect-press, 496 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.10.2022

Дата рецензирования 03.11.2022

Статья принята к публикации 10.11.2022

## СОВЕТСКАЯ И ПОСТСОВЕТСКАЯ ИСТОРИЯ

DOI: 10.15372/HSS20220402  
УДК 316.347(47+57)

Е.А. ЕРОХИНА

### СОВЕТСКАЯ МОДЕРНОСТЬ И ЭТНИЧНОСТЬ НАРОДОВ СЕВЕРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ СДВИГОВ

Институт философии и права СО РАН,  
Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена роли советской национальной политики в процессах управления развитием народов Севера. Советский проект осмыслен как один из множества путей перехода к современности. Раскрыто диалектическое единство утопии и идеологии в процессе его динамического развития. На основе эмпирического анализа документов Региональной межведомственной комиссии по координации комплексных социально-экономических, медико-биологических и лингвистических исследований проблем развития народов Севера (1981–1991) сделан вывод о предпосылках формирования двух подходов к их будущему развитию. Один предполагал дальнейшее их включение в ускоренный вариант техногенной модернизации, тогда как другой ориентировался на сохранение традиционной культуры. Показано, что само это противоречие имело мировоззренческую, эпистемологическую и управленческую природу и не могла быть разрешено в рамках советского проекта.

*Ключевые слова:* советская национальная политика, этничность, модернизм, народы Севера, утопизм, идеология, этносоциология

*Для цитирования:* Ерохина Е.А. Советская модернизм и этничность народов Севера в контексте современных цивилизационных сдвигов // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 4. С. 18–26. DOI: 10.15372/HSS20220402.

Е.А. EROKHINA

### SOVIET MODERNITY AND ETHNICITY OF THE PEOPLES OF THE NORTH IN THE CONTEXT OF RECENT CIVILIZATION SHIFTS

Institute of Philosophy and Law SB RAS,  
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article is devoted to the Soviet national policy related to the peoples of the North. It consists of four parts. The introduction actualizes interest in the Soviet project as a modernization project in the context of two jubilee dates: the 30<sup>th</sup> anniversary of the USSR collapse (2021) and the 100<sup>th</sup> anniversary of its formation (2022). The author substantiates the thesis that returning to the so-called “traditional values” is a stable inversion inherent in any modernity; the need to use the activity results of the Regional Interdepartmental Commission for Coordinating Complex Socio-Economic, Biomedical and Linguistic Research on the Problems of Development of Peoples of the North (1981–1991) to explain the reasons that led to successes and failures of the Soviet ethno-sociological expertise. The second part is devoted to methodology and research methods. It has a historiographical character and reveals the current state of research on this topic. It proposes a dichotomous approach to assessing positive and negative aspects of the national policy toward the peoples of the North in the late USSR period.

The section related to the results reveals the distortions that arose as a result of the Soviet project’s dogmatic ideologization and eliminated any possible criticism; “language games” that prevented an adequate understanding of the alternatives that appeared in the 1980s. Nevertheless, this did not

---

Елена Анатольевна Ерохина – д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН, e-mail: lero@  
mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1513-4557>.

Elena A. Erokhina – Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of sciences

become an obstacle to the ethno-sociological understanding of these two scenarios for the future development of peoples of the North and the scientific search associated with expertise in close cooperation with both the representatives of aboriginals themselves and the authorities. The author makes the assumption that the Soviet project could not give an acceptable answer to the question of the preferred choice between the technocratic and ecological future of these peoples. The paper emphasizes that Soviet paternalism recognized a limited subjectivity for these peoples. However, the collapse of the USSR didn't resolve the problem, but, on the contrary, worsened it. The conclusion reveals the universal features of the Soviet project as a modernization one, and its unique features that continue influencing the post-Soviet national policy towards the indigenous peoples of Siberia and the North.

*Key words:* Soviet national policy, ethnicity, modernity, people of the North, utopianism, ideology, ethnosociology.

## ВВЕДЕНИЕ

В условиях нарастающего кризиса международных институтов и усиления влияния национальных государств на внутреннюю и международную повестку в постпандемийном мире доводы в пользу защиты «своей» культуры и ее «традиционных» ценностей возвращаются в пространство политических дискуссий. Обострение отношений между Россией и странами Запада побуждает политиков все чаще обращаться к историческим аргументам в пространстве «войн памяти». Однако было бы неверным считать это явление новым. Тем более нельзя утверждать его специфически российский характер. Политика памяти становилась органической частью институтов государственного управления на протяжении последних десятилетий. Самый выразительный пример среди европейских соседей России дает Польша, власти которой в очередную годовщину начала Второй мировой войны, в сентябре 2022 г., потребовали репараций от ФРГ, партнера по Евросоюзу, за нанесенный Германией ущерб в сумме 1,3 трлн дол. США. На фоне кризиса ценностей либерализма определенный консерватизм и этнический популизм не только получили широкое распространение среди стран периферии и полупериферии капиталистической мир-системы, но и проникли в ее ядро.

Интерес к своему прошлому и ревитализация этничности в эпоху глобализации, несмотря на критику в адрес глобализма, не противоречит распространению унифицированных форм производства и потребления, в том числе содержательного контента, транслируемого по поводу прошлого различными общественными акторами. Что касается российского научного сообщества, то, несмотря на радикальную смену эпистемологической матрицы в отечественной этнологии 1990-х гг. и отказ ряда авторитетных ученых признавать за концептами «этнос» и «народ» право на академический статус, проблемы этногенеза и его влияния на процессы национального строительства по-прежнему остаются актуальными для межпредметной области этнолого-антропологического знания. Острота дебатов по поводу того, как именовать политический субъект, дающий существование и имя российскому государству – народ или нация, в связи с принятием Стратегии государственной национальной политики до 2025 г., не утихла и после утверждения соответствующего закона<sup>1</sup>.

Текст закона содержит обе номинации – и российский народ, и российская нация. В выступлениях Президента Ассоциации антропологов и этнологов России, академика В.А. Тишкова, последовательного критика идеи этнонации, унаследованной современной РФ от советского проекта, сомнению подвергается не только академическая уместность использования концепта «этнос», но и его политическая безупречность [Тишков, 2019, с. 501]. Несмотря на эту критику, в 2010–2020-х гг. происходит переосмысление традиций отечественной этнографии как науки о народах, публикуются ранее недоступные работы С.М. Широкого – автора термина «этнос» в его современном значении [Арзютов, Андерсон, Подrezова, 2021].

Эти обстоятельства не просто актуализируют значение юбилеев образования и распада СССР в текущей общественно-политической повестке [Мягкова, Репников, Шукшин, 2022]. Пресловутый «национальный вопрос» остается неразрешимой на сегодняшний день проблемой в поисках консенсуса по поводу причины распада Советского Союза. В оценке постсоветских исследователей сложились две полярные традиции, одна из которых настаивает на тоталитарной природе советского проекта [Пивоваров, 2011], тогда как другая, напротив, – на инновационной [Галушка, Ниязметов, Окулов, 2021]. Данная дихотомия в полной мере распространяется и на советский национальный проект, который рассматривается либо как имперский [Герасимов, Могильнер, Глебов, 2017], либо как современный [Аманжолова, 2015]. Это не исключает отдельных удачных попыток увидеть его как более сложное явление [Аманжолова, 2015].

Ключевой пункт разногласий между сторонниками и противниками принципа этнонации в современном государственном строительстве заключается в осмыслении опыта распада федераций восточного блока – советской, югославской, чехословацкой. В какой мере нацистроительство по этническому типу повлияло на их последующее разрушение? Представляется, что подлинной причиной распада, по

<sup>1</sup> Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 (с изм. от 06.12.2018 г. № 703). URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения: 01.09.2022).

крайней мере СССР, стала деконструкция советской идентичности («советского народа»), которая несла уникальную функциональную нагрузку в его политической системе, в том числе и в отношении сдерживания радикального этнонационализма.

Главная цель настоящей статьи заключается в том, чтобы раскрыть содержание советского национального проекта (на примере политики в отношении коренных народов Севера) как модернизационного. Его достижения и провалы связаны с двумя характерными особенностями, от которых проистекали его сила и слабость: утопизм и идеологизация. Если утопизм способствовал «отрыву» управленческих процессов от «земли» и появлению новых, присущих советскому социальному порядку, форм отчуждения, то идеологизация делала невозможной социальную критику этого порядка. Результатом стало, как известно, двоемыслие в обществе и дефицит желания (или отсутствие воли) трансформировать этот порядок в иной, более соответствующий запросам социума на рубеже 1980–1990-х гг.

Трудно сказать, возможна ли была иная альтернатива. Однако определенно можно утверждать, что оба упомянутых свойства – утопизм и идеологизация – на протяжении 70 лет составляли источник динамики советского национального проекта. Раскрыть их потенциал в динамике национальной политики позднесоветского периода представляется актуальной задачей. Мы исходили из представления, что утопизм и идеологизация являются составными частями диалектического единства, с разрушением которого произошла утрата его привлекательности для советских людей. Они существенно влияли и продолжают косвенно воздействовать на управленческие решения в отношении коренных малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока. В нынешних реалиях, когда вопрос о паритете между инновационным и мобилизационным развитием российского общества оказался предметом острой дискуссии, обращение к советскому опыту национальной политики вновь становится актуальным.

Такая интерпретация советского национального проекта подтверждается анализом документов – научных публикаций и практических предложений ученых Сибирского отделения АН СССР (монографий, статей, концепций), которые использовались при осуществлении государственного управления социальным и экономическим развитием народов Севера в 1980–1890-е гг. Речь идет в том числе о материалах работы уникального органа, сложившегося в результате кооперации органов власти (Совета министров РСФСР) и структур академической науки в лице Сибирских отделений АН СССР на базе Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Речь идет о наследии экспертов, принимавших деятельное

участие в работе Региональной межведомственной комиссии по координации комплексных социально-экономических, медико-биологических и лингвистических исследований проблем развития народностей Севера (1981–1991). Комиссия стала базовой структурой по координации работ в рамках программы «Социальное и экономическое развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса».

На Институт истории, филологии и философии СО АН СССР была возложена научно-организационная работа по выполнению функций этой комиссии. Датой ее организации следует считать 26 февраля 1982 г., когда было принято совместное решение трех Сибирских отделений трех Академий наук СССР – СО АН СССР, СО АМН СССР, СО ВАСХНИЛ им. В.И. Ленина<sup>2</sup>. В работе Комиссии были задействованы их научно-исследовательские институты.

Возглавлял Комиссию заведующий отделом социологии ИИФФ СО АН СССР чл.-кор. В.И. Бойко, а его заместителями стали первые лица организаций-учредителей: академик К.Р. Седов, директор Института медицинских проблем Севера СО АМН СССР; д-р биол. наук А.И. Соломаха, директор НИИ сельского хозяйства Крайнего Севера СО ВАСХНИЛ; С.И. Балабанов, заведующий отделом по вопросам развития экономики и культуры народностей Севера Управления делами Совета министров РСФСР. Ученым секретарем Комиссии была назначена канд. биол. наук, старший научный сотрудник Института истории, филологии и философии СО АН СССР Екатерина Ивановна Швецова. До самого завершения своей деятельности Комиссия оставалась в подчинении только у одной структуры – Госплана РСФСР. Деятельность этой комиссии можно разделить на два этапа: «застойный» (1982–1986 гг.) и «перестроечный» (1986–1991 гг.).

Необходимо отметить, что речь идет не столько о противопоставлении двух периодов в отечественной истории – позднего советского и раннего постсоветского, сколько об их преемственности, так как академическими акторами оказывались одни и те же субъекты. Таковыми можно считать разработчиков программы координации «Народности Севера» В.И. Бойко, О.В. Бауск, Г.С. Гончаров, С.Н. Еремина,

<sup>2</sup> Совместное решение Сибирского отделения Академии наук СССР, Сибирского отделения Академии медицинских наук СССР, Сибирского отделения ВАСХНИЛа от 26 февраля 1982 г. № 170/20/24 «Об организации Региональной межведомственной комиссии Сибирского отделения Академии наук СССР, Сибирского отделения Академии медицинских наук СССР, Сибирского отделения ВАСХНИЛа по координации комплексных социально-экономических, медико-биологических и лингвистических исследований проблем развития народностей Севера» // Народности Севера: координация исследований (информационные материалы). Новосибирск: 1988. С. 9–11.

В.Б. Житенева, В.С. Золототрубова, Н.В. Исакову, М.Д. Печенкина, Ю.М. Плюснина, Ю.В. Попкова, Т.В. Попкову, Л.М. Русакову, М.Н. Соболькову, Ч.М. Таксами, К.Н. Темцева, М.М. Траскунову, И.В. Удалову, А.Ф. Фелингера, А.И. Федорова, М.И. Черемисину, Т.В. Шакурову, Е.И. Швецову, М.В. Эпову, Л.П. Якимову [Программа координации исследований «Народности Севера», 1987, с. 15].

#### МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ

Настоящая статья выполнена в рамках парадигмы множественной модернизации, предложенной Ш. Айзенштадтом. Данная парадигма позволяет рассматривать советский проект как один из путей перехода к современности [Эйзенштадт, 1999]. Хотя в отечественной науке эта парадигма и признана авторитетной, оценка советской национальной политики как модернизационной остается предметом дискуссий.

Так, в рамках деколониального различения первого и второго модерна, осуществленного М. Тлостановой и В. Миньоло, подчеркивается равноправный в первом случае и неравноправный во втором случае характер взаимодействия русских – носителей модернизационных преобразований, и коренных народов азиатского востока России. Вторая модернность тесно связывается ими с расиализацией дискурса и расчеловечиванием колонизируемых [Tlostanova, Mignolo, 2012, с. 5, 50; Четырова, Сергеева, 2022, с. 243–244]. Включение советского периода в категорию «второй модерности» затрудняет, на наш взгляд, объективный подход к советскому проекту как части антиколониального, антиимпериалистического движения. Тем самым игнорируется идея равенства и права всех народов на самоопределение, которая питала советский проект, идея, предполагавшая «выравнивание» условий их развития и в тех случаях, когда это необходимо, помощь «отстающим» на пути к современности.

Другой крайностью является отождествление модернизации и вестернизации в парадигме макроисторического подхода, выделяющего в структуре вестернизируемого западного общества компрадорскую элиту и эксплуатируемое большинство. В частности, в оценке взаимоотношения советских элит с общесоюзным центром некоторыми исследователями делается вывод о том, что советская политика продолжала имперскую политику царской России [Филиппов, 2020, с. 232]. Это верно только отчасти, так как инкорпорация народов СССР в общесоюзное пространство не ограничивалась их элитами. Напротив, советский проект был эгалитарным как в этнической, так и в «классовой» перспективе, ориентированным на «выравнивание» социально-экономического уровня жизни народов СССР [Арутюнян, 1969; Социальное и национальное, 1973].

Наконец, обладающий безусловными эвристическими возможностями антропологический подход также не свободен от крайностей, когда за скобки выводится идеологическая составляющая советского модерна. Например, содержательная в исследовательском отношении статья Е.А. Пивневой заканчивается парадоксальным выводом, вступающим в противоречие с ее основной интенцией: «В целом, если не принимать во внимание “идеологическую составляющую” опубликованных в советский период работ, следует признать значительный вклад советских этнографов в изучение народов Севера» [Пивнева, 2021, с. 786]. Парадокс заключается в том, что этнографическое изучение народов Севера, как справедливо ранее отметила в этом же материале его автор, было частью советского модернизационного проекта. Свою миссию ученые, в том числе З.П. Соколова, главная героиня статьи Пивневой, видели в необходимости и возможности его корректировки с учетом самобытности коренных народов [Там же].

На наш взгляд, наиболее эвристичной в контексте существующих методологических подходов является идея советского патернализма в отношении народов Севера. Она раскрывается в ряде постсоветских исследований, показавших, как отказ от этой политики в ходе социально-экономических реформ 1990-х гг. привел не только к разрушению советских институтов, но и к падению уровня жизни этих народов [Мархинин, Удалова, 1996; Виноградова, 2010]. В данной статье мы считаем необходимым обогатить эту идею новой интерпретацией, позволяющей увидеть в качестве одной из причин идейного кризиса советского проекта неудачную попытку синтеза двух мировоззренческих ориентаций: на научно-техническую революцию, с одной стороны, и ретроутопию – с другой.

Методической основой исследования является дихотомический подход, позволяющий операционализировать стороны упомянутого диалектического единства по следующим основаниям: принципы ленинской национальной политики – отступление от них (в дискурсивном контексте), технократизм — экологическая повестка (в плане политико-практической реализации), колониализм — социальная справедливость (в аксиологической перспективе).

#### РЕЗУЛЬТАТЫ

Как отмечалось нами ранее, базовыми чертами советской модели национального строительства можно считать идейные установки, проводимые КПСС в решении «национального вопроса»:

1) ориентацию на некапиталистический путь развития, что предполагало допущение возможности в относительно небольшом историческом отрезке

«перепрыгнуть», т.е. сформировать и затем в последующем целенаправленном развитии преодолеть капиталистическую стадию общественных отношений;

2) фактическое признание коллективной субъектности в отношении определения вектора этнического развития народов СССР; оно логично вытекало из понимания прав и свобод личности как части коллективного целого;

3) целенаправленное формирование гражданской общности, «советского народа», и соответствующего гражданского самосознания. Частью этой политики стало возникновение феномена советской идентичности и советского патриотизма [Ерохина, 2012, с. 331].

В период «оттепели» центральная власть от репрессий возвращается к прагматичным методам государственного управления, когда представление о «народе» утрачивает свою классовую пристрастность. В связи с 50-летием социалистической революции в 1967 г. был сделан вывод о построении в СССР развитого социалистического общества. В постановлении Центрального комитета КПСС «О подготовке к 50-летию образования СССР» отмечалось, что за годы строительства социализма в СССР «на базе общественной собственности на средства производства, единства экономической, социально-политической и культурной жизни, марксистско-ленинской идеологии» сформировалась новая историческая общность, советский народ [Об идеологической работе, 1977, с. 356–357].

В статье «Нация» в Большой советской энциклопедии, которая создавалась в этот период, отмечалось: «В зрелом социалистическом обществе интенсивно протекает единый процесс расцвета и сближения наций. Подлинный расцвет происходит не на путях национальной обособленности, а на базе интернационализации экономики, политики и единой идеологии, а также формирования интернациональных черт в культуре, духовном облике социалистических наций. Поэтому расцвет наций способствует их сближению, а сближение наций усиливает их расцвет» [Калтахчян, 1974, с. 375–376]. Под логикой «расцвета и сближения наций» в СССР подразумевалась политика, направленная на уменьшение диспропорций между центром и периферией, на стирание различий в образовательном уровне и социально-профессиональном составе разных народов СССР.

В 1967 г. при Секции общественных наук Президиума Академии наук СССР создается Комиссия по изучению национальных проблем. В этом же году на базе сектора математических методов в гуманитарных исследованиях, который находился в составе Института экономики СО АН СССР, формируется исследовательская группа под руководством В.И. Бойко. В дальнейшем эта группа при поддержке акаде-

мика А.П. Окладникова была преобразована в сектор комплексных исследований проблем развития народов Сибири Института истории, филологии и философии СО АН СССР (далее ИИФФ СО АН СССР). С образованием Региональной межведомственной комиссии ИИФФ СО АН СССР стал ее головной организацией.

Основой политики Советского государства в отношении народностей Севера стали положения теории национальных отношений В.И. Ленина о возможности перехода народов, отставших в своем историческом развитии, к социализму, минуя капитализм. В монографиях В.И. Бойко, одного из основателей новосибирской научной этносоциологической школы и председателя указанной комиссии, неоднократно встречаются ссылки на ленинские цитаты, отрицающие неизбежность капитализма для «отстающих» народов [Бойко, 1977, с. 17–18]. Оставляем в стороне то, насколько искренне ученые и управленцы разделяли данный принцип. Важно, что сама идея «ускорения истории», утопическая по мировоззренческим основаниям, не утратила легитимности на рубеже 1970–1980-х гг.

В монографии, посвященной социальному развитию народов Нижнего Амура [1977], В.И. Бойко использует следующую цитату из доклада В.И. Ленина на комиссии Коминтерна по национальному и колониальному вопросу (1920): «Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития – к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» [Ленин, 1981, с. 246]. Подчеркивая, что ленинское положение о некапиталистическом пути развития отсталых народов нашло свое выражение в решениях X (1921 г.) и XII (1923 г.) съездов ВКП(б), В.И. Бойко интерпретирует эти решения как провозглашение партией задачи достижения фактического равенства между народами СССР [Бойко, 1977, с. 18].

Необходимо отметить, что с самого начала появления этносоциологии как самостоятельной науки в период «оттепели» благодаря деятельности Ю.В. Арутюняна, М.Н. Губогло, Л.М. Дробижевой, А.А. Сусоколова и других ученых, в том числе сибирских – А.Ф. Фелингера, В.И. Бойко, И.В. Удаловой, В.Г. Костюка, Г.С. Гончаровой, миссия исследователя осмысливалась в категориях социальной справедливости и равенства народов. Поэтому параметры национальной политики неискаженно выявлялись, по мнению ее основателя Ю.В. Арутюняна, только через анализ социально-профессиональной структуры советских наций [Арутюнян, 1987, с. 67]. Близость и сходство социально-структурных параметров двух и

более этнических групп позволяла говорить о выравнивании условий их развития, тогда как иерархические различия, напротив, – об углублении дистанции между ними.

В логике партийных резолюций о невозможности самостоятельно использовать северными народами свое право на развитие без помощи извне обращает на себя внимание тезис о том, что данная потребность не вытекала из уровня их развития накануне Октября 1917. Следовательно, она выступала в качестве внешнего, но не внутреннего условия развития. «Строительство социализма у народностей Севера не могло быть закономерностью их внутреннего развития, а стало возможным благодаря изменившимся внешним условиям. Образование социалистического государства с его политикой всемерной помощи менее развитым народам явилось решающим условием особого исторического пути – “сокращенного” перехода к социализму» [Концепция социального и экономического развития, 1989, с. 29–30].

Таким образом, можно констатировать, что корни упомянутого утопизма питались идеей своеобразного советского «прогрессорства», которое по мере реализации советского проекта приходило в противоречие с романтической идеей «естественного человека». Поскольку этот конфликт не мог быть осмыслен не иначе, как в категориях «приверженности ленинским принципам» / «искажения ленинских принципов», то и для обоснования достижений и недостатков советской модернизации упомянутые клише оказывались чрезвычайно востребованными.

Так, в Программе координации исследований по проекту «Народности Севера» (1987 г.) коллектив авторов, подчеркивая приверженность марксистской методологии исследования и ленинским принципам управления, в духе возвращения к «подлинной» интерпретации ленинского наследия цитируют тезис основателя советского проекта о том, что при переходе к современности «конкретные условия и формы этого перехода неизбежно являются и должны быть разнообразными в зависимости от тех условий, при которых начинается движение, направленное на создание социализма. И местные отличия, и особенности бытового уклада, и бытовые формы, и степень подготовленности населения, и попытки осуществить тот или иной план, все это должно отразиться на своеобразии пути к социализму» [Программа координации исследований «Народности Севера», 1987, с. 25].

Можно предположить, что пренебрежение этническими особенностями чревато искажением ленинских принципов. Действительно, мы находим в проекте Концепции социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г., обсужденной и принятой на Всесоюзной научной

конференции с одноименным названием (Новосибирск, 10–12 ноября 1988), тезис о приоритете принципов ленинской национальной политики, подкрепленный ссылкой на резолюцию X съезда ВКП(б): «всякое механическое пересаживание на восточные окраины экономических мероприятий центральной России... должно быть отвергнуто» [Концепция социального и экономического развития, 1989, с. 31]. Этот тезис применительно к современным для конца 1980-х гг. реалиям раскрывается авторами проекта следующим образом. «Признание необходимости всестороннего взаимодействия народностей Севера с другими народами было дополнено положением о необходимости развития специфических форм этого взаимодействия, с учетом своеобразия внутренних условий существования народностей» (курсив мой – Е.Е.) [Там же]. Причем в тексте нет никаких указаний относительно того, кем и когда было осуществлено данное дополнение, в чем его важность. На наш взгляд, этот красноречивый комментарий отражает попытку примирить две вошедшие в противоречие альтернативы: «старую», технократическую, и «новую», экологическую.

Особенности понимания позднесоветских текстов, в том числе научных, требуют знания реалий горбачевской перестройки. В этом же духе следует понимать критику недостатков советского проекта как искажения ленинской политики. Раскрывая прогрессивную роль в советских преобразованиях специального органа – Комитета Севера, в котором лица из числа северных этносов представляли их интересы в первые годы советской власти в качестве субъектов развития, авторы Концепции без уточнения конкретного хронологического периода последующих преобразований неожиданно приходят к заключению, из которого вытекает отказ этим народам в субъектности. «Однако на последующих этапах развития государства утвердились административно-бюрократические методы управления страной, которые нашли непосредственное отражение и в национальной политике. В этих условиях народности Севера не могли в полной мере реализоваться в качестве действительного субъекта своего собственного национального развития. Необходимым следствием такой ситуации явились существенные деформации основополагающих принципов ленинской национальной политики, а также искажения концептуальных положений В.И. Ленина о возможности и условиях перехода к социализму, минуя капиталистическую стадию развития» [Концепция социального и экономического развития, 1989, с. 32].

Ценным в этом и предыдущих фрагментах оказывается фиксация одновременного и признания, и отказа субъектности «народностей Севера» в зависимости от наличия или отсутствия издержек в области

«научного концептуального поиска» и «практик управления» [Там же]. Такая идеологическая ангажированность дала аргументы для постколониальной критики советского проекта как имперского в постсоветский период. В действительности советская власть встала перед необходимостью ускорения научно-технической модернизации в ситуации, когда в обществе начали формироваться настроения рессентимента, понимаемого как стремление к сохранению самобытности, культурного, религиозного и этнического своеобразия.

В 1980-е гг. такой рессентимент питался реакцией на действия властей в конце 1950-х гг. по реализации постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР № 300 «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера», в ходе которых произошло укрупнение колхозов и их преобразование в совхозы, т.е. фактическое огосударствление мелких крестьянских хозяйств, признанных нерентабельными. Эти процессы сопровождались ликвидацией малых удаленных поселений и массовыми переселениями в крупные населенные пункты. Одновременно началась борьба с кочеванием и повсеместное внедрение интернатской формы обучения детей. Таким образом, эти процессы завершили начатую в 1930-е гг. коллективизацию, нанеся непоправимый урон традиционным институтам коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока [Виноградова, 2010, с. 134]. Уже в 1970-е гг. начинается осмысление этой «травмы» как социальной драмы, отразившейся в целом на советском селе. Именно в эти процессы уходит корнями продовольственная проблема и вызванный ею продуктовый дефицит, неразрешимый до самого распада СССР.

Идея возврата к «неискаженной подлинности» некоей аутентичной традиции в позднем СССР имела два основания. Во-первых, романтические представления о Революции, ассоциативно связанные с позитивной идеей национального подъема (национального «возрождения» вкупе с ранней советской индустриализацией и культурной революцией) в противовес позднесоветскому «застою». Во-вторых, консервативный культурный проект, наиболее объемно представленный в творчестве писателей-деревенщиков (Ф. Абрамов, В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин, В. Шукшин). Советский проект мог предложить гражданскую повестку, но не мог исчерпать собой всей глубины мировоззренческих вопросов, поставленных «травмой модернизации». Советская национальная политика в существующих реалиях не давала и ответа на вопрос о том, является ли этничность нашим прошлым или нашим настоящим, пусть и несовершенным. Интерес к своим истокам проявился по мере ослабления идеологического надзора за этноконфессиональной сферой жизни советских граждан,

их активного возвращении к культовым практикам, усилению интереса к религиозным и даже псевдорелигиозным представлениям. Сакрализация традиционной культуры, которой в позднесоветский период практически не осталось места в общественном пространстве, в неявном конфликте с советской квазирелигией постепенно брала реванш. Вдобавок к этому либеральная интеллигенция не хотела больше сдерживать себя идеологическими рамками советской партийности. Конфликт советских либералов и консерваторов не имел «партийного» решения.

#### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, противоречия советского модернизационного проекта несут в себе универсальные для перехода к современности черты конфликта между идеей научно-технического прогресса и сохранения мироцелостности сообществ, «заряженных» на «экологическую» повестку. В конце 1980-х гг. В.И. Бойко в своей монографии «Социально-экономическое развитие народностей Севера» отмечал, что «связь между научно-техническим прогрессом социалистического общества в целом и социальным прогрессом народностей Севера носит далеко неоднозначный характер» [Бойко, 1988, с. 23]. На наш взгляд, это положение является важной иллюстрацией нашего тезиса о конфликте технократической и экологической альтернатив советского проекта. Авторы «Концепции социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 года», отмечая преимущественно экстенсивный характер развития общесоюзной экономики, также находили объяснение рассматриваемого конфликта в противоречии между острой нуждой несовершенных производительных сил в топливно-энергетических и сырьевых ресурсах, которыми располагали территории проживания народностей Севера, и необходимостью сохранения их традиционного хозяйства. Этот вывод дополнялся вполне обоснованным заключением: «По сути происходит “планируемый” разрыв политики освоения Севера и практики развития материального производства народностей Севера, основу которого составляют традиционные отрасли хозяйства» [Концепция социального и экономического развития, 1989, с. 33].

Утратив утопическую веру в прогресс, советский проект потерял значительную часть своего творческого потенциала. Однако перспектива преобразования в свое экологическое «иное» также была далека от реализации в 1990-е гг. Слишком велико было желание советских людей стать частью общества потребления. Накопленная за годы товарного дефицита усталость от потребительских ограничений требовала своего выхода.



Уникальность же советского проекта заключается в придании марксистской эпистемологии и практике советского управления партийного характера, т.е., по сути, частичного, что и привело к его обесцениванию как модернизационного. Общее незначительное улучшение материального положения представителей северных народов в условиях нового этапа интенсивного освоения природных ресурсов не смогло в полной мере компенсировать утрату родного языка как языка повседневного общения и образования, сокращение населенных пунктов компактного проживания и угодий для традиционных промыслов. Перестройка частично вернула привлекательность национального образа жизни, однако отказ государства от политики патернализма в отношении северных этносов в годы рыночных реформ 1990-х гг. «съел» значительную часть приобретений. В 1990-е гг. начался новый, постсоветский этап модернизации со своими отличительными чертами и уникальными «травмами».

Упомянутые трансформации повлияли на расширение спектра методологических подходов сибирских ученых: этнографов, этносоциологов, фольклористов. Не обошли эти изменения стороной и новосибирскую научную этносоциологическую школу, которая стала в известной мере продуктом деятельности указанной комиссии. Необходимо отметить тот факт, что многие новосибирские социологи в 1990–2000-е гг. сохранили «верность» диалектическому методу и историческому материализму (марксизму), включив в свой методологический аппарат элементы как символического интеракционизма, так и цивилизационного подхода. Неизменным осталась преданность идеям гуманизма, подвижнического служения и народности, понимаемым как равенство народов и ориентация на сохранение их культурной самобытности.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абашин С.Н. Советский кышлак: между колониализмом и модернизацией. М.: НЛО, 2015. 720 с.
- Аманжолова Д.А. К вопросу о формировании советского народа: политика и этничность // Тр. Ин-та рос. истории РАН. 2015. № 13. С. 194–216.
- Арзатов Д.В., Андерсон Д.Дж., Подрезова С.В. (ред.) Путешествия через сибирскую степь и тайгу к антропологическим концепциям: этноистория Сергея и Елизаветы Широкогоровых. М.: Индрик, 2021. Т. 1. 544 с.
- Арутюнян Ю.В. Конкретно-социологическое исследование национальных отношений // Вopr. философии. 1969. № 12. С. 37–45.
- Арутюнян Ю.В. Выступление на круглом столе «Национальные процессы в СССР: итоги, тенденции, проблемы» // История СССР. 1987. № 6. С. 67–70.
- Бойко В.И. Социальное развитие народов Нижнего Амура. Новосибирск: Наука, 1977. 280 с.
- Бойко В.И. Социально-экономическое развитие народностей Севера. Новосибирск: Наука, 1988. 320 с.

Виноградова С.Н. Формирование государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: ретроспективный анализ // Тр. Кольского науч. центра РАН. 2010. № 2. С. 127–139.

Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. Кристалл роста: к русскому экономическому чуду. М.: Наше завтра, 2021. 360 с.

Герасимов И., Могильнер М., Глебов С. Новая имперская история Северной Евразии. Казань: Ab Imperio, 2017. Ч. 2: Балансирование имперской ситуации. XVIII–XX вв. 630 с.

Ерохина Е.А. Сибирский вектор внутренней геополитики России. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2012. 418 с.

Калтакчян С.Т. Нация // Большая советская энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 1974. Т. 17. С. 375–376.

Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г. Новосибирск, 1989. 128 с.

Ленин В.И. Доклад Комиссии по национальному и колониальному вопросам. II Конгресс Коммунистического Интернационала // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 242–247.

Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур. Новосибирск: Наука, 1996. 191 с.

Мягкова Е.М., Репников А.В., Шужин А.И. Два юбилея Союза Советских Социалистических Республик (1922–1991) // Вестн. ВНИИДАД. 2022. № 1. С. 4–19.

Об идеологической работе КПСС: сб. док. М.: Политиздат, 1977. 456 с.

Пивнева Е.А. Советское этнографическое североведение второй половины XX века в зеркале научного наследия З.П. Соколовой (московская школа) // Вестн. угроведения. 2021. Т. 11, № 4. С. 780–788.

Пивоваров Ю.С. «... И в развалинах век» // Полис. 2011. № 6. С. 52–77.

Программа координации исследований «Народности Севера». Новосибирск, 1987. 297 с.

Социальное и национальное: опыт этносоциол. исследований по материалам Татарской АССР. М.: Наука, 1973. 330 с.

Тишков В.А. Да изменится молитва моя: 30 лет спустя // XIII Конгресс этнологов и антропологов России: сб. материалов. Казань, 2–6 июля 2019. Москва, Казань: ИЭА РАН; КФУ; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; 2019. С. 498–506.

Филиппов С.И. Условия лояльности национальных элит к центральной власти в советский период российской истории // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12. № 4. Ч. 1. С. 230–248.

Четырнова Л.Б., Сергеева Н.М. Советская модернность в визуальной перспективе // Новые исследования Тувы. 2022. № 2. С. 239–262.

Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование общества. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-Пресс, 1999. 416 с.

Tlostanova M., Mignolo, W.D. Learning to unlearn: decolonial reflections from Eurasia and the Americas. Columbus: Ohio State University Press, 2012. 281 p.

#### REFERENCES

- Abashin S.N. (2015). Soviet kishlak: between colonialism and modernization. Moscow, NLO, 720 p. (In Russ.)
- Amanzholova D.A. (2015). On forming the Soviet people (policy and ethnicity). *Trudy Instituta Rossiiskoy istorii RAN*. No. 13, pp. 194–216. (In Russ.)
- Arutyunyan Yu.V. (1969). Concrete sociological studies of the national relations. *Voprosy filosofii*. No. 12, pp. 37–45. (In Russ.)
- Arutyunyan Yu.V. (ed.) (1973). Social and national: experience of ethnosociological research on the materials of the Tatar ASSR materials. Moscow, Nauka, 330 p. (In Russ.)
- Arutyunyan Yu.V. (1987). Speech at the round table “National Processes in the USSR: results, trends, problems”. *Istoriya SSSR*. No. 6, pp. 67–70. (In Russ.)

- Arzyutov D.V., Anderson D.G., Podresova S.V. (eds.)* (2021). Journey through the Siberian steppe and taiga to anthropological concepts: Sergei and Elizaveta Shirokogorovs' ethnohistory. Vol. 1. Moscow, Indrik, 544 p. (In Russ.)
- Boiko V.I.* (1977). Social development of the Lower Amur peoples. Novosibirsk, Nauka, 280 p. (In Russ.)
- Boiko V.I.* (1988). Socio-economic development of the peoples of the North. Novosibirsk, Nauka, 320 p. (In Russ.)
- Boiko V.I. (ed.)* (1989). The concept of socio-economic development of the peoples of the North for the period up to 2010. Novosibirsk, 128 p. (In Russ.)
- Chetyrova L.B., Sergeeva N.M.* (2022). Soviet modernity in visual perspective: the cases of Kalmyks and Tuvans. *Novye issledovaniya Tuvy*. No. 2, pp. 239–262. (In Russ.)
- Eisenstadt Sh.* (1999). Revolution and the transformation of societies. Moscow, Aspect-Press, 416 p. (In Russ.)
- Erokhina E.A.* (2012). Siberian vector of the internal geopolitics of Russia. Novosibirsk, Izd-vo NGU, 418 p. (In Russ.)
- Filippov S.I.* (2020). Conditions of the national elites' loyalty towards the central government in the Soviet period of the Russian history. *Idey i idealy*. Vol. 12, no. 4, pt. 1, pp. 230–248. (In Russ.)
- Galushka A.S., Niyazmetov A.B.K., Okulov M.O.* (2021). Growth crystal: towards the Russian economic miracle. Moscow, Nashe zavtra, 360 p. (In Russ.)
- Gerasimov I., Mogilner V., Glebov S.* (2017). New imperial history of the North Eurasia. Pt. 2. Balancing the imperial situation. Kazan, Ab Imperio, 630 p. (In Russ.)
- Kaltahchyan S.T.* (1974). Nation. In: *Bolshaya sovetskaya entsiklopediya*. Moscow, vol. 17, pp. 375–376. (In Russ.)
- Lenin V.I.* (1981). Report of the Commission on National and Colonial Questions. II Congress of the Communist International. In: *Lenin V. I. Polnoye sobraniye sochineniy*. Moscow, Izd-vo polit. lit., vol. 41, pp. 242–247. (In Russ.)
- Markhinin V.V., Udalova I.V.* (1996). Interethnic community. State, dynamics, interaction of cultures. Novosibirsk, Nauka, 191 p. (In Russ.)
- Myagkova E.M., Repnikov A.V., Shukshin A.I.* (2022). Two anniversaries of the Union of Soviet Socialist Republics (1922–1991). *Vestnik VNIIDAD*. No. 1, pp. 4–19. (In Russ.)
- On the ideological work of the Communist Party of the Soviet Union: doc. coll. Moscow, 1977, Politizdat, 456 p. (In Russ.)
- Pivneva E.A.* (2021). Soviet ethnographic Northern studies in the second half of the XX century in the mirror of Z.P. Sokolova's scientific heritage (Moscow School). *Vestnik ugrovedeniya*. Vol. 11, no. 4, pp. 780–788. (In Russ.)
- Pivovarov Yu.S.* (2011). «... And the age in the ruins». *Polis*. No. 6, pp. 52–77. (In Russ.)
- Research coordination program "Social and economic development of the peoples of the North under conditions of scientific and technical progress". Novosibirsk, 1987, 297 p. (In Russ.)
- Tishkov V.A.* (2019). Let my prayer change: 30 years later. *XIII Kongress etnologov i antropologov Rossii: sbornik materialov*. Moscow, Kazan, pp. 498–506. (In Russ.)
- Tlostanova M., Mignolo W.D.* (2012). Learning to unlearn: decolonial reflections from Eurasia and the Americas. Columbus: Ohio State Univ. Press, 281 p.
- Vinogradova S.N.* (2010). Forming of the Public policy with respect to the Indigenous peoples: retrospective analysis. *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN*. No. 2, pp. 127–139. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 02.10.2022

Дата рецензирования 24.10.2022

Статья принята к публикации 03.11.2022

DOI: 10.15372/HSS20220403

УДК 94(470.34)“1941/1945”

Н.В. ЧЕРНЫШЕВА

## ТРУДОВЫЕ МОБИЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛГО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН  
РФ, 119333, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1;  
Научно-образовательный центр исторических исследований и анализа  
Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина  
РФ, 196605, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское ш., 10.

В статье рассматриваются трудовые мобилизации населения Волго-Вятского региона в годы Великой Отечественной войны. Дан краткий анализ изученности темы, определены источники исследования. Цель исследования – раскрыть формы, масштабы и механизмы привлечения населения Волго-Вятского региона к труду в рамках трудовых мобилизаций в 1941–1945 гг. Исследование основано на общенаучных, специально-исторических и статистических методах.

Рассматривая трудовые мобилизации как процесс, автор выделяет два этапа (июнь 1941 г. – январь 1942 г. и февраль 1942 г. – май 1945 г.) и дает характеристику каждого из них. Трудовые мобилизации осуществлялись в трех формах: привлечение молодежи в учебные заведения государственных трудовых резервов; трудовые мобилизации городского и сельского населения; трудовые повинности. За период с 1942 г. по июль 1945 г. в стране было мобилизовано почти 12 млн чел., из них 1084,5 тыс. чел. – жители Волго-Вятского региона, которых направляли преимущественно на сезонные работы, а также в промышленность и строительство.

**Ключевые слова:** государственные трудовые резервы, трудовые мобилизации, трудовые повинности, Великая Отечественная война, Волго-Вятский регион.

**Для цитирования:** Чернышева Н.В. Трудовые мобилизации населения Волго-Вятского региона в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 4. С. 27–34. DOI: 10.15372/HSS20220403.

N.V. CHERNYSHEVA

## THE LABOR MOBILIZATION OF POPULATION IN THE VOLGA-VYATKA REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Institute of Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS  
6-1, Fotieva st., Moscow, 119333, Russian Federation  
Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis  
Leningrad State University named after A.S. Pushkin  
10, Petersburg highway, Saint-Petersburg, Pushkin, 196605, Russian Federation

The article is devoted to the analysis of labor mobilizations in the Volga-Vyatka Region during the Great Patriotic War. The author defines labor mobilization as a system of state measures of involving human resources in the national economy to solve social and economic problems. The paper presents a brief analysis of the issue research level and review of historical sources. The study objective is to define forms, coverage and mechanisms of attracting the population of Volga-Vyatka Region to work in frameworks of labor mobilizations in 1941–1945. The research is based on general scientific, special-historical and statistical methods.

Considering labor mobilization as a process, the author distinguishes two stages and describes each of them. At the first stage (June 1941 – January 1942) – labor mobilizations were urgent in character, and an inherent part of the country’s transition to a wartime economy. At the second stage (February 1942 – May 1945) – mobilization mechanisms were concentrated within the framework of the Committee for Labor Force

---

**Наталья Викторовна Чернышева** – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; главный научный сотрудник, Научно-образовательный центр исторических исследований и анализа Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина, e-mail: natiche84@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1492-5368>.

**Natalya V. Chernysheva** – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow, Scientific and Educational Center for Historical Research and Analysis, Leningrad State University named after A.S. Pushkin.

Registration and Distribution activities. The researcher identifies three forms of labor mobilization: the young people's attraction to educational institutions of state labor reserves; labor mobilization of the urban and rural population; labor duties.

About 12 million people were mobilized in the country for 1942 – July 1945, 1084.5 thousand of them were residents of the Volga-Vyatka Region, who were mainly engaged in season works, as well as industry and constructing (mainly in Gorky and Kirov Regions).

The population large-scale involvement in labor through the labor mobilization became possible due to widening the geography, contingent, tightening the labor legislation, and means of territorial (intra-regional and inter-regional) redistribution of labor resources.

**Key words:** *state labor reserves, labor mobilization, labor service, Great Patriotic War, Volga-Vyatka Region.*

## ВВЕДЕНИЕ

В условиях военного времени Советское государство вынуждено было изыскивать новые способы быстрого и эффективного решения проблем нехватки трудовых ресурсов. Трудовую мобилизацию можно определить как систему государственных мер по вовлечению в народное хозяйство человеческих ресурсов с целью решения социально-экономических задач. Кадровые вопросы решались в условиях затяжной войны, оккупации части территории страны, ограниченности людских ресурсов. Привлекаемое население совершало разноплановые, с точки зрения территориального перемещения, миграции как на постоянной основе, так и временно (преимущественно сезонно).

В советский период исследователи рассматривали трудовые мобилизации в СССР в годы Великой Отечественной войны преимущественно с позиций решения кадровой проблемы, перестройки экономики на военные рельсы [Котляр, 1975; Митрофанова, 1984; Соколов, 1961; Тельпуховский, 1960, 1968; и др.]. В 1994 г. вышла статья П.Н. Кнышевского, в которой трудовые мобилизации анализировались в рамках деятельности ГКО [1994]. Истории трудовой политики СССР и внеэкономическим факторам трудовой мотивации в годы войны посвящены работы В.А. Сомова [2001, 2008]. В 2014 г. В.Н. Земсковым освещались задачи, масштабы и формы трудовых мобилизаций населения СССР [2014]. Стоит также отметить работу М.И. Безнина, Т.М. Димони, Л.В. Изюмовой «Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах», в которой анализируется система повинностей крестьянства [2001].

За последние двадцать лет опубликован ряд региональных исследований, затрагивающих различные аспекты изучения трудовых мобилизаций 1941–1945 гг. [Исупов, 2015; Кабирова, Ханипова, 2019; Корнишина, 2011; Уваров, 2015; Хисамутдинова, 2013; и др.], в том числе в Волго-Вятском регионе [Васенин, 2014; Поляков, 2016; Плотникова, 2016; Серебрянская, 1997, 2003; Чернышева, 2018]. Преимущественно в них рассматривалась какая-либо из форм мобилизации либо анализировался какой-то аспект, приведены отрывочные сведения о масштабах трудовых мобилизаций, соотношении их форм и пр.

Отсутствие комплексного исследования трудовых мобилизаций населения Волго-Вятского региона, понимания их значения в общесоюзном масшта-

бе, специфики привлечения к труду в отдельные отрасли народного хозяйства требует дальнейшего их изучения.

В настоящей статье использовался комплекс источников: нормативно-правовые акты государственных органов власти и управления, директивные акты партийных органов, делопроизводственная документация; ведомственная статистическая отчетность; периодическая печать. Привлекались документы трех федеральных и шести региональных архивов.

Цель статьи – определить формы, масштабы и механизмы привлечения населения Волго-Вятского региона к труду в рамках трудовых мобилизаций в 1941–1945 гг.

Автором применялись общенаучные методы (анализа, обобщения, систематизации), специально-исторические методы (хронологический, историко-сравнительный и историко-генетический), а также статистические методы и приемы обработки и представления данных (метод средних величин, сводка и группировка).

Территориальные рамки исследования ограничены Волго-Вятским регионом как единым социально-экономическим, культурным, многонациональным пространством, состоящим из пяти административно-территориальных единиц, входящих в состав экономического района «Центр», а именно: Горьковская и Кировская области, Марийская, Мордовская и Чувашская АССР.

Накануне войны Волго-Вятский регион обладал достаточным количеством трудовых ресурсов, которые планировалось вовлечь в процесс промышленного развития в рамках организованного набора рабочей силы. Столь крупный аграрно-индустриальный регион с развитой индустрией, сосредоточенной в основном в городской местности Горьковской и Кировской областей, в годы Великой Отечественной войны вследствие воинских мобилизаций стал нуждаться в притоке рабочей силы. Кроме того, в 1941–1942 гг. сюда было эвакуировано значительное количество предприятий и учреждений, в том числе в автономные республики с преимущественно аграрным типом хозяйства, которые не были обеспечены рабочей силой. В ходе исследования также выявлено, что в Волго-Вятском регионе за 1942–1945 гг. было охвачено трудовыми мобилизациями 9,1 % всех граждан СССР, подлежащих трудовой мобилизации.

**ТРУДОВЫЕ МОБИЛИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ  
ВОЛГО-ВЯТСКОГО РЕГИОНА В 1941–1945 гг.:  
ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ**

Накануне Великой Отечественной войны в Волго-Вятском регионе проживало 8,9 млн чел. (8,2 %). Наиболее заселенной являлась Горьковская обл. – 3,8 млн чел. (43,3 % населения региона). Четверть населения (24,9 %) имела в Кировской обл. (2,2 млн чел.), 1,1 млн и 1,0 млн чел. являлись жителями Мордовской АССР и Чувашской АССР соответственно. Менее заселенной оставалась Марийская АССР – 579,6 тыс. чел. (6,5 %)¹. Области и автономные республики обладали достаточными трудовыми ресурсами. Большинство населения было занято в сельском хозяйстве (от 49 до 76 %)².

В 1941–1945 гг. трудовые мобилизации населения осуществлялись в следующих формах: привлечение молодежи в учебные заведения системы государственных трудовых резервов с их последующим трудоустройством; трудовые мобилизации городского и сельского населения; трудовые повинности. Отметим также, что практика применения отдельных из этих форм существовала и в довоенное время, но начавшаяся война вызвала их трансформацию.

Рассматривая трудовые мобилизации как процесс, можно выделить два этапа: июнь 1941 г. – январь 1942 г. – трудовые мобилизации носили срочный характер и в основном были направлены на перераспределение рабочей силы с целью решения кадровой проблемы, привлечение к трудовым повинностям, в первую очередь летним сельскохозяйственным и лесозаготовительным работам; призыв в учебные заведения трудовых резервов; февраль 1942 г. – май 1945 г. – концентрация мобилизационных механизмов в рамках деятельности Комитета по учету и распределению рабочей силы.

Трудовые мобилизации городского и сельского населения обеспечили массовое и быстрое привлечение населения в промышленность, строительство, сельское хозяйство и на транспорт. 30 июня 1941 г. при Бюро СНК СССР был создан Комитет по распределению рабочей силы, который осуществлял свою деятельность в тесном взаимодействии с ГКО и СНК СССР³. С февраля 1942 г. он стал именоваться Комитетом по учету и распределению рабочей силы при СНК СССР. С 1943 г. Комитет стал осуществлять призыв учащихся в систему государственных трудовых резервов. В Обл(край) исполкомах и СНК АССР соз-

давались отделы по мобилизации рабочей силы, в районах такой деятельностью занимался районспектор.

С июля 1941 г. по январь 1942 г. основная задача состояла в распределении кадров в связи с эвакуацией, переводе части рабочих и служащих на предприятия оборонного значения; мобилизации незанятого городского, сельского и эвакуированного населения. На предприятия оборонной промышленности СССР, в отрасли тяжелой индустрии, на ударные стройки и транспорт во второй половине 1941 г. было направлено 120,8 тыс. чел., в том числе 36,7 тыс. квалифицированных рабочих. Точных сведений по территориям региона не выявлено. Облсполкомы и совнаркомы запрашивали у Комитета разрешения на ввоз рабочих, набор рабочих по конкретным специальностям, в которых отдельные предприятия и заводы испытывали острый дефицит (токари, фрезеровщики, инженеры, термисты и пр.)⁴.

В 1941 г. возникли трудности с завершением летних сельскохозяйственных работ. Ушедших на фронт заменяли на полях женщины, старики и дети, массово выйдя на уборку урожая. Статистически оценить масштабы привлечения населения к летним сельскохозяйственным работам в 1941 г. не представляется возможным.

Осенью 1941 г. население Волго-Вятского региона привлекалось на строительство оборонительных сооружений: в Горьковской обл. – около 500 тыс. чел., в Чувашской АССР – 85–100 тыс. чел., в Мордовской АССР – около 67 тыс., Марийской АССР – 17,7 тыс. чел. Жители Кировской обл. направлялись на строительство оборонительных сооружений в другие регионы страны: например, в Вологодскую обл. – 15,7 тыс. чел. [Перчиков, 1992, с. 40; Мордовия. XX век, 2005, с. 205–206]⁵.

С первых месяцев войны военнообязанных, не пригодных к строевой службе, направляли в строительные батальоны и рабочие колонны. За годы войны для работы в промышленности Вооруженными Силами СССР было передано 3,6 млн чел. Полных данных о количестве рабочих колонн в Волго-Вятском регионе и контингенте, используемом в качестве рабочей силы, не выявлено. Например, к весне 1942 г. в Кировской обл. имелось 18 строительных рабочих колонн: одна из них находилась в стадии формирования, а в 17 числилось 15 080 чел.⁶

⁴ Там же. Л. 32, 102; Д. 4. Л. 83–84.

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 293. Л. 1; Д. 300. Л. 3; Д. 344. Л. 1; Д. 345. Л. 1; Д. 352. Л. 1.

² Там же. Д. 293. Л. 15; Д. 300. Л. 16; Д. 344. Л. 14; Д. 345. Л. 13; Д. 352. Л. 14.

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р. 9517. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2.

⁵ Из отчета 11-го Армуправления НКО СССР по строительству оборонительных рубежей на Волге о строительстве оборонительных рубежей // Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. документов и материалов. Йошкар-Ола: Комитет Республики Марий Эл по делам архивов, Государственный архив Республики Марий Эл, 2005. С. 65–77; Центральный государственный архив Кировской области (ЦГАКО). Ф. П. 1290. Оп. 7. Д. 43. Л. 9.

⁶ ЦГАКО. Ф. П. 1291. Оп. 1. Д. 26. Л. 97–103.

**Число мобилизованных Комитетом по учету и распределению рабочей силы в 1942 – 7 мес. 1945 г.  
(сведения по СССР и Волго-Вятскому региону), тыс. чел.**

**The number of those mobilized by the Committee for the Accounting and Distribution of Labor in 1942 – 7 months. 1945  
(information on the USSR and the Volga-Vyatka region), thousand people**

Территория Territorial unit	Постоянная работа в промышленности и строительстве Permanent work in industry and construction	Учебные заведения трудовых резервов Educational institutions of labor reserves	Сезонная работа Seasonal work	Итого Total
СССР	3010,4	2121,4	6751,2	11883
Горьковская обл.	67,2	59,5	237,7	364,4
Кировская »	46,2	52,1	249,5	347,8
Марийская АССР	8,1	12,5	74,8	95,4
Мордовская »	11,5	12,5	120,6	144,6
Чувашская »	22,3	15,8	94,2	132,3

Источник: ГАРФ. Ф. Р. 9517. Оп. 1. Д. 25. Л. 82–84.

Весной–летом 1942 г. были приняты нормативно-правовые акты, определившие организационные основы трудовых мобилизаций населения<sup>7</sup>. За уклонение от трудовой мобилизации граждане привлекались к ответственности. По Указу от 13 февраля 1942 г. государство привлекало к работе всех горожан, относившихся к категории незанятых, за некоторыми исключениями. Кроме того, неработающее на промышленных предприятиях и транспорте городское и сельское население; служащих государственных, кооперативных и общественных учреждений (не в ущерб основной работе); учащихся 6–10-х классов, студентов техникумов и вузов (привлекались только в каникулы) мобилизовывали на выполнение сезонных сельскохозяйственных работ<sup>8</sup>.

На производство и строительство направляли мужчин в возрасте 16–55 лет и женщин 16–45 лет из числа неработающих горожан. От мобилизации освобождались юноши и девушки 16–18 лет, обучавшиеся в системе государственных трудовых резервов, а также женщины, имевшие детей до 8 лет, в случае отсут-

ствия других членов семьи, которые могли бы обеспечить за ними уход. На дорожных работах мобилизуемый контингент состоял из мужчин в возрасте от 18 до 45 лет и женщин в возрасте от 18 до 40 лет. В сентябре 1942 г. и августе 1943 г. возраст подлежащих трудовой мобилизации женщин был увеличен до 50 лет, а также были внесены изменения, касающиеся использования труда женщин, имевших детей.

Закреплялся и порядок привлечения граждан к трудовым повинностям. Предполагалось использовать трудоспособное население для выполнения оборонительных работ и других военных нужд; заготовки топлива; специальных строительных работ и т. д.<sup>9</sup> Однако эти решения лишь закрепили существовавшую ранее практику привлечения граждан к выполнению трудовых повинностей в военное время.

С начала 1942 г. по июль 1945 г. Комитетом по учету и распределению рабочей силы было мобилизовано почти 12 млн чел., из них свыше 3 млн – на постоянную работу на предприятия, стройки и транспорт, на сезонные работы – более 6,7 млн чел. [Земсков, 2014, с. 107].

В более промышленно развитой Горьковской обл. мобилизованные в промышленность и строительство составляли 18,4 % от всего контингента, в Кировской обл. и Чувашской АССР (за счет строительства новых предприятий и обеспечения рабочей силой эвакуированных предприятий) – 13,3 и 16,9 % соответственно, в Марийской АССР и Мордовской АССР – 8,5 и 8,0 % соответственно<sup>10</sup>. Доля призываемой молодежи в учебные заведения государственных трудовых резервов варьировалась от 8,6 до 17 %. Мо-

<sup>7</sup> Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве» от 13 февр. 1942 г. // Трудовое законодательство военного времени. М.: Изд-во ВЦСПС, Профиздат, 1943. С. 4; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О порядке мобилизации на сельхозработы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельской местности» от 13 апр. 1942 г. // Сборник указов, постановлений, решений и приказов военного времени. Л.: Лениздат, 1942. С. 164; Постановление СНК СССР «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время» от 10 авг. 1942 г. // Указатель важнейших решений партии и правительства во время Великой Отечественной войны / сост. Е.Н. Морозова, Ю.К. Стрижков. М.: Ин-т истории СССР, 1980. Вып. 1. С. 10.

<sup>8</sup> Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О порядке мобилизации на сельхозработы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельской местности» от 13 апр. 1942 г. // Сборник указов, постановлений, решений и приказов военного времени. Л.: Лениздат, 1942. С. 164.

<sup>9</sup> Постановление СНК СССР «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время» от 10 авг. 1942 г. // Указатель важнейших решений партии и правительства во время Великой Отечественной войны.

<sup>10</sup> ГАРФ. Ф. Р. 9517. Оп. 1. Д. 25. Л. 86–87.

билизация населения региона на выполнение сезонных работ являлась наиболее массовой формой трудовых мобилизаций. В 1942–1945 гг. от 65,1 до 79,9 % всех трудмобилизованных направлялись на выполнение сезонных работ.

В Волго-Вятском регионе пик мобилизации пришелся на 1943 г. (по стране в целом на 1944 г.), что было обусловлено постепенной территориальной переориентацией мобилизуемого контингента. Если в 1942 г. по Волго-Вятскому региону мобилизуемый контингент составлял 150,4 тыс. чел., то в 1943 г. – 447,1 тыс. чел., в 1944 г. – 348,6 тыс. чел., за 7 месяцев 1945 г. – 137,9 тыс. чел.<sup>11</sup> Следует учитывать также начавшуюся реэвакуацию населения и предприятий, восстановительные работы на освобожденных территориях и пр.

В 1941–1945 гг. был продолжен процесс территориального перераспределения рабочей силы (внутриобластное и межобластное). Приведем лишь некоторые примеры трудовых мобилизаций. Жителей Волго-Вятского региона направляли на заводы, предприятия, фабрики, стройки Горьковской обл. (№ 92, 148, 197, 326, ГАЗ, завод «Двигатель революции», завод «Фанерные станки», Балахнинский целлюлозно-бумажный комбинат и др.), Кировской обл. (№ 32, 38, 266, Косинскую фабрику, перчаточную фабрику и др.); Марийской АССР (№ 40, 291, 297, ГЭС № 1, строительство витаминного завода, Государственный горно-металлургический комбинат № 3 и Богословский алюминиевый завод Свердловской обл. и др.), Мордовской АССР (Ширингушскую суконную фабрику, трест «Магнитстрой» Челябинской обл. и др.), Чувашской АССР (строительство спеццехов завода № 103 Наркомхимпрома Молотовской обл., махорочную фабрику, Чебоксарский кожный комбинат и т. д.)<sup>12</sup>.

В 1942 г. было принято решение о мобилизации рабочих из среднеазиатских республик. Наиболее массовый завоз рабочих в Волго-Вятский регион был на Каринторфострой (666 чел.) Кировской обл., завод им. Я. Свердлова (938 чел.), «Стройгаз» № 2 (1662 чел.), автозавод им. Молотова (2000 чел.) Горьковской обл. В 1944 г. большинство рабочих из Средней Азии были возвращены домой. Данная практика не получила дальнейшего распространения: прибы-

вающие рабочие были истощены и ослаблены, не обеспечены жильем и сезонной одеждой, как правило, не имели профессиональных знаний и навыков, испытывали трудности с социокультурной адаптацией<sup>13</sup>.

В 1945 г. к трудовой мобилизации на предприятия и стройки страны стали привлекать реэвакуированное население. В частности, во II квартале 1945 г. из Горьковской обл. направили в г. Ленинград 500 чел., прибывших в область по эвакуации<sup>14</sup>.

Сельская местность являлась основным поставщиком рабочей силы в города на постоянную работу, а горожане привлекались только для участия в сезонных сельскохозяйственных работах.

В 1942 г. руководство областей и автономных республик Волго-Вятского региона попыталось учесть опыт выполнения сельскохозяйственных работ в 1941 г. В Мордовской АССР были проведены подготовительные мероприятия (определен мобилизованный контингент, участки работы, приняты меры по организации питания и пр.)<sup>15</sup>. В Горьковской обл. организовали массовые курсы обучения навыкам выполнения сельскохозяйственных работ [Сомов, 2001, с. 78].

Сезонные работы для мобилизованных включали обязательный труд в колхозе, трудовую и гужевую повинность на лесозаготовках и торфозаготовках, работы по строительству и ремонту дорог, а также труд в других отраслях, где требовалось сезонное привлечение рабочих [Безнин и др., 2001, с. 6].

Население Волго-Вятского региона привлекали на торфозаготовки, лесозаготовки и лесосплав, дорожные работы и иные виды работ<sup>16</sup>. Лесозаготовки являлись одним из самых напряженных и трудоемких видов работ. Рабочие привлекались и к лесозаготовительным работам, и на сплав древесины в другие регионы страны. Например, жители Кировской обл. направлялись в 1942 г. на проведение сплава древесины в Горьковскую и Молотовскую области, а также Удмуртскую и Марийскую АССР<sup>17</sup>.

Во второй половине 1941–1942 гг. в Волго-Вятском регионе остро ощущалась нехватка топлива, которое направлялось на электростанции, промышленные предприятия, железнодорожный транспорт.

На торфопредприятия в связи длительностью сезона мобилизовали преимущественно одиноких людей, направляя из Волго-Вятского региона по не-

<sup>11</sup> ГАРФ. Ф. Р. 9517. Оп. 1. Д. 25. Л. 86–87.

<sup>12</sup> Государственный архив Республики Марий Эл (ГА РМЭ). Ф. Р. 821. Оп. 1 а. Д. 1. Л. 46; ГАРФ. Ф. Р. 9517. Оп. 1. Д. 6. Л. 17, 21; Д. 7. Л. 33; Д. 17. Л. 327, 348; Д. 28. Л. 130; Государственный общественно-политический архив Нижегородской области (ГОПАНО). Ф. Р. 2381. Оп. 1. Д. 89. Л. 8; РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 225. Л. 59; Д. 261. Л. 184; Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р. 78. Оп. 3. Д. 132. Л. 1, 7, 15, 37, 59–60, 128–129, 135; ЦГАКО. Ф. П. 1290. Оп. 9. Д. 101. Л. 52; Ф. П. 1291. Оп. 1. Д. 35. Л. 77–77 об.

<sup>13</sup> ГОПАНО. Ф. Р. 2381. Оп. 1. Д. 89. Л. 8; ЦГАКО. Ф. П. 1291. Оп. 1. Д. 35. Л. 77–77 об.

<sup>14</sup> ГАРФ. Ф. Р. 9517. Оп. 1. Д. 45. Л. 440.

<sup>15</sup> Совещание работников по мобилизации на сельхозработы // Красная Мордовия. 1942. 10 июня.

<sup>16</sup> ГАРФ. Ф. Р. 9517. Оп. 1. Д. 28. Л. 143–144, 240; Д. 30. Л. 212, 238–240, 412–413, 424, 431–432, 468–476.

<sup>17</sup> ЦГАКО. Ф. Р. 2169. Оп. 1. Д. 635. Л. 91–93.

сколько тысяч рабочих в Ивановскую, Московскую, Калининскую, Ярославскую, Горьковскую, Челябинскую и Свердловскую области. Приведем примеры. На 1944 г. мобилизационный план в Чувашской АССР составлял 6590 чел. (по республике – 1850 чел. и 4740 чел. посылались на предприятия других областей); Мордовской АССР – 8310 чел., из них 2620 рабочих – на предприятия республики, остальных направляли в другие области; Кировской обл. – 2015 чел. (1415 рабочих на собственные торфопредприятия, 600 чел. вывезли в другие области). Лишь из Горьковской обл. вывоз рабочих не производился (11235 чел.).

Население систематически привлекали к строительству и ремонту дорог. Например, в течение 1941 г. около 22 тыс. колхозников и 8 тыс. возчиков строили вторые пути железной дороги Молотов–Киров, пролежавшей по территории Удмуртской АССР [Уваров, 2015, с. 71]. В 1943 г. в Чувашской АССР на строительство автодороги Горький–Чебоксары–Казань было направлено 600 чел., моста через р. Алатырь – 100 чел.<sup>18</sup> В 1944 г. в Мордовской АССР для строительства Круглолежневой дороги было мобилизовано 40 чел.<sup>19</sup> Построены автомобильные дороги Горький–Арзамас–Кулебяки (1942 г.) и Горький–Чебоксары (1943 г.)<sup>20</sup>.

Промышленные предприятия, стройки, железнодорожный транспорт пополнялся молодыми кадрами за счет выпускников учебных заведений системы государственных трудовых резервов, которая была создана в 1940 г.<sup>21</sup> В ремесленные и железнодорожные училища принималась молодежь в возрасте 14–15 лет и обучалась 2–3 года [Котляр, 1975, с. 13, 26]. Выпускники училищ и школ ФЗО уже в 16–17 лет направлялись на работу в города и рабочие поселки [Чернышева, 2018, с. 152]. Устанавливалась уголовная ответственность для учащихся ремесленных, железнодорожных училищ, школ ФЗО за самовольный уход из учреждения, за грубое нарушение дисциплины. По приговору суда они подвергались заключению в трудовую колонию сроком до года.

Как правило, проводилось два набора в год: весеннее-летний и зимний. Число и сроки наборов определялись распоряжениями союзной власти. Уже

при первых наборах военных лет ощущалась нехватка учащихся. Так, в Горьковской обл. в мае 1941 г. в школы ФЗО призвано 4900 чел. вместо 5150 чел. [Поляков, 2016, с. 136]. Отчасти учебные заведения в 1941–1942 гг. пополнялись за счет эвакуированных учащихся ремесленных училищ и школ ФЗО. Например, в Мордовскую АССР прибыло 275 учащихся из городов Белорусской и Украинской ССР, а также РСФСР.

В первые военные годы широко практиковался досрочный выпуск учащихся. Так, в 1941 г. училища Горьковской обл. выпустили досрочно свыше 5 тыс. квалифицированных рабочих<sup>22</sup>.

Весной 1944 г. было принято решение мобилизовать по стране 25,6 тыс. воспитанников детских домов с целью направить их в училища, а также на промышленные предприятия<sup>23</sup>. В Горьковской обл. и г. Горьком таких воспитанников было 900 чел., Кировской обл. – 850 чел., Марийской АССР – 300, Мордовской АССР – 300, Чувашской АССР – 150 чел.

Данные о призывах молодежи в годы Великой Отечественной войны позволяют дополнить сведения, представленные в таблице. Так в Горьковской обл. за 1940–1945 гг. было подготовлено и отправлено на работу 71 тыс. молодых рабочих (по другим сведениям – 74 тыс. чел.)<sup>24</sup>. Всего было принято на обучение за 1940–1945 гг. около 109,8 тыс. чел. [Серебрянская, 2003, с. 467]. Горьковская обл. по этому показателю занимала третье место в стране после Свердловской и Куйбышевской областей. За годы войны в Кировской обл. подготовлено 53,2 тыс. чел.<sup>25</sup> В Марийской АССР с июня 1941 г. по июнь 1944 гг. обучили 6,2 тыс. чел., а также направили на обучение за пределы республики 3,9 тыс. чел. [Там же, с. 468]; в Мордовской АССР было принято на обучение 14,2 тыс. чел., выпущено 8,8 тыс. специалистов [Там же, с. 467–468]; в Чувашской АССР подготовлено 10,5 тыс. молодых рабочих, 7,2 тыс. чел. направлено на обучение в другие области [Плотникова, 2016, с. 165–170; Серебрянская, 2003, с. 467–468]. Всего в Волго-Вятском регионе за 1941–1945 гг. подготовлено более 149,6 тыс. рабочих (около 7,7 % от всех обученных по РСФСР) из 189,2 тыс. призванных в ре-

<sup>18</sup> Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р. 203. Оп. 13. Д. 3. Л. 261–262 об.; Оп. 19. Д. 395. Л. 49.

<sup>19</sup> Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. Р. 473. Оп. 1. Д. 89. Л. 138–139.

<sup>20</sup> ГОПАНО. Ф. Р. 3. Оп. 1. Д. 5247 в. Л. 3.

<sup>21</sup> Указ Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах» от 2 окт. 1940 г. // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.): в 5 т. Т. 2. 1929–1940 гг. / сост. К.У. Черненко, М.С. Смиртюков. М.: Изд-во полит. лит., 1967. С. 774–775.

<sup>22</sup> Трудовые резервы Горьковской области в годы Великой Отечественной войны / публ. В.И. Белоус // Арзамасский район. URL: <http://arzamas-rajon.ru/trudovye-rezervy-gorkovskoj-oblasti-v-gody-vov.html> (дата обращения: 01.06.2022).

<sup>23</sup> ГАРФ. Ф. Р. 9517. Оп. 1. Д. 29. Л. 19–22.

<sup>24</sup> Народное хозяйство Горьковской области за 50 лет: статистический сборник. Горький: Статистика, 1967. С. 144; Трудовые резервы Горьковской области в годы Великой Отечественной войны / публ. В.И. Белоус // Арзамасский район. URL: <http://arzamas-rajon.ru/trudovye-rezervy-gorkovskoj-oblasti-v-gody-vov.html> (дата обращения: 01.06.2022).

<sup>25</sup> ЦГАКО. Ф. П. 1290. Оп. 20. Д. 326. Л. 237.



месленные училища, железнодорожные училища и школы ФЗО, причем большинство в Горьковской и Кировской областях. Окончившие ремесленные училища и школы ФЗО направлялись на работу в города по всей стране, в том числе на предприятия и стройки освобожденных территорий.

#### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, трудовые мобилизационные процессы позволяли решать проблему замещения работников, ушедших на фронт, и являлись одним из основных способов пополнения кадров. Около 12 млн чел. было мобилизовано Комитетом по учету и распределению рабочей силы с начала 1942 г. по июль 1945 г., из них 1084,5 тыс. чел. являлись жителями Волго-Вятского региона, или 9,1 % всех мобилизованных по стране. Наибольшее количество трудмобилизованных дали Горьковская и Кировская области (более 300 тыс. каждая). В основном население мобилизовали на сезонные работы (65–78 %), от 8 до 22 % – промышленность и строительство (торфяная, лесная промышленность, металлургия, авиационная промышленность и пр.), 149,6 тыс. чел. подготовили в учебных заведениях государственных трудовых резервов.

За годы войны расширилась география привлечения населения к труду, а также увеличился контингент лиц, подлежащих мобилизации. К середине 1942 г. законодательно были установлены основные формы трудовой мобилизации, закреплявшие лиц трудоспособного возраста за промышленными предприятиями, учреждениями и сельскохозяйственными объектами. Процесс территориального перераспределения трудовых ресурсов был продолжен, но имел свою специфику. На фоне дефицита кадров резко возрос объем трудовых повинностей, выполняемых сельским населением.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В. Повинности российского крестьянства в 1930–1960-х годах. Вологда: Вологодский НКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. 141 с.
- Васенин Д.В. Промышленность и рабочие Марийской АССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Йошкар-Ола: Поволжский гос. технол. ун-т, 2014. 204 с.
- Земсков В.Н. Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы Великой Отечественной войны // Международные отношения. 2014. № 1. С. 104–114.
- Исупов В.А. Социальные перемещения в Сибири в годы Второй мировой войны: динамика и масштабы. Новосибирск: Параллель, 2015. 278 с.
- Кабирова А.Ш., Ханшова И.И. Трудовые мобилизации в Татарской АССР в 1930–1940-е годы // Вестн. Рязан. гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2019. № 1. С. 30–43.
- Кнышевский П.Н. Государственный комитет обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопр. истории. 1994. № 2. С. 53–65.

Корнишина Г.А. Система подготовки рабочих кадров в Мордовии в годы Великой Отечественной войны // Гуманитарий: актуальные пробл. гуманитар. науки и образов. 2011. № 2. С. 40–44.

Котляр Э.С. Государственные трудовые резервы СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Высшая школа, 1975. 240 с.

Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР. История советского рабочего класса: в 6 т. М.: Наука, 1984. Т. 3. 591 с.

Мордовия XX век: в 2 т. Саранск: Изд-во НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия, 2005. Т. 1 / под общ. ред. В.А. Юрченкова. 401 с.

Перчиков Ю.А. Советы Волго-Вятского региона РСФСР. 1941–1945 гг. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1992. 145 с.

Плотникова Е.В. Обучение и воспитание учащихся фабрично-заводских училищ в Чувашии в годы Великой Отечественной войны // XX век в истории России. Гражданственность и патриотизм народа в годы великих потрясений и мирного строительства. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова. 2016. С. 165–170.

Поляков А.И. Роль системы Государственных трудовых резервов в решении кадровых проблем в годы Великой Отечественной войны (по материалам Горьковской области) // КЛИО. 2016. № 9. С. 135–138.

Серебрянская Г.В. Волго-Вятский арсенал. Промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Н. Новгород: Нижегород. гос. технол. ун-т, 1997. 250 с.

Серебрянская Г.В. Промышленность и кадры Волго-Вятского региона Российской Федерации в конце 30-х – первой половине 40-х годов XX века. Н. Новгород: Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т, 2003. 473 с.

Соколов П.В. Война и людские ресурсы. М.: Воениздат, 1961. 188 с.

Сомов В.А. По законам военного времени. Очерки истории трудовой политики СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2001. 154 с.

Сомов В.А. Потому что была война... Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Н. Новгород: Изд-во Волго-Вят. академии гос. службы, 2008. 234 с.

Тельпуховский В.Б. Изменения в составе промышленных рабочих СССР в период Великой Отечественной войны // Вопр. истории. 1960. № 6. С. 27–42.

Тельпуховский В.Б. Обеспечение промышленности рабочими кадрами в первый период Великой Отечественной войны // Вопр. истории. 1968. № 11. С. 24–44.

Уваров С.Н. Трудовые повинности крестьян Удмуртии в годы Великой Отечественной войны // Вестн. Удмурт. ун-та. 2015. Т. 25, № 1. С. 64–74.

Хисамутдинова Р.Р. Государственные трудовые повинности советского крестьянства в 40-е – начале 50-х годов XX века (на материалах Урала) // Вестн. Оренбург. гос. пед. ун-та. 2013. № 2. С. 131–143.

Чернышева Н.В. Мобилизация молодежи Кировской области в систему трудовых резервов (1941–1945 гг.) // История: факты и символы. 2018. № 3. С. 151–159.

#### REFERENCES

- Beznin M.A., Dimoni T.M., Izumova L.V. (2001). Duties of the Russian peasantry in the 1930s–60s. Vologda, Vologdskiy NKTS TsEMI RAN, 141 p. (In Russ.)
- Chernysheva N.V. (2018). Mobilization of the youth in the Kirov region in the system of labor reserves (1941–1945). *Istoriya: fakty i simvolyy*. No. 3, pp. 151–159. (In Russ.)
- Isupov V.A. (2015). Social displacements in Siberia during the Second World War: dynamics and scales. Novosibirsk, Parallel, 278 p. (In Russ.)

- Kabirova A.Sh., Khanipova I.I.* (2019). Labor mobilization in the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic in the 1930s–40s. *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina*. No. 1, pp. 30–43. (In Russ.)
- Khisamutdinova R.R.* (2013). State labor duties of the Soviet peasantry in the 1940s – early 50s (on the Urals materials). *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 2, pp. 131–143. (In Russ.)
- Knyshesky P.N.* (1994). State Defense Committee: methods of mobilization of labor resources. *Voprosy istorii*. No. 2, pp. 53–65. (In Russ.)
- Kornishina G.A.* (2011). The system of training workers in Mordovia during the Great Patriotic War. *Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoy nauki i obrazovaniya*. No. 2, pp. 40–44. (In Russ.)
- Kotlyar E.S.* (1975). State labor reserves of the USSR during the Great Patriotic War. Moscow, Vysshaya Shkola, 240 p. (In Russ.)
- Mitrofanova A.V.* (1984). The working class of the USSR. History of the Soviet working class. Moscow, Nauka, vol. 3, 591 p. (In Russ.)
- Yurchenkov V.A.* (ed.) (2005). Mordovia XX century. Saransk. Izd-vo NII gumanitar. nauk pri Pravitelstve Respubliki Mordoviya, vol. 1, 401 p. (In Russ.)
- Perchikov Yu.A.* (1992). Councils of the Volga-Vyatka Region of the RSFSR. 1941–1945. Saratov. Izd-vo Saratov. un-ta, 145 p. (In Russ.)
- Plotnikova E.V.* (2016). Training and education of students of factory schools in Chuvashia during the Great Patriotic War. *XX vek v istorii Rossii. Grazhdanstvennost' i patriotizm naroda v gody velikikh potryasenyi i mirnogo stroitel'stva*. Cheboksary, pp. 165–170. (In Russ.)
- Polyakov A.I.* (2016). The role of the system of state labor reserves in solving personnel problems during the Great Patriotic War (based on Gorky Region materials). *KLIO*. No. 9, pp. 135–138. (In Russ.)
- Serebryanskaya G.V.* (1997). Volga-Vyatka arsenal. Industry before and during the Great Patriotic War. Nizhniy Novgorod, NGTU, 250 p. (In Russ.)
- Serebryanskaya G.V.* (2003). Industry and personnel of Volga-Vyatka Region of the Russian Federation in the late 1930s – early 40s. Nizhniy Novgorod. Nizhegorod. Gos. arkhitektur.-stroit. un-t, 473 p. (In Russ.)
- Sokolov P.V.* (1961). War and human resources. Moscow, Voenizdat, 188 p. (In Russ.)
- Somov V.A.* (2001). According to the laws of war. Essays on the history of the USSR labor policy during the Great Patriotic War (1941–1945). Nizhniy Novgorod. Izd-vo Nizhegotod. gos. un-ta, 154 p. (In Russ.)
- Somov V.A.* (2008). Because there was a war... Non-economic factors of labor motivation during the Great Patriotic War (1941–1945). Nizhniy Novgorod. Izd-vo Volgo-Vyat. Akademii gos. sluzhby, 234 p. (In Russ.)
- Tel'pukhovskiy V.B.* (1960). Changes in the composition of the USSR industrial workers during the Great Patriotic War. *Voprosy istorii*. No. 6, pp. 27–42. (In Russ.)
- Tel'pukhovskiy V.B.* (1968). Providing industry with workers in the first period of the Great Patriotic War. *Voprosy istorii*. No. 11, pp. 24–44. (In Russ.)
- Uvarov S.N.* (2015). Labor duties of peasants of Udmurtia during the Great Patriotic War. *Vestnik Udmurtskogo universiteta*. No. 1, vol. 25, pp. 64–74. (In Russ.)
- Vasenin D.V.* (2014). Industry and workers of Mari ASSR during the Great Patriotic War (1941–1945). Yoshkar-Ola, Povolzhsky gos. tekhnologich. un-t, 204 p. (In Russ.)
- Zemskov V.N.* (2014). Organization of labor force and toughening of labor legislation during the Great Patriotic War. *Mezhdunarodnye otnosheniya*. No. 1, pp. 104–114. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.08.2022

Дата рецензирования 20.10.2022

Статья принята к публикации 03.11.2022

DOI: 10.15372/HSS20220404

УДК 94(47)“1940/1945”

С.В. ШАРАПОВ

**ВЛАСТЬ И ПОДВЛАСТНЫЕ:  
МЕТОДЫ КОМАНДНО-АДМИНИСТРАТИВНОГО ДАВЛЕНИЯ  
НА КОЛХОЗЫ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ  
(ПО МАТЕРИАЛАМ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Институт истории СО РАН,  
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье показано, что особенности командно-административного режима управления колхозной деревней в годы Великой Отечественной войны определялись многими факторами. Во-первых, спецификой отношения большевистского режима к колхозному крестьянству, которое основывалось на недоверии и убежденности в необходимости оказания постоянного политического давления на крестьянство. Во-вторых, особенностями самого колхозного производства, которое слабо поддавалось тотальному контролю и регламентации. В-третьих, спецификой военного времени, требовавшего тотального подчинения экономики военно-политическим задачам. Командно-административные методы оказались весьма эффективными для удержания трудовой и налоговой дисциплины в колхозах. Их применение позволило не допустить дезинтеграции колхозного производства. В то же время они отрицательно сказывались на продуктивности сельскохозяйственно-го производства.

*Ключевые слова:* аграрная политика государства, командно-административный режим управления, колхозы, крестьянство, Великая Отечественная война.

*Для цитирования:* Шарапов С.В. Власть и подвластные: методы командно-административного давления на колхозы в годы Великой Отечественной войны (по материалам Новосибирской области) // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 4. С. 35–44. DOI: 10.15372/HSS20220404.

S.V. SHARAPOV

**THE POWER AND SUBORDINATES:  
METHODS OF COMMAND AND ADMINISTRATIVE PRESSURE  
ON COLLECTIVE FARMS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR  
(ON THE NOVOSIBIRSK REGION MATERIALS)**

Institute of History SB RAS,  
8, Nikolaev str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Multiple factors determined qualitative features of command-administrative regime of managing collective farm production during the Great Patriotic War. The first was the specifics of Bolshevik's attitude towards collective farm peasantry based on distrust and conviction in the need to exert constant political pressure on peasantry. The second was peculiarities of collective farm production itself as it was low amenable to total control and regulation. The third was specifics of wartime that required subordination of the economy to military-political tasks. Command-administrative approaches proved to be very effective in maintaining labor and tax discipline in collective farms. Their use made it possible to prevent disintegration of collective farm production. At the same time they negatively affected productivity of agricultural production.

At the same time, the Centre directives could meet opposition both of collective farms, and district authorities, which was related to the dual responsibility of the latter, not only as executors of decisions made by higher authorities, but as managers responsible for social and economic situation in the region as a whole. It prompted district leaders searching for ways to reduce destructive effect of the state policy of draining resources from countryside. The state viewed it as sabotage. The Central power insisted on the strictest discipline of the entire lower power vertical. The Regionals had almost to abandon the trusteeship role in relation to agriculture in the territories entrusted to them.

*Key words:* state agrarian policy, command-administrative regime of management, collective farms, peasantry, Great Patriotic War.

**Сергей Валерьевич Шарапов** – канд. ист. наук, научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: sharapovsv1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3526-8088>.

**Sergey V. Sharapov** – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Institute of History SB RAS.

## ВВЕДЕНИЕ

Проблемой взаимодействия власти и колхозов в годы Великой Отечественной войны интересуются многие историки. Так, еще советские исследователи, констатируя трудовой подъем, охвативший крестьянство перед лицом столь опасной угрозы, отмечали при этом негативную сторону «формально-бюрократических» методов в практике взаимодействия государства и колхозов [Арутюнян, 1970, с. 91, 136]. После распада СССР расширение пространства свободного научного поиска позволило историкам открыто говорить о доминировании командно-административного подхода к регулированию колхозного производства в годы войны [Анисков, 1993, с. 197–198; Вылцан, 1995, с. 3; Кондрашин, 2005, с. 290]. Методы и практики директивного управления изучались как на общесоюзном, так и на региональном уровнях. Наиболее подробно тема освещена в работах уральских историков [Корнилов, 1990; Мотревич, 2021], раскрывших функционирование вертикали власти от ее центрального уровня до регионального, районного и колхозного.

Малоизученным остается вопрос, на каком из уровней цепи административного давления принимаемые директивы могли встретить противодействие и какие формы это противодействие принимало? Чтобы ответить на него, следует сосредоточить внимание на отдельно взятом регионе, на его взаимодействии с центральными органами власти. Нами избрана Новосибирская область как крупный тыловой регион, являвшийся центром сельскохозяйственного производства и в полной мере ощутивший на себе всю тяжесть командно-административного давления военных лет.

## ЦЕНТРАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Созданная в 1930-е гг. колхозная система занимала особое место в сталинской экономической модели. В одном из своих ключевых политэкономических сочинений И.В. Сталин писал о сосуществовании в СССР двух основных форм социалистического производства: «государственной – общенародной и колхозной, которую нельзя назвать общенародной» [1952, с. 16]. Специфика колхозной формы, по его оценке, заключалась в том, что хотя средства производства и принадлежали государству, произведенная продукция являлась собственностью самих артелей [Сталин, 1952, с. 16]. В действительности собственностью колхозов была только сравнительно малая часть продукции, которая оставалась артелям на выполнение внутриколхозных фондов и распределение на трудодни. Однако в глазах «вождей» колхозный строй, безусловно, нес на себе «родимое пятно» враждебного капиталистического уклада. С его точки зрения, колхозы, которые не принимали никаких

иных форм экономических связей с городом, кроме товарных, являлись главной причиной сохранения товарно-денежных отношений в советском государстве [Сталин, 1952, с. 16–17].

Колхозы и примыкавший к ним сектор ЛПХ действительно оставляли простор для распространения тенденций, которые, согласно советскому официозу, маркировались как «частнособственнические», «мелкобуржуазные», «рваческие», «антигосударственные» или «местнические». Речь здесь идет о реализации специальной формы частного интереса. Именно специальной, поскольку и социалистическая теория в конечном счете возводила всестороннюю реализацию личного интереса в ранг высокой цели. Однако для социалиста этот интерес мог быть обеспечен только посредством общественной организации труда, производства и, в конечном счете, распределения продукции. Антитезой выступала форма личного интереса, которая может быть обозначена как «эгоистичная» (без негативных коннотаций, учитывая, что в антиномичной либеральной теории именно она являлась фундаментом для товарного изобилия (достаточно вспомнить теорию «разумного эгоизма» А. Смита)).

Специфика колхозной и, шире, сельской жизни, которая слабо поддавалась тотальному контролю, внедрению «тейлоровских» методов организации труда, порождала многочисленные практики уклонения от навязываемых правил трудового и экономического поведения (хищения колхозной собственности, саботаж выполнения плановых заданий, отказ от работы, пассивное сопротивление попыткам административного нажима и др.). Экономическое положение колхозов было настолько слабым, что доходы крестьян от артельных работ не могли покрыть минимальный набор их потребностей. В этой связи значительная доля трудовой активности переносилась на ЛПХ. Закономерно, что с точки зрения власти, «увлеченность» колхозников личными хозяйствами воспринималась как фактор, отвлекавший от участия в колхозном производстве.

Государство относилось явно с недоверием к колхозному крестьянству, что служило оправданием применению широкого спектра методов принуждения и насилия. Это недоверие происходило из убеждения власти в том, что колхозная система оставалась плохо пригнанной «шестеренкой» в народнохозяйственном механизме. Требовалось изрядное напряжение политической воли и постоянно оказываемое давление на колхозную деревню для того, чтобы вправлять несущий печать «инородности» элемент в структуру социалистического хозяйства.

И.А. Бенедиктов, бывший с 1938 по 1943 г. наркомом земледелия СССР, в интервью историку Г.А. Куманеву отмечал, что оценка И.В. Сталиным

колхозной жизни «далеко не всегда отражала действительное положение» [Куманев, 2005, с. 384]. Бенедиктов косвенно упоминал о недоверии Сталина по отношению к крестьянству: «... Он считал, что лучше урожайность зависить, чем занизить. Сталин был убежден, раз данные об этом дают крестьяне, то урожайность свою они явно занижают, не считаясь ни с какими фактами. Выражая свое недовольство, он говорил: “Урожайность ваша никуда не годна”. И требовал данные об урожайности исправить. В результате они подправлялись под его субъективную точку зрения» [Там же, с. 386].

Выживание в условиях войны потребовало от экономики максимального напряжения. Новая волна политического прессинга в отношении крестьянства основывалась на уже апробированных методах вплоть до воссоздания системы политотделов в МТС и совхозах. Военный период привнес удивительно мало новаций в отношениях между властью и колхозным крестьянством. В современных исследованиях подчеркивается предельная степень централизации управления сельским хозяйством. Определяющую роль играли постановления ЦК ВКП(б), СНК СССР и ГКО [Корнилов, 1990, с. 59; Мотревич, 2021, с. 196]. Централизация управления в свою очередь усиливала значение и влияние местных партийных и советских органов как проводников и организаторов исполнения принимаемых директив. Система государственного планирования была перегружена обилием показателей, обязательных для выполнения. Производственные и заготовительные планы слабо соотносились с имевшимися в артелях ресурсами [Мотревич, 2021, с. 205–206].

Реформированная в 1940 г. система государственных заготовок сельскохозяйственной продукции фактически устранила экономические механизмы во взаимоотношениях государства и колхозов. Она основывалась на так называемом погектарном принципе, когда объемы обязательных поставок основных продуктов земледелия и животноводства (зерна, мяса, молока, шерсти и др.) зависели не от производственных показателей (посевных площадей или поголовья стада), а от размеров закрепленных за колхозами угодий (пашни, планируемых к освоению земель, огородов, а в случае животноводства – дополнительно пастбищ и лугов) [Ильиных, 2004, с. 130]. Для многоземельных регионов, в частности Новосибирской области, это означало установление заведомо невыполнимых, оторванных от экономической реальности планов, которые устранили пределы изъятия продукции. Заготовки в полной мере получили характер политических компаний, когда остаток произведенной продукции в колхозах зависел от воли местного партийного и государственного руководства. Во время заседания бюро Новосибирского обкома

1 июля 1942 г. первый секретарь М.В. Кулагин признавал, что «вся система заготовок у нас в области базируется на штурмовщине и лежит только на плечах партийных и советских организаций»<sup>1</sup>.

В такой ситуации региональная власть должна была самостоятельно отыскивать допустимый баланс между выполнением государственных заготовительных заданий и обеспечением колхозов необходимыми ресурсами для нового производственного цикла. Так, в 1940 г. за допущенный кризис в сельском хозяйстве Новосибирской области по причине засухи и чрезмерного изъятия зерна во время хлебозаготовок был лишен поста первого секретаря обкома Г.Н. Пуговкин.

В 1942 г. ситуация в сельском хозяйстве Западной Сибири была исключительно напряженной. На фоне решающих сражений за Сталинград регионы проваливали хлебозаготовительную кампанию (главным образом вследствие чрезвычайно низких валовых сборов зерна). На 15 ноября 1942 г. план по Новосибирской области был выполнен только на 38,5 % [Шарапов, 2021, с. 61]. В декабре 1942 г. регионы Западной Сибири посетил секретарь и заведующий сельхозотделом ЦК ВКП(б) А.А. Андреев с целью «встряхнуть» местные партийные и советские организации. В Алтайском крае, Новосибирской и Омской областях он выступил на собраниях с участием местных управленцев регионального и районного уровней.

Произнесенные речи были составлены по единому шаблону, различаясь лишь в частности. Задача Андреева заключалась в том, чтобы наметить для местных управленцев угодную центральной власти линию политического поведения в отношении сельхозпроизводителей. Перед руководящим составом Новосибирской области было выдвинуто жесткое обвинение: «Вы пренебрегли интересами государства <...> Судя по ходу хлебозаготовок, вы перестали быть представителями государства и партии, а превратились в защитников частных интересов колхозов и рваческих совхозов. Это вам неприятно слышать, но это так»<sup>2</sup>. Андреев объяснил допущенную руководством «ошибку»: «Нельзя забывать о грани между своими особыми интересами мест и общими интересами государства, интересами народа в целом. Для большевика интересы государства должны быть выше, чем интересы отдельных колхозов, совхозов, районов, предприятий. При нормальных условиях частные интересы не противоречат интересам государства. Когда во главе колхозов стоят воспитанные руководители, тогда интересы колхоза и интересы го-

<sup>1</sup> Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П-4. Оп. 33. Д. 617. Л. 79.

<sup>2</sup> Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 73. Оп. 2. Д. 21. Л. 144.

сударства согласуются и не противоречат. Другое дело, когда во главе колхозов оказываются рвачи, тогда частные интересы начинают выпирать и преобладать над интересами государства»<sup>3</sup>.

Мы уже писали о свойственном советской власти различении общественных и частных/«эгоистичных» интересов, проявившемся в высказывании Андреева со всей полнотой. Частные интересы колхозов, по мнению Андреева, заключались в следующем: «Побольше засыпать семян, запастись хлеба на всякий случай, чтобы получше выглядеть перед колхозниками и дать побольше на трудовни, запастись побольше хлеба, а потом продавать и обдирать рабочих»<sup>4</sup>. Андреев описал и тактические приемы «рвачей»: «Такие председатели колхозов обкладываются данными о фактическом намолоте и стремятся обмануть государство и на эту удочку попадают наивные руководители; задерживают обмолот хлебов: «необмолоченный хлеб – это хлеб мой»; пускают часть хлеба в отходы»<sup>5</sup>.

Андреев был убежден (или делал вид, что убежден) в том, что Новосибирская область обладает достаточным количеством зерна, чтобы полностью выполнить хлебозаготовительный план. Эта уверенность, однако, основывалась на откровенной манипуляции статистическими данными. Он предлагал местным властям ориентироваться на официальные данные ЦСУ о биологической урожайности зерновых. Биологическая урожайность измерялась на корню, при этом не учитывала потерь зерна во время уборки, обмолота и транспортировки. Исчисленный на ее основе «биологический» валовый сбор значительно превосходил реальные размеры собранного урожая [Ильиных, 2022]. Андреев же сравнивал показатели «биологических» валовых сборов с количеством сданного государству хлеба и делал вывод, что зерно в хозяйствах имеется, вот только сами колхозы не желают его сдавать, а местным властям не достает воли его забрать<sup>6</sup>.

#### РЕГИОНАЛЬНАЯ И РАЙОННАЯ ВЛАСТЬ

Региональные власти получили от центральной власти недвусмысленный сигнал о том, какую линию руководства надлежало принять. Эта линия предполагала практически полный отказ от попечительской роли в отношении сельского хозяйства на вверенной территории. Даже «излишняя» забота о заполнении семенных фондов маркировалась как «местнический» подход к управлению. При этом положение продолжало оставаться шатким: если при выполнении

плана хлебозаготовок будет сорвана следующая посевная кампания, именно региональная власть понесет ответственность. Поэтому областные руководящие органы ежегодно должны были решать сложную задачу: как при массивном политическом нажиме не допустить дезинтеграции колхозного производства.

Обком и облисполком видели решение в установлении строжайшей дисциплины для всей нижестоящей вертикали управления. Централизация управления на региональном уровне приводила к тому, что обком и облисполком вынуждены были заниматься регулированием и регламентацией всех, вплоть до мельчайших, сторон аграрного производства. Постановления региональных органов власти были настолько детализированы, что касались даже вопросов обеспечения брюками женщин-трактористок<sup>7</sup>. При этом далеко не все решения областного центра исполнялись на местах (главным образом из-за нехватки ресурсов).

Весьма показательными были кампании межрайонной семенной взаимопомощи. Районы, не испытывавшие недостатка в семенах, в соответствии с развернутым 2 февраля 1942 г. планом должны были передать излишки на пункты Заготзерно для дальнейшего распределения. При этом областное руководство закрывало глаза на неизбежный негативный эффект командно-административного подхода к решению семенной проблемы. Было очевидно, что принудительное перераспределение семенного материала снизит заинтересованность наиболее производительных колхозов в увеличении продукции (зачем производить больше, если излишки все равно будут изъяты в помощь менее успешным соседям?). Более того, обком прямо ориентировал районы на то, что семена для взаимопомощи следует изыскивать любыми способами, в том числе «запуская руку» в продовольственные и фуражные фонды артелей, сокращая нормы высева и т.д.

Вполне предсказуемо кампания семенной взаимопомощи наталкивалась на нежелание районов (в большинстве случаев вызванное отсутствием излишков) оказывать помощь соседям. Во время заседания бюро обкома 10 марта 1942 г. первый секретарь М.В. Кулагин с тревогой сообщал о том, что в районах «чувствуется определенное сопротивление, чувствуется нежелание районных работников несколько побеспокоить себя дополнительными трудностями»<sup>8</sup>. Чтобы сломить сопротивление районов, нередко отдавали под суд отдельных руководителей, срывавших поставки семян с целью взаимопомощи<sup>9</sup>.

<sup>3</sup> РГАСПИ. Ф. 73. Оп. 2. Л. 144–145.

<sup>4</sup> Там же. Л. 145.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Там же. Л. 142.

<sup>7</sup> ГАНО. Ф. П-4 Оп. 33. Д. 601. Л. 18.

<sup>8</sup> Там же. Д. 565. Л. 167.

<sup>9</sup> Там же. Д. 572. Л. 73.

Одним из аспектов командно-административного режима управления было использование методов принуждения к артельному труду. На общесоюзном уровне данная тенденция отразилась в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) о повышении обязательного минимума трудодней<sup>10</sup>. На уровне регионов это проявилось в усилении власти партийных органов над артелями. Во время одного из совещаний с представителями районных властей 30 июня 1941 г. секретарь Новосибирского обкома В.И. Бабич настаивал местных руководителей на то, что «нужно требовать и осуществлять свою власть в районе диктаторски»<sup>11</sup>. О расширении методов прямого принуждения к труду говорил в ходе обсуждения проблем уборочной кампании 1942 г. и М.В. Кулагин «Надо резко изменить отношение партийных организаций к вопросу участия колхозников и колхозниц на работе; надо покончить с этой слюнтявой линией уговаривания. Колхозники и колхозницы должны работать на своем участке не покладая рук. Если комбайны не работают, пусть колхозники выходят со своей семьей, работают день и ночь, но хлеб должен быть убран»<sup>12</sup>.

В наиболее острые периоды хлебозаготовительных кампаний, когда для поддержания и усиления темпов хлебосдачи требовалась мобилизация всего партийного актива, обком, однако, продолжал с подозрением относиться к районным руководителям, подверженным «антигосударственным» тенденциям. Конечно же, наиболее явное противодействие хлебозаготовкам оказывали председатели колхозов. Об этом вполне откровенно говорилось на заседаниях бюро обкома. Так, 26 декабря 1942 г. во время обсуждения отчетов уполномоченных обкома, направленных в районы для усиления темпов хлебозаготовок, участники заседания прямо указывали на противодействие со стороны председателей колхозов. Их сопротивление было очевидно для первого секретаря обкома М.В. Кулагина: «Конечно, в сложившейся обстановке во многих случаях председатель колхоза является центральной фигурой, которая задерживает сдачу хлеба государству, это совершенно ясно»<sup>13</sup>. Данное мнение разделяли и другие участники заседания<sup>14</sup>.

Однако, как выяснилось, председатели и члены колхозов не были одиноки в своих «антигосударственных» настроениях. Получалось, что обкому противостоял в деревне достаточно широкий «фронт» сопротивления хлебозаготовкам. Секретарь обкома

по кадрам Ф.М. Прасс утверждал, что поддержку «саботажникам» оказывали агрономы: «Какую линию заняли агрономы (где бы они не работали)? Агрономы сейчас, кто активно, кто пассивно против нас. Фактически агрономы, хотя может быть и из-за хороших побуждений, а кто и из-за плохих побуждений, но тормозят дело с хлебосдачей. Основная масса агрономов старается сейчас уйти в сторону от хлебосдачи, вредят нам и организуют председателей колхозов и руководителей колхозов против нас»<sup>15</sup>. Вместе с агрономами политическую неблагонадежность проявляли райкомы и райисполкомы: «Некоторые районные руководители до сих пор проявляют колебания и вместо тревоги и чувства ответственности некоторые из них проявляют чувство неуверенности и паники»<sup>16</sup>. Причинами неуверенности и паники в большинстве случаев была обеспокоенность перспективами грядущей посевной кампании, за которую как районные руководители, так и агрономы несли ответственность, ведь продолжение хлебозаготовительной кампании затрагивало и семенные фонды колхозов<sup>17</sup>.

На фоне столь очевидного противодействия наиболее надежным инструментом выполнения государственных заданий для обкома была практика отправки на места временных уполномоченных. Данный способ оказания административного давления на деревню в ходе проведения наиболее напряженных и значимых для властей кампаний (посевных, уборочных, заготовительных и др.) не был новацией военного времени. Он широко применялся и в 1930-е гг. Однако в военное время эта практика приобрела особый размах. Как правило, в качестве уполномоченных на места отправлялся практически весь областной руководящий состав (секретари, заведующие отделами, инструкторы обкома, ответственные работники облисполкома, представители других областных организаций). Помимо областных уполномоченных, мобилизации подлежал районный партийный актив, райкомы и горкомы отправляли в колхозы своих представителей. Формировались целые бригады уполномоченных, областных и районных, в некоторых случаях их сопровождали работники прокуратуры, милиции и НКВД, которых посылали с целью проведения репрессивных акций.

Вполне объяснимо, почему практика рассылки уполномоченных оказалась столь востребованной. Дело в том, что уполномоченный имел широкие административные полномочия и предельно узкий горизонт ответственности. Так, областной работник, временно направлявшийся в район с целью обеспе-

<sup>10</sup> Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 1. Д.199. Л. 354–357.

<sup>11</sup> ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 342. Л. 104.

<sup>12</sup> Там же. Оп. 33. Д. 637. Л. 176.

<sup>13</sup> Там же. Д. 655. Л. 122об.–123.

<sup>14</sup> Там же. Л. 118об.

<sup>15</sup> Там же. Л. 110об.

<sup>16</sup> Там же.

<sup>17</sup> Там же. Л. 108.

чить выполнение государственных посевных заданий, совершенно не нес ответственности за конечную урожайность. Поэтому, закрывая глаза на качество семенного материала, качество подготовки почвы, нарушения элементарных правил агротехники, он при достаточном жестком нажиме на колхозы мог добиться количественного выполнения плана посевов, которым областные власти в первую очередь и отчитывались перед центральными. То же самое и в ходе хлебозаготовительных кампаний: присланного из областного центра уполномоченного мало заботила обеспеченность колхозов семенным материалом, фуражом для скота, зерном для раздачи на трудодни. Он выполнял данную обкомом установку «перейти от агитационного подхода в деле хлебозаготовок, увещеваний, уговариваний, к тому, чтобы сейчас брать и вывозить хлеб, подлежащий сдаче государству»<sup>18</sup>. Уполномоченным была дана санкция осматривать поля, амбары и отходы на предмет выявления сокрытого колхозниками зерна.

В глазах партийно-государственной верхушки деятельность уполномоченных являлась даже более эффективной формой взаимодействия с колхозами, нежели работа постоянных органов управления, райкомов, райисполкомов и райземотделов, которые несли ответственность за весь цикл сельскохозяйственных работ и за состояние вверенного им района в целом. Именно широкий горизонт ответственности толкал районное руководство к практикам, которые позволяли избежать деструктивных последствий проводимых государством кампаний и которые маркировались вышестоящими органами власти как «местнические». Одну из таких практик разоблачал М.В. Кулагин на заседании бюро обкома 22 октября 1943 г.: «У нас есть некоторые секретари райкомов партии, которые говорят: для того, чтобы нас не ругали весной, чтобы мы были весной опять передовиками, мы не будем сейчас сдавать хлеб, у нас и фураж будет, и семена будут и взаимобразно хлеб можем взять, пусть нас сейчас ругают, зато весной мы будем передовыми. Есть у нас такие секретари райкомов партии, так называемые “передовики”»<sup>19</sup>.

Высказывание Кулагина красноречиво характеризует мобилизационный режим, господствующий во взаимоотношениях между властью и деревней: «диктатура» выполнения государственных заданий и планов подменяла собой управление, с присущей ему заботой о продуктивном использовании наличных ресурсов (даже обеспокоенность по поводу семенных и фуражных фондов становилась предметом критики). В таких условиях колхозы, разумеется, не могли быть самостоятельно хозяйствующими субъектами,

но становились в полном смысле объектами властного воздействия. Власть над колхозами была достаточно сильна, чтобы не допустить дезинтеграции сельскохозяйственного производства, однако порождаемые командно-административным режимом управления эффекты негативно влияли на продуктивность сельского хозяйства.

Негативные последствия имела и деятельность уполномоченных. На это указывалось в записке директора Томской зональной льняной опытной станции В.А. Стенина, направленной в январе 1944 г. на имя М.В. Кулагина, в которой специалист-агроном предлагал собственное видение «причин катастрофического снижения урожая в Сибири» в годы войны. Деятельность уполномоченных была одним из предметов его критики: «Вместо укрепления роли и авторитета земельных органов, МТС, агрономов и руководителей колхозов, у нас до сих пор существует негодная, вредная практика руководства колхозов через институт уполномоченных. Крайне необходима посылка в колхозы уполномоченных для массовой работы, но посылка гастролеров-администраторов с длинным мандатом и суровым заданием “посеять”, “убрать” исключительно вредна»<sup>20</sup>. По мнению Стенина, основным управленческим изъяном, вредившим производству, было возведение в абсолют количественных показателей выполнения планов в ущерб качеству производства. Практика управления колхозами через уполномоченных как раз соответствовала такому стилю работы: «Для сводки уполномоченный в колхозе «Ударник» Томского района в 1943 г., как и сотни других в других колхозах и районах – заставил пахать ближайшие к деревне, более сухие поля, но совершенно непригодные по засоренности для посева яровых. Подождать несколько дней и перебросить тракторы за 4–6 км на более пригодные для посева пшеницы участки было нельзя. Сводки задержатся»<sup>21</sup>.

Деятельность уполномоченных позволяла создать мобилизационное напряжение в ходе проведения хозяйственно-политических кампаний, однако лишь на ограниченный промежуток времени. В ситуации противодействия председателей колхозов выполнению государственных хлебозаготовительных планов даже мобилизация всего партийного актива давала лишь частичные результаты. На это обращал внимание Кулагин на заседании комиссии обкома по хлебозаготовкам с участием представителей районных властей 15 ноября 1944 г.: «Сейчас районные руководители, районные работники, райкомы, райисполкомы, райуполнаркомзаги поставили себя в ложное положение по отношению к председателям колхозов. Председатель колхоза превратился в фигу-

<sup>18</sup> ГАНУ. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 655. Л. 5–6.

<sup>19</sup> Там же. Д. 721. Л. 101об.

<sup>20</sup> Там же. Оп. 9. Д. 204. Л. 182об.

<sup>21</sup> Там же. Л. 182.



ру наблюдателя, что в районе произойдет. Приедет ко мне уполномоченный, будет по полям ходить, солому проверять, отходы проверять, амбары, проверять записи учетные, отчетность будет проверять. Если этот уполномоченный умный, найдет махинации, если прижмет к стене, я сдам государству. Если приедет уполномоченный, который не хочет разбираться, такому уполномоченному пожмем руку и скажем – у нас хлеба больше нет, мы рассчитались с государством <...> Теперь получается так, что председатель колхоза спит, колхозники спят спокойно, а районный работник мечется. В результате получается, что борьба за выполнение плана хлебосдачи стала делом небольшой группы людей, а все остальные сейчас пришли в состояние полнейшего равнодушия и безразличия к провалу, не чувствуют никакой ответственности, никакой тревоги»<sup>22</sup>.

#### ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ И НКВД

М.В. Кулагин явно преувеличивал, говоря о безмятежном «сне» председателей колхозов и колхозников. Командно-административный нажим сопровождался репрессивными акциями. Причем с точки зрения обкома, районные органы прокуратуры и НКВД проявляли нерасторопность в применении карательных мер по отношению в «саботажникам» и «расхитителям».

Во время хлебозаготовительной кампании Кулагин, выступая 25 ноября 1942 г. на заседании бюро обкома с докладом о принятии мер по усилению темпов сдачи зерна, указывал, что в ряде районов «райпрокуратура, народные суды, районные отделы НКВД, огородившись уголовно-процессуальными нормами и циркулярами, ссылками на отсутствие санкций, оказались не на высоте своего положения, неповоротливыми, неоперативными; их практическая работа не содействует усилению темпов хлебозаготовок»<sup>23</sup>. Позднее на заседании бюро обкома 3 января 1943 г. в очередной раз были вызваны представители районных властей, включая райпрокуроров и начальников районных управлений НКВД. Перед собравшимися выступили облпрокурор К.Я. Румянцев и заместитель начальника управления НКВД по Новосибирской области Воронцов. Обращаясь к районным работникам прокуратуры и НКВД, Румянцев предупреждал об ошибках: «В течение нескольких предшествовавших месяцев в ряде мест возникал вопрос, что, мол, сидели и ждали санкции из вышестоящих организаций. Время шло. Это возводило в степень и прокуроры, и начальники НКВД, а иногда и секретари райкомов считали необходимым

воздействовать на областную прокуратуру, чтобы поворачивалась побыстрее. А на самом деле они стремились отвести от себя удар за хлеб, за то, что срывают план хлебозаготовок <...> Если вы доподлинного преступника выявите, если этого преступника нужно репрессировать, принимайте решение смело. Но надо помнить, что репрессия – это не основная мера, а вспомогательная. Я хочу подчеркнуть: нам нужен хлеб, и вы должны принимать все меры, чтобы хлеб был собран. Для этого вы должны принимать все меры. Не нужно бояться, что вы нарушили указания областной прокуратуры или управления НКВД»<sup>24</sup>.

Воронцов же подчеркнул, что в текущей обстановке для работников НКВД участие в «борьбе за хлеб» является основной и единственной задачей: «До сего дня начальники районных отделений НКВД не понимают, что это их основная святая обязанность, что другой оперативной работы не может быть. Срыв хлебосдачи, невыполнение сдачи хлеба государству является самым тяжким преступлением перед родиной. Так что не может быть никаких разговоров о том, что заняты другой оперативной работой. Основная оперативная работа у нас – пресечь саботаж в самых разнообразных формах»<sup>25</sup>. Отметим основное требование, предъявляемое к работникам прокуратуры и НКВД: репрессивные акции должны были стать частью политической кампании по изъятию зерна из деревни, а значит, аресты и представления к суду не должны откладываться до соблюдения всей уголовно-процессуальной нормы, иначе их дисциплинирующий и устрашающий эффект, необходимый здесь и сейчас, будет утрачен.

К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении данные о количестве арестованных и осужденных за различные преступления в сельском хозяйстве весьма отрывочны. С августа по ноябрь 1942 г. за «антисоветскую» деятельность на селе было арестовано 319 чел., а за уголовные преступления (срыв сельскохозяйственных работ, растратничество, хищение, умышленные потери и порча зерна, порча и поломка сельскохозяйственных машин, варварское отношение к живой тягловой силе) – 1362 чел.<sup>26</sup>. С 17 июля по 25 ноября 1943 г. только в рамках борьбы с «саботажем» хлебопоставок судами было рассмотрено 1223 дела, по которым было осуждено 1687 чел. (подавляющее большинство из них – 1486 чел. осуждены за хищения зерна). За тот же период к уголовной ответственности было привлечено 24 руководящих районных работника (осуждено – 14). Из них трое секретарей райкомов, двое председа-

<sup>22</sup> ГАНО. Ф. П-4. Оп. 5. Д. 208. Л. 185.

<sup>23</sup> Там же. Оп. 33. Д. 653. Л. 6.

<sup>24</sup> Там же. Д. 678. Л. 48об.–49.

<sup>25</sup> Там же. Л. 50.

<sup>26</sup> Там же. Оп. 6. Д. 235. Л. 344 – 357об.

телей райисполкомов, четверо директоров МТС. Из председателей колхозов было привлечено к уголовной ответственности 127 чел., а других руководящих колхозных работников – 115 чел. Из них осуждены 183 чел.<sup>27</sup>

Помимо привлечения к судебной ответственности в отношении районных руководящих работников практиковались и иные, более мягкие формы наказаний. Частой была практика вызова представителей районных властей на заседания бюро обкома, где в обвинительном тоне происходило обсуждение положения дел на местах. Такого рода «вызовы на ковер» могли закончиться ультимативным требованием исправить ситуацию, смещением с должности, строгим выговором или лишением партбилета, а в крайнем случае – решением о привлечении к суду. Военное время сопровождалось чрезвычайно высокой текучестью управленческих кадров. С 1941 по 1944 г. ежегодно сменялось от 40 до 69 % первых секретарей райкомов, от 35 до 65 % председателей райисполкомов и от 21 до 43 % директоров МТС. Текучесть среди председателей колхозов также была велика. Только в 1944 г. из 2865 председателей колхозов сменилось 584, или 20,4 % [Сельское хозяйство..., 2012, с. 308–309].

#### ПОЛИТОТДЕЛЫ МТС

Осенью 1941 г. были вновь созданы политотделы МТС и совхозов. Их цели, как указывалось в соответствующем постановлении Политбюро ЦК ВКП(б), заключались в «повышении политической работы» и «внедрении дисциплины и порядка» в МТС, совхозах и колхозах<sup>28</sup>. Данная мера должна была хотя бы частично компенсировать существенное сокращение сети партийных ячеек и общее уменьшение количества коммунистов в сельской местности [Шевляков, 2000, с. 35]. Задачи политотделов формулировались весьма широко: от них требовалось активно участвовать в поддержании и укреплении трудовой дисциплины, вести агитационно-пропагандистскую работу с сельским населением; политотделы наряду с другими хозяйственными руководителями несли ответственность за выполнение хозяйствами основных производственных заданий и планов.

По мнению А.С. Шевлякова, государство пошло на создание политотделов в связи с предполагаемой угрозой роста «антисоветских» настроений и выступлений на фоне начавшейся войны. Поскольку тревога власти в скором времени рассеялась, чрезвычайные органы в деревне были ликвидированы уже в мае 1943 г. [Шевляков, 2000, с. 187–188]. При этом автор

отмечает в целом положительную роль политотделов в функционировании советского сельского хозяйства в условиях военного времени: «В результате деятельности чрезвычайных органов управления ВКП(б) удалось остановить опасный для нее процесс потери политического влияния среди крестьянства, стабилизировать состав сельских коммунистов, активизировать работу деревенских партийных и комсомольских организаций» [Там же, с. 190].

Не исключая положительной роли политотделов в поддержании политмассовой работы в деревни и укреплении роли партийного актива, отметим некоторые их слабости. Прежде всего, немногочисленный кадровый состав: в штат политотдела МТС входили всего 3 чел. – начальник политотдела, его заместитель по партийно-массовой работе и помощник по комсомолу [Там же, с. 47]. Трое работников, даже опираясь на созданный им партийный и комсомольский актив, не могли обеспечить должный охват политико-массовой работы. Обкому приходилось мобилизовать и временно направлять из городов в деревню тысячи агитаторов для того, чтобы добиться массированного характера агитационно-пропагандистской работы. Так, 20 июля 1942 г. обком обязал горкомы направить на период уборки урожая 3000 агитаторов в тракторные бригады<sup>29</sup>.

Другой слабостью созданных политотделов была их уязвимость перед «местническими» настроениями. Будучи ответственными за состояние МТС и колхозов, работники политотделов подпадали под влияние районных руководителей, директоров МТС, председателей колхозов. Политотделы 1941–1943 гг., в отличие от своих предшественников 1930-х гг., были лишены карательной функции: в штате отсутствовала должность заместителя начальника по НКВД.

Узкий штат, ограниченность влияния, широкий горизонт ответственности, недостаток компетенций у работников вряд ли способствовали тому, чтобы политотделы стали значимыми агентами мобилизационного нажима на МТС и колхозы. Как правило, в критике районов со стороны обкома политотделы указывались наряду (через запятую) с райкомами, райисполкомами и директорами МТС как виновники провала выполнения государственных планов. Например, при обсуждении на бюро обкома положения дел в Чебулинском районе 24 сентября 1942 г. секретарь обкома Ужев указывал, что «райком, райисполком и начальники политотделов руководствовались не указаниями обкома партии, а настроениями отсталой части колхозов и отдельных саботажников»<sup>30</sup>. На

<sup>27</sup> ГАНО. Оп. 34. Д. 176. Л. 339–340.

<sup>28</sup> КПСС в резолюциях и решениях... Т. 7. С. 260.

<sup>29</sup> ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 625. Л. 5–7.

<sup>30</sup> Там же. Д. 639. Л. 148.

заседании бюро обкома 25 ноября 1942 г., посвященном неудовлетворительному ходу хлебозаготовок в области, М.В. Кулагин рассуждал о «неудобном стиле руководства» со стороны руководящих районных работников, директоров МТС и начальников политотделов: «Многие из них не занимаются черновой работой по организации вывозки хлеба и обмолота, зачастую дают “установки” председателям советов, не желая себя утруждать проверкой действительного фактического положения в колхозах, верят на слово, верят справкам, а в связи с этим делают неправильные обобщения и дают неправильные указания»<sup>31</sup>.

#### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эффективность командно-административного нажима на деревню упиралась в способность представителей власти на различных уровнях иерархии обеспечить исполнение спускаемых директив. Как показало исследование, противодействие прямому их исполнению оказывали не только руководители колхозов, но и районные власти. Представляется очевидным, что по мере преобладания командно-административных методов воздействия над экономическими сопротивление со стороны производителей будет прямо пропорционально возрастать. Важно заметить, что интересы производителей не были чужды и работникам местной власти, которые одновременно должны были являться важным элементом системы командно-административного давления. Командный стиль властного воздействия слабо соотносился с континуальным характером производственного процесса, с присущей ему взаимозависимостью как отдельных видов работ, так и производственных циклов в целом. Государственные планы и задания плохо координировались друг с другом и слабо учитывали экономические возможности сельхозпроизводителей (весьма показательным здесь является отрыв заготовительных планов от основных экономических показателей). В то же время местные власти несли ответственность не только как проводники выполнения директив, но и как управленцы, ответственные за воспроизводимость производственных циклов. Такое совмещение разных форм ответственности приводило районных руководителей в состояние растерянности, а во многих случаях и к пассивному сопротивлению. Недостаточную активность районных властей приходилось восполнять путем отправки областных уполномоченных. При этом и обком не был свободен от двойной ответственности. Однако областная власть, имевшая возможность обращения в централь-

ные органы, пыталась реализовывать попечительские функции по отношению к сельскому хозяйству региона иначе: путем многочисленных обращений в центральные органы с просьбами о предоставлении семенных суд, выделении горюче-смазочных материалов, снижении заготовительных планов и т.п.

Основной чертой командно-административного режима управления сельским хозяйством была сверхцентрализация планирования и принятия ключевых решений. Исполнимость планов и директив должна была обеспечиваться за счет жесткого административного контроля, осуществляемого вертикалью власти. Управление основывалось на широком использовании мобилизационных технологий, придававших хозяйственным кампаниям (посевным, уборочным и др.) политический характер. Это, в свою очередь, открывало шлюзы перед применением принудительных и репрессивных мер воздействия на сельхозпроизводителей. Командно-административный режим управления, с одной стороны, позволил не допустить дезинтеграции колхозного производства, с другой стороны, оказался слабо совместимым с продуктивным использованием имевшихся колхозных ресурсов.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисков В.Т.* Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1993. 246 с.
- Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1970. 457 с.
- Выльцан М.А.* Крестьянство России в годы большой войны, 1941–1945. Пиррова победа. М.: РНФ, 1995. 79 с.
- Ильиных В.А.* Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск: ГУП РПО СО РАСХН, 2004. 167 с.
- Ильиных В.А.* Организация урожайной статистики зерновых культур в Сибири в 1930-е годы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2022. № 21(1). С. 87–97.
- Кондрашин В.В.* Крестьянство и сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны // Изв. Самар. науч. центра Российской академии наук. 2005. Т. 7, № 2. С. 289–300.
- Корнилов Г.Е.* Уральская деревня в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 221 с.
- Куманев Г.А.* Говорят сталинские наркомы. Смоленск: Русич, 2005. 632 с.
- Мотрович В.П.* Вклад в Победу: сельское хозяйство Урала в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург: Альфа Принт, 2021. 700 с.
- Сельское хозяйство Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы / В.А. Ильиных, С.Н. Андреевков, В.М. Рынков и др. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2012. 408 с.
- Сталин И.В.* Экономические вопросы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952. 93 с.
- Шевляков А.С.* Политотделы МТС и совхозов Сибири в годы Великой Отечественной войны. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 196 с.
- Шапанов С.В.* Производство и заготовки зерна в Новосибирской области в 1942 году // Исторический курьер. 2021. № 4(18). С. 53–66. URL: <http://istkurier.ru/data2021/ISTKURIER-2021-4-10.pdf>. DOI10.31518/12618-9100-2021-4-10.

<sup>31</sup> ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 653. Л. 7.

## REFERENCES

*Aniskov V.T.* (1993). Sacrificial feat of the village. Peasantry of Siberia during the Great Patriotic War. Novosibirsk, SO RAN, 246 p. (In Russ.)

*Arutjunyan Ju.V.* (1970). Soviet peasantry during the Great Patriotic War. Moscow, Nauka, 457 p. (In Russ.)

*Vyltsan M.A.* (1995). Peasantry of Russia during the Great War, 1941–1945. Pyrrhic victory. Moscow, RNF, 79 p. (In Russ.)

*Il'inyh V.A.* (2004). Taxation of Siberian village. Late 1920s – early 1950s. Novosibirsk, GUP RPO SO RASKHN, 167 p. (In Russ.)

*Il'inyh V.A.* (2022). Organization of yield statistics of grain crops in Siberia in 1930s. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya*. No. 21(1), pp. 87–97. (In Russ.)

*Kondrashin V.V.* (2005). Peasantry and agriculture of the USSR during the Great Patriotic War. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. Vol.7, no. 2, pp. 289–300. (In Russ.)

*Kornilov G.E.* (1990). Ural village during the Great Patriotic War (1941–1945). Sverdlovsk, Izd-vo Ural'skogo universiteta, 221 p. (In Russ.)

*Kumanev G.A.* (2005). Stalin's commissars speak. Smolensk, Rusich, 632 p. (In Russ.)

*Motrevich V.P.* (2021). Contribution to the Victory: Ural agriculture during the Great Patriotic War. Ekaterinburg, Al'fa Print, 700 p. (In Russ.)

*Il'inyh V.A., Andreenkov S.N., Rynkov V.M. (Eds.)* (2012). Agriculture in Siberia in the 20th century: problems of development and crises. Novosibirsk, Institut istorii SO RAN, 408 p. (In Russ.)

*Stalin I.V.* (1952). Economic questions of socialism in USSR. Moscow, Gospolitizdat, 93 p. (In Russ.)

*Sharapov S.V.* (2021). Production and procurement of grain in Novosibirsk region in 1942. *Istoricheskiy kur'er*. No. 4(18), pp. 53–66. URL: <http://istkurier.ru/data2021/ISTKURIER-2021-4-10.pdf>. DOI 10.31518/12618-9100-2021-4-10. (In Russ.)

*Shevlyakov A.S.* (2000). Political departments of MTS and state farms of Siberia during the Great Patriotic War. Tomsk, Izd-vo Tom. un-ta, 196 p. (In Russ.)

*Статья поступила в редакцию 06.06.2022*

*Дата рецензирования 30.06.2022*

*Статья принята к публикации 06.10.2022*

DOI: 10.15372/HSS20220405

УДК 002.2:004:94(47+57)"1941/1945"(571.1/.6)(092)

Л.А. МАНДРИНИНА, Н.А. СОЛОВЬЕВ

**МЕМОРИАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ ОБ УЧАСТНИКАХ  
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,  
РФ, 630102, г. Новосибирск, ул. Восход, 15

В статье представлены результаты исследования, проведенного специалистами ГПНТБ СО РАН: 1) по выявлению сведений о мемориальных информационных ресурсах о сибиряках – участниках Великой Отечественной войны и тружениках тыла: об изданных «Книгах памяти» и подготовленных в электронном виде ресурсах, включающих подобные сведения, с целью формирования проблемно ориентированной базы данных «Книги Памяти. Сибиряки в Великой Отечественной войне»; 2) по систематизации, структурированию, характеристике выявленных и включенных в эту БД источников для отражения общей картины изученности и позиционирования данной проблемы. Сделаны выводы, что «Книги Памяти» – это уникальный поисково-информационный массив, в котором собраны разносторонние фактические материалы по истории Великой Отечественной войны.

**Ключевые слова:** Великая Отечественная война, Сибирь, Дальний Восток, «Книги Памяти», мартирологи, библиографические ресурсы, электронные ресурсы.

**Для цитирования:** Мандринина Л.А., Соловьев Н.А. Мемориальные информационные ресурсы об участниках Великой Отечественной войны: региональный аспект // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 4. С. 45–54. DOI: 10.15372/HSS20220405.

L.A. MANDRININA, N.A. SOLOVIEV

**MEMORIAL INFORMATION RESOURCES  
ON THE GREAT PATRIOTIC WAR PARTICIPANTS: REGIONAL ASPECT**State Public Scientific Technological Library SB RAS,  
15, Voskhod str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation

The article is devoted to martyrologies (Memory Books) and Internet sites that include lists of names of Siberian and the Far Eastern residents – participants of the Great Patriotic War and rare workers. The State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences employees generate a working problem-oriented database “Memory Books. Siberians in the Great Patriotic War” based on bibliographic DB “Scientific Sibirica: nature, history, economics, culture, science of Siberia and the Far East” of own generation, which was added with documents from electronic catalogs of large libraries, Internet resources and secondary bibliographic sources. The database’s documentary flow comprises 266 bibliographic records.

The article represents a brief analysis of editions dedicated to the Memory Books of Siberian Region. It reveals the information provision with such editions of republics, territories and regions in Siberia and the Far East. The article concludes that activity to prepare and publish the Memory Books took place in all Siberian and Far Eastern regions. In the article there is no data on the Magadan Region, which may be due to the low circulations of individual martyrologies and their absence in e-catalogs of large libraries. Above 50% of the editions were prepared within the framework of the project on creating the All-Russian (All-Union) Memory Book initiated by the resolution of the Central Committee of the Soviet Union Communist Party (1989). The authors present the documentary flow characteristics by groups of editions: All-Russian Memory Book; Memory Books of municipal districts and cities (towns); branch (departmental) martyrologies. The paper represents the dynamics of editing Memory Books in 1986–2020. The highest number of editions were prepared for two anniversary events: the 50<sup>th</sup> and 60<sup>th</sup> anniversaries of the Victory.

**Людмила Андреевна Мандринина** – старший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: mandrinina@spsl.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7669-6874>

**Николай Александрович Соловьев** – младший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: solovyev@spsl.nsc.ru

**Ludmila A. Mandrinina** – Senior Researcher, State Public Scientific Technological Library SB RAS.

**Nikolay A. Soloviev** – Junior Researcher, State Public Scientific Technological Library SB RAS.

In the first decade of the XXI century, the activity on creating martyrologies is gradually transformed into the electronic format. The authors have characterized sites with the function of a name search for the Great Patriotic War soldiers (both general nature and specific Siberian and Far East regions). They include materials collected in printed Memory Books and then supplemented (and replenishing at present) by a great number of documents got as a result of further search and research activity on the Great Patriotic War participants and victims. The authors conclude that the Memory Books represent a unique search and information array, which contains diverse factual materials about the Great Patriotic War participants, war prisoners, missing persons, civilians who worked in the rear, etc.

**Key words:** *Great Patriotic War, Siberia, Far East; memory books, martyrologies; bibliographic resources; electronic catalogs, archives, Internet portals, websites.*

## ВВЕДЕНИЕ

В традициях народов России всегда существовала и существует потребность в сохранении памяти о национальных героях. Это нашло отражение в сюжетах литературных произведений и кинематографа, где в центре – подвиг человека, вставшего на защиту своей Родины.

Увековечение памяти участников Великой Отечественной войны является важной государственной задачей России, которая закреплена на законодательном уровне. Одна из форм сохранения памяти о подвиге народов нашей страны в годы Великой Отечественной войны – создание и издание мартирологов – «Книг памяти», в которых помещены списки участников войны (погибших, пропавших без вести, умерших от ран и болезней), а также создание электронных хранилищ и сайтов (разделов сайтов) с функцией поименного поиска.

Основные направления деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления по сохранению памяти защитников Отечества прописаны в директивных документах государства. В 1989 г. ЦК КПСС издал постановление о подготовке «Всесоюзной Книги Памяти», создании республиканских, краевых и областных «Книг Памяти»<sup>1</sup>. В Указе Президента СССР (1991)<sup>2</sup> была одобрена инициатива Министерства обороны СССР и других организаций по подготовке и изданию «Всесоюзной Книги Памяти» павших в боях с занесением в «Книгу» также и без вести пропавших участников боевых действий (ранее в «Книгах Памяти» пропавшие без вести не отражались). В 1992 г. в Постановлении Правительства РФ были детально рассмотрены вопросы подготовки и издания сводной Всероссийской Книги Памяти, а также издание поименных «Книг Памяти» к 50-летию Победы в Великой Отече-

ственной войне<sup>3</sup>. Очень важным явился указ Президента Российской Федерации 2006 г. по увековечению памяти погибших при защите Отечества<sup>4</sup>, где на Министерство обороны РФ была возложена функция уполномоченного федерального органа в этой сфере не только в России, но и в иностранных государствах. В 2019 г. Президент РФ утвердил «Перечень поручений по совершенствованию мер, направленных на увековечение памяти погибших при защите Отечества», где одним из поручений было «издание Книг Памяти, содержащих сведения о воинских захоронениях»<sup>5</sup>.

В современных реалиях на передний план выходит борьба против фальсификации исторической памяти [Дмитриева, 2015; Лютов, 2017], где новое поле битвы, как отмечает Б.С. Илизаров, это социальная память человечества [Илизаров, 1985].

Мартирологи являются важнейшими историческими источниками, документально свидетельствующими о событиях великой войны. Важна их роль и как источника данных генеалогического характера, и как источника семейных преданий в границах коллективной памяти о Великой Отечественной войне [Поздняков и др., 2021].

С.И. Садовников в обзоре, посвященном мемориальным изданиям, дал характеристику источниковой базы «Книг Памяти» [Садовников, 2010], где наряду с архивными источниками приводятся «людские» источники: информация, поступающая от Совета ветеранов, объединений, ведущих поисковые работы по нахождению останков погибших солдат. Отмечен также самоотверженный труд членов рабочих групп редколлегий «Книг памяти», помощь редакций районных и городских газет и др. По подсче-

<sup>3</sup> Вопросы подготовки и издания Книг Памяти: постановление Правительства Российской Федерации от 22 дек. 1992 г., № 1004 // Гарант: информационно-правовое обеспечение. URL: <https://base.garant.ru/6310273/> (дата обращения: 06.05.2022).

<sup>4</sup> Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества : указ Президента Российской Федерации от 22.01.2006 г. № 37 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23367> (дата обращения: 06.05.2022).

<sup>5</sup> Перечень поручений по увековечению памяти погибших при защите Отечества : утв. Президентом Российской Федерации 31.01.2019 № Пр-134 // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/59760> (дата обращения: 06.05.2022).

<sup>1</sup> О Всесоюзной Книге Памяти : постановление ЦК КПСС от 17 янв. 1989 г. // Изв. ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 37.

<sup>2</sup> О дополнительных мерах по увековечению памяти советских граждан, погибших при защите Родины в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны, а также исполнявших интернациональный долг : указ Президента СССР от 8 февр. 1991 г., № УП-1440 // Гарант: информационно-правовое обеспечение. URL: <https://base.garant.ru/6336378/> (дата обращения: 06.05.2022).

там С.И. Садовникова (данные на 1 января 2010 г.), в СНГ вышло в свет 1692 тома Книг Памяти (из них в РФ – 1035 томов) [Садовников, 2011, с. 274].

Для подготовки «Книг Памяти» была проведена огромная архивно-изыскательная работа, изучены сотни тысяч документов архивов военных комиссариатов, отделов социального обеспечения, Центрального архива Министерства обороны и др.

В истории Великой Отечественной войны значительную роль сыграли сибирские дивизии и полки, которые сражались на всех фронтах и участвовали во всех важнейших операциях. В соответствии с постановлениями руководства страны в регионах Сибири и Дальнего Востока ведется работа по увековечению памяти воинов-сибиряков, важным направлением которой является создание региональных «Книг Памяти».

Цель данной статьи – анализ опубликованных мартирологов («Книг Памяти») и сайтов как информационной базы, включающих имена воинов-сибиряков и тружеников тыла с целью характеристики общей картины изученности и позиционирования данной проблемы.

Формулируются следующие задачи:

- анализ информационной обеспеченности сибирских регионов изданиями типа «Книга Памяти»;
- изучение основных сайтов с функцией поименного поиска воинов Великой Отечественной войны (общего характера и конкретных сибирских регионов и др.);
- обзор публикаций о «Книгах Памяти» сибиряков.

#### АНАЛИЗ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ПОТОКА ИЗДАНИЙ («КНИГ ПАМЯТИ»), ПОСВЯЩЕННЫХ СИБИРЯКАМ – УЧАСТНИКАМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ТРУЖЕНИКАМ ТЫЛА

Исследование проведено на основе изучения документального потока публикаций (ДП) о Великой Отечественной войне в библиографической БД «Научная Сибирика: природа, история, экономика, наука Сибири и Дальнего Востока», генерируемой Государственной публичной научно-технической библиотекой Сибирского отделения РАН» (далее ГПНТБ СО РАН) с дополнением материалами из каталогов Российской национальной библиотеки, Российской государственной библиотеки и других библиотек, материалами из сети интернет, вторичных источников. БД «Научная Сибирика» – наиболее полный региональный библиографический ресурс в России (объем – более 1 200 000 библиографических записей). ГПНТБ СО РАН имеет большой опыт и уникальные методические наработки для создания фундаментальных региональных БД (с раскрытием и уточнением сибирских географических названий).

Для целей исследования была сформирована рабочая проблемно ориентированная БД «Книги Памяти. Сибиряки в Великой Отечественной войне», документальный поток которой составил 266 библиографических записей (82 названия многотомников и однотомных изданий). Это издания, имеющие типовые и нетиповые названия: «Книга Памяти»; «Память»; «Всекузбасская Книга Памяти»; «Солдаты Победы»; «Мы помним ваши имена...»; «Они вернулись с Победой»; «Живем и помним»; «Вспомним всех поименно»; «Поименные списки...» и др.

В табл. 1 представлено количество таких изданий по республикам, краям и областям Сибири и Дальнего Востока.

Мартирологи издавались во всех регионах Сибири и Дальнего Востока. В БД нет информации только

Таблица 1

#### Книги Памяти. Сибиряки в Великой Отечественной войне. Количество изданий по регионам Сибири и Дальнего Востока

#### Memory Books. Siberians in the Great Patriotic War. Number of publications by regions of Siberia and the Far East

Регион Region	Количество названий Number of titles	Количество томов Number of volumes
Сибирь в целом	1	1
Алтай, Республика	2	8
Алтайский край	4	14
Амурская обл.	4	11
Бурятия, Республика	10	19
Еврейская АО	1	1
Иркутская обл.	5	14
Камчатский край	2	2
Кемеровская обл.	8	29
Красноярский край	5	17
Магаданская обл.	–	–
Новосибирская обл.	9	35
Омская »	2	19
Приморский край	1	4
Саха (Якутия), Республика	2	6
Сахалинская обл.	4	32
Томская »	1	5
Тыва, Республика	2	2
Тюменская обл.	1	10
Хабаровский край	6	12
Хакасия, Республика	2	8
Ханты-Мансийский АО – Югра	3	3
Читинская обл.	3	9
Чукотский АО	1	1
Ямало-Ненецкий АО	3	4
Всего названий / томов	82	266

по Магаданской области<sup>6</sup>. Следует отметить, что представленная рабочая БД «Книги Памяти...» не может претендовать на абсолютную полноту. Какая-то часть изданий отсутствует в БД. Одно из объяснений этому – очень малая тиражность отдельных изданий. Тиражи колеблются от 15 экз. до 10 тыс. экз. На это указывает, например, С.И. Садовников [2010, с. 274]. Даже в каталогах крупных библиотек отражены далеко не все мартирологи. Наличие в названии издания термина «книга памяти» не всегда означает, что это мартиролог. Иногда это могут быть очерки, воспоминания о войне и т. д. Такие издания в БД не включались.

Крупнейшим проектом по увековечению памяти участников Великой Отечественной войны является издание многотомной Всероссийской (Всесоюзной) Книги Памяти. В докладе Исполнительного комитета Содружества Независимых Государств о выполнении Программы подготовки и празднования 60-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (2005) отмечено, что работа по изданию «Книг Памяти» в основном завершена. Вышло в свет 1573 тома общим тиражом в 20 млн экз.<sup>7</sup> В отдельных томах отражены сведения о воинах Российской Федерации, уроженцах (или призванных в армию из соответствующих местностей) краев и областей страны, включая регионы Сибири и Дальнего Востока (табл. 2).

В табл. 2 обозначены 147 изданий, подготовленных в рамках проекта Всероссийской Книги Памяти (более 50 % от всех изданий, представленных в БД).

Изданы мартирологи, посвященные воинам, призванным из Алтайского края (8 томов); республик: Алтай (4 тома), Бурятия (8 томов), Тыва (1 том); Хакасия (3 тома); областей: Амурской (4 тома), Кемеровской (20 томов), Новосибирской (13 томов), Омской (11 томов), Сахалинской (17 томов), Томской (5 томов), Тюменской (10 томов), Читинской (ныне Забайкальский край) (5 томов); Ханты-Мансийского и Чукотского автономных округов (по 1 тому).

«Всекузбасская Книга Памяти» (20 томов) является составной частью программы «Всероссийской Книги Памяти». На межрегиональной сибирской выставке «Печатный двор Сибири» в апреле 2001 г. она была удостоена Малой Золотой медали и Почетного диплома. Среди книг этой серии кузбасское издание

было признано лучшим, что отмечалось организационным комитетом «Победа» на научно-практической конференции, посвященной Всероссийской Книге Памяти (Ленинградская область, 2005) [Верховцева, 2007]. Всего опубликовано 20 томов, в которых отражены имена 150 тыс. воинов-кузбассовцев. Также в «Книге Памяти» помещены отрывки из писем, воспоминания родных и близких, фотографии. Включены произведения советской военной поэзии.

В восьмитомной «Книге Памяти», посвященной уроженцам Алтайского края представлено более 220 тыс. имен [Бутаков, 2011].

Роль «Книги Памяти Омской области» как информационно-поискового массива рассмотрена в статье А.В. Емельяновой. Она подчеркивает, что «Книга Памяти» – «эпохальное издание для Омской области». В нем увековечены имена более 150 тыс. омичей [Емельянова, 2011]. В первом (вводном) томе помещены материалы, дающие развернутую характеристику роли Омской области в годы войны: боевой путь омских соединений; перечень соединений и частей, сформированных в Омской области; подготовка военных кадров различных специальностей в Омске и области; переписка воинских соединений, сформированных в Омске с трудящимися области; список военных госпиталей Омска. Приведены фотографии и краткие биографические справки омичей – Героев Советского Союза; списки полных кавалеров ордена Славы; участников Парада Победы 1945 г. в Москве. В приложении дана «Схема тернистого пути генерал-лейтенанта, Героя Советского Союза Д.М. Карбышева по фашистским тюрьмам и лагерям».

В ряде публикаций отражена история создания «Книг Памяти» (Красноярского [Замятин, 2002], Хабаровского [Корякин, 2011; Александров, 2008] краев; Бурятии [Семенов, 1995], Тывы [Моллеров, 2020] Якутии [Кривцов, 1995] и др.). Диссертационное исследование И.Л. Аравина о роли людских ресурсов Новосибирской области в годы войны проведено на материалах новосибирской «Книги Памяти» [Аравин, 2008]. В первом томе этого издания в разделе «Сибирский слав» приведены документы и материалы по мобилизации промышленности Новосибирска, социалистическом соревновании комсомольско-молодежных бригад за высокую производительность труда по выполнению заказов фронта, деятельности сельских тружеников, научно-исследовательской работе, организации Новосибирского городского комитета ученых и др.

Фундаментальным изданием является «Сахалинская областная Книга Памяти» (в 24 т., Южно-Сахалинск, 1994–2009), четыре тома (Т. 1–3, 20) которой подготовлены в рамках «Всероссийской Книги Памяти» и посвящены подвигу сахалинцев в Великой

<sup>6</sup> В Магаданской области созданы мартирологи о репрессированных в СССР. – См. сайт «Бессмертный барак». URL: <https://bessmertnybarak.ru/books/> (дата обращения: 06.05.2022).

<sup>7</sup> Доклад о выполнении Программы подготовки и празднования 60-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. URL: <https://cis.minsk.by/page/show?id=3846> (дата обращения: 06.05.2022).



Таблица 2

**Всероссийская (Всесоюзная) Книга Памяти. Сибирь и Дальний Восток**  
**All-Russian (All-Union) Memory Book. Siberia and the Far East**

Регион Region	Книжное издание Book	Количество томов Number of volumes
Сибирь в целом	Книга Памяти. Сибиряки в битве за Москву (1941–1942). М., 2001. 496 с.	1
Республика Алтай	Книга Памяти, 1941–1945 : Российская Федерация. Республика Алтай. Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 1994–2000. Т. 1–5.	5
Алтайский край	Книга Памяти. Российская Федерация. Алтайский край. Барнаул, 1994–1995. Т. 1–8.	8
Амурская обл.	Книга Памяти. Амурская область. Благовещенск : РИО, 1993–1997. Т. 1–4.	4
Бурятия, Республика	Книга Памяти, 1941–1945 : Российская Федерация. Республика Бурятия. Улан-Удэ, 1994–2015. Т. 1–10.	10
Еврейская АО	Книга Памяти, 1941–1945 : Российская Федерация : Еврейская автономная область. Биробиджан, 1995. 367 с.	1
Иркутская обл.	Память. Иркутск, 1990–2000. Ч. 1–10.	10
Камчатский край	Книга Памяти, 1941–1945 : Российская Федерация. Камчатская область. Петропавловск-Камчатский, 1995. 120 с.	1
Кемеровская обл.	Всекузбасская Книга Памяти. 1941–1945. Кемерово, 1995–2005. Т. 1–20.	20
Красноярский край	Книга Памяти Красноярского края. Красноярск, 1994–1998. Т. 1–8.	8
Новосибирская обл.	Книга Памяти 1941–1945. Российская Федерация, Новосибирская область. Новосибирск, 1995–1999. Т. 1–15.	15
Омская »	Книга Памяти, 1941–1945 : Российская Федерация, Омская область. Омск, 1995–1997. Т. 1–11. URL: <a href="http://old.omskportal.ru/ru/government/pobeda70/bookremember.html">http://old.omskportal.ru/ru/government/pobeda70/bookremember.html</a>	11
Приморский край	Книга Памяти защитников Отечества, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : Российская Федерация, Приморский край. Владивосток, 1995–1996. Т. 1–4.	4
Сахалинская обл.	Книга Памяти, 1941–1945 : Российская Федерация, Сахалинская область. Южно-Сахалинск, 1994–2003. Т. 1–13.	13
	Сахалинская областная Книга Памяти. Южно-Сахалинск, 1994–2009. Т. 1–24. Тома 1, 2, 13, 20 являются составной частью Всероссийской Книги Памяти, посвящены подвигу сахалинцев в Великой Отечественной войне и победе над Японией.	4
Томская »	Книга Памяти, 1941–1945 : Российская Федерация, Томская область. Томск, 1994–1997. Т. 1–5.	5
Тыва, Республика	Книга Памяти, 1941–1945 : Российская Федерация, Республика Тыва. Кызыл, 1995. 176 с.	1
Тюменская обл.	Память : Российская Федерация, Тюменская область. Екатеринбург, 1994–1998. Т. 1–9.	9
Хабаровский край	Книга Памяти Хабаровского края, 1941–1945. Хабаровск, 1994–1998. Ч. 1–6.	7
Хакасия, Республика	Книга Памяти, 1941–1945: Российская Федерация, Республика Хакасия. Абакан, 1995–2000. Т. 1–3.	3
Ханты-Мансийский АО – Югра	Книга Памяти, 1941–1945 : Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. Ханты-Мансийск, 2015. 404 с. Т. 1.	1
Забайкальский край	Книга Памяти, 1941–1945 : Российская Федерация, Читинская область. Чита, 1994–2005. Т. 1–5.	5
Чукотский АО	Книга Памяти : Чукотка в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М. : Святигор, 2004. 213 с.	1
	Всего томов	147

Отечественной войне и победе над Японией; часть томов (Т. 10, 11, 14, 18, 22) включает данные о трудовом подвиге сахалинцев в годы войны. Автором-составителем издания является историк А. М. Пашков. Подробная характеристика «Сахалинской областной Книги Памяти» дана в статье О.В. Фецовой [2009].

В дополнение к «Книгам Памяти», подготовленным в рамках всероссийского проекта, в Амурской, Омской областях и Республике Хакасия изданы мартырологи «Солдаты Победы» (Благовещенск, 1993–1997, в 4 т.; Омск, 2000–2003, в 8 т.; Абакан, 2010–2019, в 5 т.).

Издавались также «Книги Памяти» отдельных районов и городов Сибири. Для сбережения памяти о народном подвиге такие издания не менее важны, чем многотомники, посвященные крупным сибирским регионам. В Республике Бурятия изданы «Книги Памяти» Прибайкальского (Улан-Удэ, 2002) и Баянговского (Улан-Удэ, 2020) районов; в Алтайском крае – Табунского района (Барнаул, 1995); в Кемеровской области – Помышленновского района (Кемерово, 2015). В Новосибирской области «Книги Памяти» посвящены пяти районам: Сузунскому, Куйбышевскому (Новосибирск, 1994), Советскому (в годы войны – это территория Нижне-Ельцовского и Нижне-Чемского сельсоветов) (Новосибирск, 1995), Убинскому (Новосибирск, 1995), Коченевскому (Новосибирск, 2005). В Ханты-Мансийском автономном округе – Югре издана «Книга Памяти» Кондинского района (название издания: «Память, 1941–1945»). Шадринск, 2002); в Ямало-Ненецком автономном округе – Шурьшкарского района (Екатеринбург, 2015) и др.

Два мартиролога посвящены воинам из числа коренных малочисленных народов. В «Книгу Памяти шорского народа» (Кемерово, 2015) внесены имена шорцев, которые были призваны на фронт со всех регионов Советского Союза. Документальные материалы собраны в рамках деятельности общественных организаций «Ассоциация шорского народа» и «Таглыг Шор». Коренным народам, проживающим в Хабаровском крае, посвящена «Книга Памяти воинов Нанайского района...» (Троицкое, 2005).

Несколько «Книг Памяти» посвящено участникам Великой Отечественной войны, уроженцам отдельных сибирских городов: Братска (издание: «Погибшие братчане...», Иркутск, 2018), Зеленогорска (Красноярск, 1995); Кемерово («Мы помним ваши имена...». Кемерово, 2020); Новоалтайска («Имена Великой Победы». Кемерово, 2019); Тайги (Кемерово, 2020) и др.

Имеется также несколько так называемых отраслевых (ведомственных) мартирологов. Первым в России изданием этого типа является «Книга Памяти шахтеров, погибших в период Великой Отечественной войны» (Кемерово, 1995). В нем отражено 2475 имен шахтеров, погибших в шахтах Кузбасса. Р.С. Бикметов рассматривает «Книгу Памяти шахтеров...» в качестве важного источника по истории угольной промышленности России. Автор подчеркивает уникальность информации, представленной в издании. Разработанная составителями методика выявления документов позволила найти новые данные о шахтерах, «скончавшихся в больницах от травм и увечий, полученных на угольном производстве» [Бикметов, 2017, с. 128]. В каждом томе книги «дана не только хроника аварий и катастроф, произошедших на угольных предприятиях Кузбасса, но и содер-

жится анализ причин, повлекших за собой трагические последствия» [Там же, с. 129]. Результаты поисковой работы, «полученные в ходе привлечения дополнительной информации и проведенной тщательной проверки через органы ЗАГС, явно превосходили данные официальной статистики», – подчеркивает автор в докладе, представленном на Украинском горном форуме в 2013 г. [Там же, 2013, с. 281].

Изданы «Книги Памяти», посвященные сотрудникам организаций: Института геохимии имени А.П. Виноградова СО РАН (Иркутск, 2016); органов внутренних дел Читинской области (Чита, 1995); Иркутского государственного университета путей сообщения (название издания: «Ради мира на земле». Иркутск, 2015), Новосибирского института советской кооперативной торговли (ныне Сибирский университет потребительской кооперации, название издания: «Живем и помним». Новосибирск, 1920). Материалы последнего издания из перечисленных размещены на сайте университета<sup>8</sup>. Имеются «Книги Памяти», посвященные сотрудникам правоохранительных органов: судьям и работникам судов Республики Бурятия (Улан-Удэ, 2020), органов внутренних дел Читинской области (Чита, 1995).

Особо следует отметить «Книгу Памяти Красноярской воздушной трассы» (Красноярск, 2016). В ней представлены имена участников авиатрассы по перегонке американских самолетов, которые США из Аляски поставляли в СССР по договору ленд-лиза (трасса Аляска–Сибирь, советская часть – воздушная трасса Красноярск–Уэлькаль). Долгое время информация об этих героических событиях войны была закрытой. В книге содержатся данные о более 1700 военнослужащих и около 200 гражданских сотрудников трассы. Ввиду длительной закрытости информации составителям пришлось приложить немало усилий в поиске материалов, проделана огромная работа по изучению и отбору персональных данных. Материалы о каждой персоне представлены очень лаконично и в то же время информативно. Кроме данных о времени работы на трассе (должность, подразделение, боевые вылеты и др.) указан период нахождения на фронте и занимаемые должности после войны. Очень ценны данные из наградных листов, где указано, за какие заслуги получена награда. Каждая биографическая справка снабжена фотографией. Выделение отдельных частей биографического текста разными шрифтами позволяет четко и упорядоченно воспринимать материалы книги. В конце издания приведен алфавитный указатель персон по разделам: Военнослужащие КВТ (Красноярской воздушной трассы);

<sup>8</sup> Вышла в свет Книга памяти «Живем и помним». URL: [http://sibupk.su/about\\_the\\_university/news/538/?ID=538&ysclid=13r30ij184](http://sibupk.su/about_the_university/news/538/?ID=538&ysclid=13r30ij184) (дата обращения: 29.05.2022).



Динамика изданий «Книг Памяти» (1986–2020).

Dynamics of editions of Memory Books (1986–2020).

Гражданский персонал (строители, изыскатели; связь и радионавигация; Гражданский персонал УГМС (Управления гидрометеослужбы); Якутская авиагруппа ГВФ (Гражданского воздушного флота); Аэропорты. Дан список использованных источников (архивы, интернет-ресурсы, публикации, касающиеся истории трассы). На научной конференции, посвященной воздушной трассе «Фэрбенкс – Якутск – Красноярск», одним из составителей «Книги Памяти Красноярской воздушной трассы» В.В. Филипповым был сделан доклад об истории создания книги [Филиппов, 2018]. Автор подчеркнул, что объем издания не позволил поместить в книгу всю имеющуюся информацию. Было принято решение о подготовке полной версии с представлением всех материалов в виде базы данных на сайте Красноярского музея «Мемориал Победы» ([memorial24.ru](http://memorial24.ru)).

Динамика изданий Книг Памяти представлена на рисунке. Количество изданий распределено по пятилетним периодам, где последний год каждого периода – юбилейная дата Победы в Великой Отечественной войне.

Больше всего изданий было подготовлено в 1991–1995 гг. (38 %) и в 2001–2005 гг. (21 %) к двум юбилейным событиям – 50-летию и 60-летию окончания войны. К последующим юбилеям Победы готовится уже меньшее количество изданий; работа по созданию мартирологов постепенно переходит в электронный формат.

#### МЕМОРИАЛЬНЫЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

В первом десятилетии XXI в. начали создаваться электронные ресурсы (сайты, порталы, базы, банки данных и др.), первоначально отразившие материалы, собранные в печатных «Книгах Памяти», а затем дополненные (и дополняемые в настоящее время) значительным количеством документов, полученных

в результате дальнейших поисково-исследовательских работ об участниках и жертвах Великой Отечественной войны. Эти сайты создавались, прежде всего, по инициативе Министерства обороны РФ, а также региональных правительственных органов, центров патриотического воспитания, музеев, архивов, центров поискового движения и др. В табл. 3 представлены основные электронные ресурсы, содержащие поименные списки участников войны – граждан России и сибирских регионов.

В соответствии с законодательными актами<sup>9</sup> Министерством обороны Российской Федерации в 2007 г. был реализован проект по созданию ОБД (Обобщенного банка данных) «Мемориал» о защитниках Отечества, погибших, умерших и пропавших без вести в период Великой Отечественной войны и послевоенный период. Приведем некоторые сведения, представленные на сайте, характеризующие масштаб деятельности участников проекта. В настоящее время ОБД «Мемориал» содержит почти 17 млн цифровых копий документов о безвозвратных потерях и 20 млн именных записей о потерях Красной армии в Великой Отечественной войне. Приведены данные о первичных местах захоронений более чем 5 млн солдат и офицеров. В рамках проекта отсканировано и предоставлено в интернет-доступ более 16,8 млн листов архивных документов и свыше 45 тыс. паспортов воинских захоронений. Ведется работа по восстановлению имен военнослужащих, узников фашистских лагерей. Уже восстановлены имена 1 млн военнослужащих. Предстоит работа по выяснению имен еще более 4 млн военнопленных советских граждан. На сегодняшний день ни в одной стране мира нет подобного банка данных. Последнее обновление данных состоялось 22 декабря 2021 г.

Электронный банк документов «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» позволяет производить поименный поиск людей в наградных листах, приказах о награждении; поиск указов, приказов о награждении; поиск данных по местоположению и времени события (география войны). Последнее обновление произведено 15 апреля 2020 г.

В 2015 г. была создана геоинформационная интерактивная система «Память народа», которая

<sup>9</sup> Перечень поручений Президента Российской Федерации от 23 апр. 2003 г. № пр-698 по вопросам организации военно-мемориальной работы в Российской Федерации. URL: [http://www.2001.shpl.ru/shpage.php?%3Fmenu=164&b\\_base=events.html](http://www.2001.shpl.ru/shpage.php?%3Fmenu=164&b_base=events.html); Указ Президента Российской Федерации от 22.01.2006 г. № 37 «Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества» // Президент России. URL: [www.kremlin.ru/acts/bank/23367](http://www.kremlin.ru/acts/bank/23367) (дата обращения: 01.06.2022). Вопросы увековечения памяти погибших при защите Отечества: указ Президента Российской Федерации от 22.01.2006 г. № 37 // Президент России. URL: [www.kremlin.ru/acts/bank/23367](http://www.kremlin.ru/acts/bank/23367) (дата обращения: 01.06.2022).

Таблица 3

**Мемориальные электронные ресурсы о Великой Отечественной войне**  
**Memorial electronic resources about the Great Patriotic War**

№ п/п	Название ресурса Resource name	Сайт URL
1	Мемориал (Обобщенный банк данных – ОБД) / Министерство обороны РФ	<a href="https://obd-memorial.ru/html/about.htm">https://obd-memorial.ru/html/about.htm</a>
2	«Подвиг народа» в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Электронный банк документов / Министерство обороны РФ	<a href="http://podvignaroda.ru">podvignaroda.ru</a>
3	«Память народа». Портал / Министерство обороны РФ	<a href="https://pamyat-naroda.ru/">https://pamyat-naroda.ru/</a>
4	«Письма Победы» / Проект АО «Москва медиа»	<a href="http://www.pismapobedy.ru">www.pismapobedy.ru</a>
5	«Дорога памяти». Фотографии Героев Великой Отечественной войны / Министерство обороны РФ	<a href="https://foto.pamyat-naroda.ru/">https://foto.pamyat-naroda.ru/</a>
6	«Мемориал Победы» / Музейный комплекс. Красноярск	<a href="http://memorial24.ru">memorial24.ru</a>
7	«Мемориал Славы новосибирцев». Электронный архив / МУК г. Новосибирска «Музей Новосибирска»	<a href="http://slava-sibiryakam.ru/">http://slava-sibiryakam.ru/</a>
8	«Книга Памяти Алтайского края»	<a href="http://altai-pamyat.ru">altai-pamyat.ru</a>
9	Правительство Амурской области. Портал «Книга Памяти жертв политических репрессий Амурской области». Т. 12. Враги народа – защитники Отечества	<a href="https://www.amurobl.ru/upload/iblock/5e6/Kniga-pamyati-12_KHudozhnik_Konika-nasha_04.09.19.pdf">https://www.amurobl.ru/upload/iblock/5e6/Kniga-pamyati-12_KHudozhnik_Konika-nasha_04.09.19.pdf</a>
10	«Книга Памяти Кемеровской области» (по следам Акции «Поиск»)	<a href="https://kemrsl.ru/kniga-pamyati-kemerovskoj-oblasti/">https://kemrsl.ru/kniga-pamyati-kemerovskoj-oblasti/</a>
11	Молодежь Югры. Молодежный патриотический проект «Книга Памяти» / Центр военно-патриотического воспитания и подготовки граждан к военной службе. Ханты-Мансийск	<a href="http://molod-ugra.ru/index.php/kniga-pamyati">http://molod-ugra.ru/index.php/kniga-pamyati</a>
12	«Новосибирская Книга Памяти» / ГКУ НСО «Центр патриотического воспитания»	<a href="http://sibmemorial.ru/soldiers?fio=титов+петр">http://sibmemorial.ru/soldiers?fio=титов+петр</a>
13	«Омская губерния». Портал / Правительство Омской области. Электронная версия Книги Памяти	<a href="https://omskportal.ru/government/pobeda70/bookremember">https://omskportal.ru/government/pobeda70/bookremember</a>
14	«Победа». Сахалинский организационный комитет. Сахалинская областная Книга Памяти	<a href="https://pobeda.admsakhalin.ru/book.memory.read.php">https://pobeda.admsakhalin.ru/book.memory.read.php</a>
15	«Стена Памяти». Тюменская область / Тюменский областной поисковый центр. Электронная «Книга Памяти Тюменской области» – сводный банк данных об участниках Великой Отечественной войны из «Книги Памяти» и баз данных Министерства обороны РФ	<a href="https://poisk-tyumen.ru/memory-book/">https://poisk-tyumen.ru/memory-book/</a>
16	Государственный архив Томской области. Тематическая база данных «Эвакуированные граждане в период Великой Отечественной войны»	<a href="https://archtomsk.tomica.ru/evacuated">https://archtomsk.tomica.ru/evacuated</a>

объединила ранее созданные банки данных «Мемориал» и «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Большим преимуществом этого ресурса является возможность поиска воинских захоронений, воинских формирований, документов воинских частей. В разделе «История пользователей» размещены истории и воспоминания о войне близких погибшим или известных пользователю людей, т.е. возможно постоянное пополнение портала новыми именами.

Проект АО «Москва Медиа» «Письма Победы» был начат в рамках подготовки празднования 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. Как указано на сайте, цель проекта – «собрать главный электронный архив писем военных лет... и сохранить его навсегда». Планировалось к 9 мая 2020 г. собрать более миллиона писем. Сколько в настоящее время на сайте писем, пока не обнародовано. Для включения писем военного времени в архив сайта достаточно заполнить анкету участника и прикре-

пить письмо как текстовый или фотофайл. Можно также опубликовать на сайте военные истории близких людей.

Следующий оригинальный электронный ресурс – «Дорога памяти». Он представляет собой фотографии Героев Великой Отечественной войны. Это проект Министерства обороны Российской Федерации в рамках утвержденного Президентом РФ перечня поручений по совершенствованию мер, направленных на увековечение памяти погибших при защите Отечества. Записей и фотографий об участниках Великой Отечественной войны на сайте – более 34 млн. Можно загружать фотографии участников войны с добавлением биографических данных.

Кроме крупных порталов, баз и банков данных, в которые включается информация об участниках войны, уроженцах всех регионов России, существуют электронные ресурсы, касающиеся участников войны – представителей отдельных регионов Сибири и Дальнего Востока: «Мемориал Победы» (Красно-

ярк); «Мемориал Славы новосибирцев» – электронный архив, включающий новосибирскую «Книгу Памяти»; сайт «Книга Памяти Алтайского края»; электронная версия «Книги Памяти Омской области» на портале Правительства Омской области; «Стена Памяти» (Тюменская область), включающая «Книгу Памяти Тюменской области»; электронная версия «Книги Памяти Кемеровской области» (по следам Акции «Поиск»). На сайте Правительства Амурской области выставлена электронная версия «Книги Памяти жертв политических репрессий Амурской области», т. 19 которой посвящен «“врагам народа” – защитникам Отечества».

У перечисленных ресурсов имеются разные возможности поиска материалов. В качестве примера можно привести сайт «Мемориал Славы новосибирцев», имеющий разделы: Герои Советского Союза, воинские захоронения (отсылает к portalу «Память народа»), списки погибших в лагерях смерти (дается адрес проживания с указанием близких родственников – отца, матери, жены и др.), списки «Они вернулись с Победой». В «Новосибирской Книге Памяти» – около 177 тыс. имен.

Интересен также молодежный патриотический проект «Книга Памяти» (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра). В раздел «Давным-давно была война...» включены материалы по теме: потомки о боевых заслугах и подвигах участников Великой Отечественной войны (исследовательские работы, сочинения, стихи, статьи, видеоматериалы).

Работа, раскрывающая малоизученный аспект истории Великой Отечественной войны, ведется в Государственном архиве Томской области. Там создается тематическая база данных «Эвакуированные граждане в период Великой Отечественной войны» на основе документов, содержащих списки граждан, прибывших в годы Великой Отечественной войны на территорию Томской области. Сведения представлены в виде именного указателя с отсылкой к реквизитам документа (номер фонда, номер описи, номер дела, заголовок дела), в котором упоминается эвакуированный гражданин.

В 2021 г. был запущен федеральный проект «Малая Родина» по увековечению памяти «каждого сельского поселения России и установлению имен и судеб солдат и офицеров Красной армии, чья судьба по сей день остается частично или полностью неизвестной»<sup>10</sup>. Пока издана первая книга об односельчанах с. Паники Сараевского района Рязанской

области<sup>11</sup>. Как будет реализовываться этот проект дальше – покажет время.

#### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мартирологи – книги памяти представляют собой уникальный информационно-поисковый массив, в котором собраны разносторонние фактические материалы об участниках войны; гражданском населении, работавшем в тылу; воинских формированиях; героях, получивших правительственные награды; военнопленных; без вести пропавших и т.д. Эти ресурсы имеют огромную ценность для изучения истории Великой Отечественной войны и патриотического воспитания граждан России, что отмечается в публикациях, краткий обзор которых дан в статье. Практически во всех регионах велась и ведется работа по созданию ресурсов, увековечивающих память сибиряков. Создаются Книги Памяти отдельных регионов Сибири и Дальнего Востока в виде печатных изданий и электронных ресурсов. Наибольшее число изданий было подготовлено к юбилейным датам Великой Победы (50-летию и 60-летию окончания войны). Порталы и сайты, посвященные подвигу народа в Великой Отечественной войне, содержат миллионы поименных записей, разнообразны сервисы для поиска нужных материалов. Желательно, чтобы набор основных сервисов для поиска данных (поименные списки, воинские подразделения, воинские звания, награды и т.д.) был представлен на всех сайтах, посвященных изучаемой проблеме.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александров М.* Свет мемориальной памяти // Дальний Восток. 2008. № 3. С. 226–228.
- Аравин И.Л.* Мобилизационные людские ресурсы Новосибирской области и их использование в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: по материалам областной Книги Памяти: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2008. 25 с.
- Бикметов Р.С.* «Книга Памяти погибших шахтеров Кузбасса» как источник по истории развития угольной промышленности Кемеровской области // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2017. № 1. С. 125–130.
- Бикметов Р.С.* «Книга Памяти шахтеров Кузбасса» (научно-методический, нравственно-этический и воспитательно-образовательный аспекты) // Ukrainian mining forum = Украинский гірничий форум. 2013. Т. 4. Геологія. С. 280–285.
- Бутаков А.* Листая «Книгу Памяти» // Алтай. 1995. № 4/5. С. 15–156.
- Верховцева З.* Всекузбасская Книга Памяти (история создания) // Огни Кузбасса. 2007. № 5. С. 149–156.
- Дмитриева О.О.* Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестн. Челябин. гос. ун-та. История. 2015. № 6. С. 132–137.

<sup>10</sup> Состоялась презентация федерального проекта «Малая Родина. Книга Памяти». URL: [https://malaya-rodina.ru/news/v\\_tass\\_sostoyalas\\_prezentaciya\\_federalnogo\\_proekta\\_malaya\\_rodina\\_kniga\\_pamyati\\_2021\\_06\\_22](https://malaya-rodina.ru/news/v_tass_sostoyalas_prezentaciya_federalnogo_proekta_malaya_rodina_kniga_pamyati_2021_06_22) (дата обращения: 01.06.2022).

<sup>11</sup> Малая Родина. Книга Памяти с. Паники Сараевского района Рязанской области. URL: [https://malaya-rodina.ru/upload/book/memory\\_book\\_paniki.pdf](https://malaya-rodina.ru/upload/book/memory_book_paniki.pdf) (дата обращения: 01.06.2022).

Емельянова А.В. «Книга Памяти» как информационно-поисковый массив // «Час мужества пробил...»: материалы Всерос. молодеж. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 70-летию начала Великой Отечественной войны (6–7 мая 2011 г.). Омск, 2011. С. 290–293.

Замятин П. Эстафета великого подвига // Ваш подвиг будет жить в веках. М., 2002. С. 501–505.

Илизаров Б.С. Роль ретроспективной социальной информации в формировании общественного сознания (в свете представлений о социальной памяти) // Вопр. философии. 1985. № 8. С. 60–69.

Корякин Е. Уходят клином журавлиным. Размышления над мемориальной Книгой Памяти Хабаровского края // Дальний Восток. 2011. № 3. С. 225–231.

Крицков А.А. Книга-мемориал, книга-завещание // Республика Саха. 1995. 16 февр.

Лотов С.Н. Книга и историческая память // Библиосфера. 2017. № 4. С. 8–13.

Моллеров Н.М. Привлечение электронного ресурса к подготовке Книги Памяти Республики Тыва // Архив: история и современность: материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Национального архива Республики Тыва. Кызыл, 2020. С. 44–46.

Поздняков А.А., Зберовская Е.Л., Кравчук О.Е. Семейная «Книга памяти» как структурная единица коллективной памяти о Великой Отечественной войне // Великая Отечественная война: пространство исторической памяти и славы: материалы краевого молодеж. исслед. проекта, посвящ. 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Красноярск, 2021. С. 245–248.

Садовников С.И. Архивные исследования в контексте поисковой работы по обнаружению и захоронению воинов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вестн. архивиста. 2011. № 1. С. 270–286.

Садовников С.И. Российские и зарубежные мемориальные издания, посвященные жертвам Второй мировой войны (краткий обзор) // Вестн. РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2010. № 7. С. 272–285.

Семенов Б.С. Навечно в памяти народной // Ратный и трудовой подвиг народа Бурятии: тез. и материалы докл. респ. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Победы советского народа над немецким фашизмом в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Улан-Удэ, 1995. С. 18–21.

Фецова О. В. Книги Памяти А. М. Пашкова – письменные свидетельства зримой связи поколений // Вест. Сахалин. музея. 2009. № 1. С. 205–209.

Филиппов В.В. «Книга Памяти Красноярской воздушной трассы» – от замысла до воплощения // Воздушная трасса Фэрбенкс–Якутск–Красноярск и ее роль в социально-экономическом развитии РС(Я): материалы науч.-ист. конф., посвящ. 75-летию воздушной трассы Фэрбенкс–Якутск–Красноярск (Аляска–Сибирь) (Якутск, 2 нояб. 2017 г.). Якутск, 2018. С. 79–82.

## REFERENCES

Aleksandrov M. (2008). The light of memorial memory. *Dal'niy Vostok*. No. 3, pp. 226–228. (In Russ.)

Aravin I.L. (2008). Mobilization of human resources in the Novosibirsk region and their use in the Great Patriotic War of 1941–1945: based on the materials of the regional Memory Book: cand. hist. sci. diss. abstract. Novosibirsk, 25 p. (In Russ.)

Bikmetov R.S. (2013). “The Memory Book of Kuzbass miners” (scientific and methodological, moral and ethical and educational aspects). *Ukrainian mining forum = Ukraïns'kiy gïrnichiy forum. T. 4. Geologiya*, pp. 280–285. (In Russ.)

Bikmetov R.S. (2017). “The Memory Book of Kuzbass fallen miners” as a source on the history of the development of the coal industry of the Kemerovo region. *Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy*. No. 1, pp. 125–130. (In Russ.)

Butakov A. (1995). Leafing through the “Memory Book”. *Altai*. No. 4/5, pp. 15–156. (In Russ.)

Dmitrieva O.O. (2015). Historical memory and mechanisms of its formation: analysis of historiographical concepts in domestic science. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. No. 6, pp. 132–137. (In Russ.)

Emelyanova A.V. (2011). “The Memory Book” as an information-search engine. In: “Chas muzhestva probil...”: *materialy Vserossiyskoy molodezhnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem, posvyashchennoy 70-letiyu nachala Velikoy Otechestvennoy vojny (6–7 maya 2011 g.)*. Omsk, pp. 290–293. (In Russ.)

Fetsova O.V. (2009). Memory Books by A.M. Pashkov – a written evidence of the visible connection between generations. *Vestnik Sakhalinskogo muzeya*. No. 1, pp. 205–209. (In Russ.)

Filippov V.V. (2018). “Memory Book of the Krasnoyarsk air route” – from conception to implementation. *Vozdushnaya trassa Ferbenks – Yakutsk – Krasnoyarsk i yeye rol' v sotsial'no-ekonomicheskoy razvitiy RS(Ya): materialy nauchno-istoricheskoy konferentsii, posvyashchennoy 75-letiyu vozdushnoy trassy Ferbenks–Yakutsk–Krasnoyarsk (Alyaska–Sibir') (Yakutsk, 2 noyab. 2017 g.)*. Yakutsk, pp. 79–82. (In Russ.)

Iizarov B.S. (1985). The role of retrospective social information in the formation of public consciousness (in the light of ideas about social memory). *Voprosy filosofii*. No. 8, pp. 60–69. (In Russ.)

Koryakin E. (2011). The Crane Wedge is Flying Away. Reflections on the Memorial Book of the Khabarovsk Territory. *Dal'niy Vostok*. No. 3, pp. 225–231. (In Russ.)

Krivtsov A.A. (1995). Book-memorial, book-testament. *Respublika Sakha*. Febr. 16. (In Russ.)

Lyutov S.N. (2017). Book and historical memory. *Bibliosfera*. No. 4, pp. 8–13. (In Russ.)

Mollerov N.M. (2020). Attraction of an electronic resource to the preparation of the Republic of Tyva Memory Book. *Arkhiv: istoriya i sovremennost': materialy mezhhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu Natsional'nogo arkhiva Respubliki Tyva*. Kyzyl, pp. 44–46. (In Russ.)

Pozdnyakov A., Zberovskaya E., Kravchuk O. (2021). Family memory book as a unit of collective memory of the Great Patriotic war. In: *Velikaya Otechestvennaya: prostranstvo pamyati i slavy: materialy kraevogo molodezhnogo issledovatel'skogo proekta, posvyashchenogo 75-y godovshchine Pobedy v Velikoy Otechestvennoy vojne 1941–1945 gg.* Krasnoyarsk, pp. 245–248. (In Russ.)

Sadovnikov S.I. (2010). Russian and foreign memorial editions devoted to victims of World War II (short review). *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedeniye*. No. 7, pp. 272–285. (In Russ.)

Sadovnikov S.I. (2011). Archival researches on detection and a burial place of soldiers of the Great Patriotic war. *Vestnik arkhivista*. No. 1, pp. 270–286. (In Russ.)

Seменов B.S. (1995). Forever in the memory of the people. *Ratnyy i trudovoy podvig naroda Buryatii: tezisy i materialy dokladov respublikanskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 50-letiyu Pobedy sovetskogo naroda nad nemetskim fashizmom v Velikoy Otechestvennoy vojne 1941–1945 gg.* Ulan-Ude, pp. 18–21. (In Russ.)

Verkhovtseva Z. (2007). The All-Kuzbass Memory Book (history of creation). *Ogni Kuzbassa*. No. 5, pp. 149–156. (In Russ.)

Zamyatin P. (2002). Relay of the great feat. In: *Vash podvig budet zhit' v vekakh*. Moscow, pp. 501–505. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 18.08.2022

Дата рецензирования 11.09.2022

Статья принята к публикации 06.10.2022

DOI: 10.15372/HSS20220406  
УДК 94.32(47+57)“1953/1964”

А.И. САВИН

## КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПУРИЗМ Н.С. ХРУЩЕВА И ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАГРАДНАЯ ПОЛИТИКА «СЛАВНОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ»

Институт истории СО РАН,  
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

В статье анализируется роль первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева в реформировании советской государственной наградной политики как важнейшего инструмента морального поощрения к труду. На основании широкого круга источников автор реконструировал взгляды Хрущева и пришел к выводу о коммунистическом пуризме советского вождя, в основе которого лежало стремление избежать девальвации и профанации высоких государственных наград как результата массовости награждений, а также дисциплинировать советские партийно-государственные элиты. Пуристические убеждения Хрущева привели к сворачиванию массовых наградных кампаний позднего сталинизма, отмене наград за выслугу лет в 1957–1958 гг. и минимизации награждений в 1959–1964 гг. Кроме того, была предпринята попытка заменить награждение орденами и медалями СССР другими видами морального поощрения (почетные грамоты, значки и т.п.). Такая политика отвечала ставке Хрущева на коллективный героизм, сознательность масс и означала фактический отказ от «делания» индивидуальных героев труда а-ля Стаханов.

**Ключевые слова:** Н.С. Хрущев, СССР, труд, моральное поощрение, стимулирование, наградная политика, ордена, медали, пуризм, герои.

**Для цитирования:** Савин А.И. Коммунистический пуризм Н.С. Хрущева и государственная наградная политика «славного десятилетия» // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 4. С. 55–63. DOI: 10.15372/HSS20220406.

A.I. SAVIN

## KHRUSHCHEV'S COMMUNIST PURISM AND THE STATE AWARD POLICY OF THE “GLORIOUS DECADE”

Institute of History SB RAS,  
8, Nikolaev. str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Moral encouragement of workers in the form of awarding orders and medals has traditionally been a basic component of Soviet civilization. Along with material incentives and instruments of coercion moral encouragement of labor activity played the role of a powerful incentive in the real model of the Soviet national economy. The most sensitive indicator that reflected important trends in moral incentives at different stages of the Soviet history was the state reward policy. This article analyzes the role of Nikita Khrushchev, First Secretary of the CPSU Central Committee, in reforming the Soviet state award policy in 1953–1964. Based on a wide range of sources, the author reconstructs the Khrushchev's views and concludes that the Soviet leader's communist purism was based on the desire to avoid devaluation and profanation of high state awards as a result of mass awarding, and to discipline the Soviet party and state elites. Khrushchev's purist convictions led to the curtailment of the award campaigns of late Stalinism. By 1954, the practice of mass awarding the Hero of Socialist Labor title for one-time high achievements in agricultural production was virtually frozen. In 1957–1958, awarding for the length of service both in the army and national economy was abolished. This was the implementation of Khrushchev's insistence that awards should be given only for specific high achievements in labor. Besides, since 1959, the number of people awarded with orders and medals of the USSR decreased several times. Khrushchev also attempted to replace the awarding of orders and medals of the USSR with other types of moral rewards (certificates of merit, badges, etc.). This policy addressed Khrushchev's reliance on collective heroism, consciousness of the masses and meant the virtual refusal of “making” individual labor heroes *a la* Stakhanov.

**Key words:** N.S. Khrushchev, USSR, labor, moral encouragement, incentives, award policy, orders, medals, purism, heroes.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 20-09-00218 А.

Савин Андрей Иванович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Институт истории СО РАН, e-mail: a\_savin\_2004@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0242-5067>.

Andrey I. Savin – Candidate of History, senior researcher, Institute of History SB RAS.

## ВВЕДЕНИЕ

Моральное поощрение трудящихся в виде награждения орденами и медалями традиционно являлось одной из базовых составляющих советской цивилизации, где труд создавал невиданные при капитализме возможности для расцвета личности. Новый советский человек трактовался в первую очередь как человек героический, а Советский Союз – как страна героев, которым были по плечу любые подвиги и свершения [Sartorti, 2002]. В реальной модели советского народного хозяйства моральное поощрение трудовой деятельности и культ героев труда играли наряду с материальным стимулированием и инструментами принуждения роль мощного стимула [Хлевнюк, 2021, с. 9–10]. Наиболее чутким индикатором, отражавшим важные тенденции морального стимулирования на разных этапах советской истории, выступала государственная наградная политика.

Изучение феномена советского героизма является сравнительно молодым направлением в историографии. Приоритет в исследовании генезиса героического культа в СССР в довоенные годы принадлежит Д. Бранденбергеру [2017]. Р. Сарторти уделила главное внимание механизмам визуальной репрезентации героев в советской прессе [Sartorti, 1981; 2002]. Г. Гюнтхер показал, как под влиянием творчества М. Горького формировался миф о советских героях – «новых людях» [Günther, 1993]. О.Ю. Никонова исследовала официальный советский патриотический дискурс и сделала важный вывод о том, что патриотический этос молодежи базировался на культе героев, тесно переплетенном с технократическим символизмом и милитантностью [2010]. Наградной практике времен Великой Отечественной войны посвящено исследование С.А. Экштута [2019]. Послевоенную советскую наградную дипломатию изучала К.В. Сак [2021]. Функционирование советской наградной системы анализируется П.В. Ахманаевым [2014]. Вопросу морального поощрения трудящихся в виде награждения орденами и медалями как инструмента стимулирования трудовой деятельности в брежневскую эпоху посвящены наши специальные статьи [Савин, 2014; 2020]. Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы охарактеризовать политику награждения орденами и медалями СССР в годы нахождения у власти Н.С. Хрущева и проанализировать взгляды этого советского партийного деятеля на роль морального поощрения в рамках «перезагрузки» коммунистического проекта.

### СИТУАЦИЯ В СФЕРЕ МОРАЛЬНОГО ПООЩРЕНИЯ К МОМЕНТУ СМЕРТИ СТАЛИНА

Последние годы нахождения Сталина у власти знаменовались попыткой широко задействовать моральный стимул в экономике. В первую очередь речь

идет о массовых наградных кампаниях 1948–1953 гг., в ходе которых тысячи тружеников сельского хозяйства стали Героями Социалистического Труда за высокие показатели в получении высоких урожаев пшеницы, ржи, кукурузы, сахарной свеклы, хлопка, чая, цитрусовых и т.п.

Количество лиц, которым в эти годы было присвоено звание Героя Социалистического Труда, было беспрецедентным для советской истории. Только одним из первых указов Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда передовикам сельского хозяйства Грузинской ССР от 21 февраля 1948 г. за «перевыполнение планов сдачи государству табака, зеленого чайного листа, цитрусовых плодов и обеспеченности семенами для посева в 1948 году» это звание было присвоено 222 лицам<sup>1</sup>. Таким образом, одним указом и только за один успешный урожай звание Героя Социалистического Труда получили столько человек, сколько за 1938–1945 гг. Эти массовые наградные кампании являлись следствием косвенного признания катастрофической ситуации в сельском хозяйстве, неэффективности применения только репрессивного принуждения к труду, а также страха повторения голода 1946 г.

Еще одним рычагом массового морального поощрения позднего сталинизма выступало награждение орденами и медалями СССР за выслугу лет, введенное в 1944 г. сначала в армии, а затем распространенное на гражданский сектор. В результате в 1946–1956 гг. награды за выслугу лет получили около 2 млн военнослужащих и гражданских лиц.

### НАГРАДНАЯ ПОЛИТИКА В 1953–1957 гг.

В первые годы после смерти Сталина новое руководство СССР во главе с Н.С. Хрущевым выступало в качестве верного наследника «вождя народов», сохранив в основных чертах сталинскую наградную политику. В июле 1953 г., после ареста Л.П. Берия, была заблокирована его попытка реформировать советскую наградную систему за счет учреждения новых «национальных» орденов для награждения культурных и научных элит советских республик [Дело Берия, 2012, с. 24–26]. В 1956 г. Президиум ЦК КПСС с подачи Хрущева отверг еще одну инициативу, напрямую касавшуюся функционирования наградной системы. Речь идет о предложении новоиспеченного министра обороны СССР, маршала Г.К. Жукова восстановить денежные выплаты награжденным орденами и медалями за боевые подвиги, которые были аннулированы Сталиным в сентябре 1947 г. [Георгий Жуков, 2001, с. 71–73, 103–104]. Полным ходом в 1953–1957 гг. продолжалось награждение орденами и медалями СССР за выслугу лет.

<sup>1</sup> Известия. 1948. 6 марта (№ 55).



Однако преемственность сохранялась только на первый взгляд. Уже первым показательным шагом Хрущева стало предание забвению сталинских указов о присвоении звания Героя Социалистического Труда работникам сельского хозяйства за разовые высокие показатели. Два последних указа такого рода были приняты по инерции уже после смерти Сталина – 13 октября 1953 г. Прекращение Хрущевым массовых наградных кампаний 1948–1953 гг. произошло «втихую», формальное решение об отмене соответствующих указов Президиума Верховного Совета СССР было принято только в феврале 1958 г. Тем не менее эти действия стали серьезным заслоном на пути девальвации и профанации высоких наград.

Как происходило массовое награждение при Хрущеве и каково было личное отношение Хрущева к наградным кампаниям в середине 1950-х гг., наглядно показывает фрагмент из воспоминаний бывшего первого секретаря ЦК коммунистической партии Узбекистана Н.А. Мухитдинова. В первой половине 1956 г. он выступил с инициативой, наградить Узбекскую ССР орденом Ленина, а также провести награждение передовиков производства. Свою просьбу Мухитдинов аргументировал большими достижениями республики во всех отраслях народного хозяйства за послевоенный период. В ответ Хрущев заявил, что для награждения нужен «серьезный повод», причем речь шла не только о достижениях сельского хозяйства, но и перевыполнении планов республиканской промышленности. В итоге Хрущев порекомендовал Мухитдинову разобраться с показателями и увериться в том, что 1956 г. действительно был переломным для экономики республики [Мухитдинов, 1995, с. 167–168].

В сентябре 1956 г. Мухитдинов обратился с тем же самым вопросом к секретарю Президиума Верховного Совета А.Ф. Горкину, в том числе для того, чтобы четче выяснить «техническую» сторону дела – порядок представления к наградам и правила оформления документов. На этом этапе Мухитдинов детализировал свой план: республику и несколько областей предлагалось наградить орденом Ленина, около 20 тыс. чел. из числа передовиков производства – орденами и медалями, 300 чел. представить к званию Героя Социалистического Труда, 4–5 чел. – к званию дважды Героя Социалистического Труда. Кроме того, Мухитдинов настаивал, чтобы у республики появился свой «супергерой» в результате награждения третьей медалью Героя Социалистического Труда хлопкороба Хамракула Турсункулова<sup>2</sup>, на что Горкин ответил, что «у нас в стране среди работников сельского хозяйства трижды Героев нет» [Там же, с. 171].

<sup>2</sup> Следует отметить, что две первые звезды Героя Социалистического труда Х. Турсункулов получил именно в ходе сталинской наградной кампании за разовые высокие урожаи: в 1948 и 1951 гг.

Спустя несколько дней на заседании Президиума ЦК КПСС, после получения от Мухитдинова заверений в выполнении Узбекистаном хозяйственных планов, Хрущев в целом одобрил награждение. Но когда речь пошла о цифрах, озвученных ранее, «большинство – ахнули, а Брежнев сказал: – Очень много. Хрущев согласился с ним: – Надо сократить: 15–16 тысяч человек для награждения орденами и медалями, 200–220 Героев Социалистического Труда, 2–3 дважды Героя. А кому трижды Героя? – Хамракулу Турсункулову. Он мгновенно вспомнил: – Да, это академик в хлопководстве, я его хорошо знаю. Присоединился и Каганович: – Отличный работник. Я с ним дружил, бывал у него. Заслуживает» [Там же, с. 173]. Тем не менее, несмотря на предварительное согласие, Хрущев продолжал гнуть свою линию – призвал не афишировать будущие награждения, указы оформить в январе 1957 г. в зависимости от конкретных трудовых результатов.

Зачем последовала собственно наградная кампания. 13 января 1957 г. в Ташкенте в театре им. А. Навои на объединенном торжественном заседании Верховного Совета Узбекской ССР, Совета Министров и ЦК КП Узбекистана Хрущев наградил Узбекскую ССР орденом Ленина за достижения в производстве хлопка. К этому времени уже был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении передовиков производства, и Хрущев лично вручил награды небольшой группе во главе с Мухитдиновым, а также объявил собравшимся, что остальные награжденные получают свои награды в Ташкенте, кроме новоиспеченных Героев Социалистического Труда, которым предстояло награждение в Кремле. Вечером того же дня в окружном Доме офицеров был устроен торжественный прием, на котором Мухитдинов в лучших восточных традициях добился от Хрущева присвоения Турсункулову звания трижды Героя Социалистического Труда. Обойденного наградой грустного хлопкороба подсадили за стол к Хрущеву, после чего тот дал указание – разыскать в Москве Н.А. Булганина, М.А. Сулова или А.И. Кириченко. После разговора с Суловым Хрущев под гром аплодисментов публично заявил, что фамилия его друга, Хамракула Турсункулова, по техническим причинам выпала из списков награжденных, и 14 января 1957 г. будет опубликован Указ о присвоении ему звания трижды Героя Социалистического Труда [Там же, с. 195–196].

Во всей этой истории важен ряд моментов: Хрущев все еще соблюдал установившиеся при Сталине «правила игры»<sup>3</sup>, а в истории с награждением Турсункулова вообще действовал как абсолютный мо-

<sup>3</sup> «Такой массовой раздачей орденов и медалей здесь, кажется, еще не бывало», – записал в своем дневнике 14 янв. 1957 г. югославский посол В. Мичунович. (Цит. по: [Тaubман, 2008, с. 345]).

нарх, вольный в любой момент по своему желанию миловать или карать своих подданных. Однако в его поведении уже появились нюансы, которые чуть позже выльются в осознанную политику сокращения масштабов награждений, а также в попытку, сделать акцент на других инструментах морального поощрения. Речь идет о сокращении Хрущевым первоначально предлагавшейся численности награждаемых, а также о его настойчивом требовании, согласно которому награды должны вручаться исключительно за конкретные высокие достижения в труде. Кроме того, Мухитдинов запомнил, что Хрущев изначально высказывал сомнение, стоит ли отвлекать от работы 203 чел. для поездки в Москву для вручения звезд Героя, как того требовала сложившаяся традиция, но и здесь его переубедил Мухитдинов, заявив, что в первый и последний раз хлопкоробов Узбекистана и Туркмении в Кремле принимали Сталин и члены Политбюро в 1935 г.

#### РЕФОРМА НАГРАДНОЙ ПОЛИТИКИ (ИЮНЬ 1957 – ЯНВАРЬ 1959 Г.)

По мере того как Н.С. Хрущев приобретал все больше единоличной власти, все сильнее сказывались его личные взгляды как первого секретаря ЦК КПСС на роль и место морального поощрения в советском государстве. Летом 1957 г. руководство СССР сделало первый крупный шаг на пути реформирования наградной политики, который чуть позднее вошел в сворачивание системы массовых награждений, доставшейся Хрущеву в наследство от Сталина. 5 июня 1957 г. министр обороны СССР Г.К. Жуков и председатель КГБ СССР И.А. Серов получили от Президиума ЦК КПСС поручение – разработать предложение «по вопросам порядка награждения военнослужащих за долголетнюю и безупречную службу в Вооруженных Силах СССР» [Георгий Жуков, 2001, с. 116].

Предложение это появилось не случайно, до этого Хрущев уже высказывал свое резкое недовольство системой наград за выслугу лет, которая привела к профанации морального поощрения. Выступая 18 февраля 1955 г. на пленуме ЦК КП Украины, он, в частности, заявил: «... сейчас платят многим за выслугу лет. Умного здесь мало. [...] Такое же положение и с орденами. Бывает так: кому-то говорят – тебе, дядя, орден полагается. А за что? За то, что ты долго проработал на предприятии. С каким уважением раньше относились к ордену, слезы наворачивались на глаза, когда человек его получал. С какой гордостью люди носили орден. А теперь на получение ордена смотрят как на обычное дело. Перед нами таких больших вопросов стоит много, они требуют своего решения, и мы их решим, но надо все это сделать об-

думанно» [Хрущев, 2009, т. 1, с. 540]. «Обдумывание» заняло у Хрущева еще два года, и все же система награждений за выслугу лет была сломана.

3 августа 1957 г. Г.К. Жуков и И.А. Серов обратились в ЦК КПСС с соответствующей запиской. Двухмесячная пауза в разработке записки, очевидно, объяснялась событиями, связанными с выступлением «антипартийной группы Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова». Главный акцент Жуков и Серов сделали на том, что награждения военнослужащих за выслугу лет стали массовыми, это привело к «снижению значения наград», следовательно, такой порядок награждения изжил себя, и от него надо отказаться. Для поддержания у военнослужащих заинтересованности в длительной безупречной службе предлагалось учредить медаль «За безупречную службу» трех степеней и предоставить право министру обороны СССР, министру внутренних дел СССР и председателю КГБ награждать этой медалью за 10, 15 и 20 лет безупречной службы [Георгий Жуков, 2001, с. 116–118]. Тем не менее Жуков и Серов не считали нужным совсем отказаться от награждения за выслугу лет орденами и рекомендовали маршалов, генералов, адмиралов и офицеров Советской Армии, Военно-Морского флота, Министерства внутренних дел, войск и органов Комитета государственной безопасности, безупречно прослуживших 25 и более лет, награждать при увольнении в запас или в отставку орденом Красного Знамени, а имеющих особые заслуги – орденом Ленина. Отмену массового награждения орденами за выслугу лет Жуков и Серов предлагали также компенсировать за счет более широкого награждения военнослужащих правительственными наградами за отличные показатели в боевой и политической подготовке [Там же].

Президиум ЦК КПСС действовал оперативно: уже 15 августа 1957 г. было принято постановление «О порядке награждения военнослужащих Вооруженных Сил СССР», одобрявшее в целом предложение Жукова и Серова. Окончательная редакция проекта Указа Президиума Верховного Совета СССР поручалась Секретариату ЦК КПСС. Кроме того, Секретариат должен был подготовить предложения о порядке награждения орденами и медалями СССР работников гражданских ведомств. Таким образом, отмена наград за выслугу лет должна была в скором времени затронуть также гражданские структуры.

Ликвидация системы награждения за выслугу лет была проведена в два этапа. Очевидно, Хрущев решил не ждать, пока будет «проработан» вопрос применительно к гражданскому сектору, и предпочел быстро реализовать уже готовые предложения в отношении военных. 14 сентября 1957 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР, отменяв-

ший награждение военнослужащих орденами и медалями СССР за выслугу лет<sup>4</sup>. В преамбуле к нему констатировалось, что существующая практика массового награждения военнослужащих «без учета характера выполняемых ими служебных обязанностей и конкретных заслуг, привела к снижению значения наград, а само награждение орденами и медалями СССР перестало быть важным средством поощрения военнослужащих за достижение ими высоких успехов в боевой и политической подготовке, в укреплении воинской дисциплины и усилении боевой готовности войск». Далее Указ в точности повторял все предложения Жукова и Серова<sup>5</sup>.

Спустя пять месяцев, в начале 1958 г., последовала отмена награждения за выслугу лет гражданских лиц. Соответствующий указ Президиума Верховного Совета СССР был принят 11 февраля 1958 г.<sup>6</sup> В нем лаконично пояснялось, что в целях «дальнейшего поощрения творческой активности и инициативы трудящихся в решении задач хозяйственного и культурного строительства и изменения сложившейся в послевоенные годы практики, при которой награждение граждан СССР главным образом производилось за выслугу лет», впредь присвоение звания Героя Социалистического Труда, награждение орденами и медалями СССР будет производиться только за конкретные достижения и заслуги. Награждение орденами и медалями СССР за выслугу лет отменялось. Показательно, что в перечень указов и постановлений Президиума Верховного Совета СССР, утративших силу после 11 февраля 1958 г., кроме указов и постановлений, посвященных непосредственно награждениям за выслугу лет, была без каких-либо объяснений включена группа сталинских указов за 1947–1953 гг. о награждении тружеников сельского хозяйства и присвоении звания Героя Социалистического Труда за разовые высокие показатели. Всего были объявлены утратившими силу 87 соответствующих указов и постановлений Президиума Верховного Совета СССР.

Окончательную точку в таком реформировании наградной политики поставило закрытое письмо ЦК КПСС «Об упорядочении дела представления к на-

граждению орденами и медалями и присвоению почетных званий СССР», разосланное 20 января 1959 г. ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам, горкомам и райкомам партии [Региональная политика, 2009, с. 181–185]. Письмо было призвано в первую очередь умерить «наградные» аппетиты партийно-государственных элит и повысить персональную ответственность руководителей организаций за представления к наградам.

В преамбуле письма ЦК КПСС констатировал «серьезные недостатки», которые местные партийные, советские и хозяйственные организации допускают в деле представления к награждению орденами и медалями, а также к присвоению почетных званий. Далее в записке говорилось о высоком предназначении наград, которые являются «важной мерой поощрения достижений советских людей, действенным средством, побуждающим их к новым патриотическим подвигам» [Там же, с. 181]. В качестве подтверждения этого положения указывалось, что за свои достижения достойно отмечены «сотни тысяч граждан нашей страны», в том числе только в 1958 г. орденами и медалями СССР были награждены более 100 тыс. работников народного хозяйства, науки и культуры, а также 22 предприятия. Орденом Ленина были награждены РСФСР, Украинская, Белорусская, Молдавская и Армянская ССР, а также 28 областей, краев и автономных республик.

Вслед за этим в письме указывалось, что «в последнее время в ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР все чаще стали поступать ходатайства о награждении [...] без достаточных на то оснований», при этом «некоторые руководители хозяйственных, советских и партийных органов утрачивают чувство меры, большевистской скромности и настойчиво запрашивают у ЦК КПСС и Правительства ордена и звания по любому поводу» [Там же, с. 182]. Об «упрощенном и неправильном представлении о возможности получения орденов и медалей» свидетельствовали сотни заявлений от отдельных граждан, в том числе и от коммунистов, ежемесячно поступающие в Президиум Верховного Совета СССР с просьбой о награждении. Но «необдуманный подход к представлению к наградам» демонстрировали не только отдельные граждане, но и «отдельные» партийно-советские и хозяйственные организации. В качестве примера в письме приводилось ходатайство руководства одной из автономных республик СССР о награждении 250 работников сельского хозяйства, но не столько за достигнутые успехи, сколько за высокие обязательства, принятые на 1960 г. колхозниками республики.

Еще одной «больной» темой были «юбилейные» награждения. ЦК и правительство получали много-

<sup>4</sup> Указ «О порядке награждения орденами и медалями СССР военнослужащих Советской Армии и Военно-Морского флота, войск Министерства внутренних дел СССР, войск и органов Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР» [Электронный ресурс] // Ордена, медали и наградные знаки Российской империи, СССР и Российской Федерации: Ведомственная медаль МО СССР «За безупречную службу». URL: [http://cris9.auers.ru/ussr\\_zabs.htm](http://cris9.auers.ru/ussr_zabs.htm). (дата обращения: 23.03.2022).

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Указ: «О порядке награждения орденами и медалями СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 4. Ст. 87.

численные просьбы о награждении предприятий, организаций, учреждений и отдельных лиц «в связи с 25-летием, 40-летием и другими неюбилейными датами, причем часто вне всякой связи с действительными заслугами юбиляров» [Там же, с. 183]. В своем «наградном увлечении» отдельные руководители заходили настолько далеко, что выискивали «всякого рода причины и предлоги для испрашивания орденов, действуя порой вопреки историческим фактам». Приводился в постановлении и ряд примеров. Так, в 1959 г. в ЦК КПСС было внесено предложение о награждении газеты «Тюменская правда» орденом Трудового Красного Знамени в связи с 50-летием, хотя фактически газета издавалась с 1944 г.

Особенно часто необоснованные ходатайства допускались, когда речь шла о награждении отдельных лиц. В частности, в записке утверждалось: «В число представляемых к награждению иногда включаются люди, плохо работающие, имеющие различные взыскания за недостатки и упущения в служебной деятельности, а также лица, непосредственно не связанные с теми предприятиями или отраслями народного хозяйства, которые отмечаются правительственными наградами. Некоторые работники представляются к награждению без учета того, что их заслуги уже достаточно были отмечены государством». Вина за это возлагалась в первую очередь на местных руководителей партийных, советских, хозяйственных органов, которые «при рассмотрении просьб о награждении и присвоении почетных званий считают для себя неудобным открыто и прямо отказать нескромным просителям орденов. Стараясь выглядеть “добрыми и хорошими”, они поддерживают подчас неправильные предложения о награждениях, отсылают их в центр, а в случае отказа ссылаются на вышестоящие органы» [Там же, с. 184]. В результате только за 1957–1958 гг. указами Президиума Верховного Совета СССР за злоупотребления и преступления различного рода были лишены орденов, медалей и почетных званий 360 награжденных.

В заключение ЦК КПСС еще раз подчеркивал, что награждение орденами и медалями СССР должно проводиться «за конкретные и выдающиеся успехи в хозяйственном и культурном строительстве, за особые заслуги в развитии науки и техники, в укреплении обороны Родины, в области государственной и общественной деятельности». Местному руководству предлагалось шире использовать другие методы морального поощрения, такие как награждение грамотами, публичное объявление благодарности или занесение на Доску почета. Завершалось письмо требованием «навести должный порядок в этом важном государственном деле» [Там же].

#### РЕАЛИЗАЦИЯ НАГРАДНОЙ ПОЛИТИКИ В 1959–1964 гг.

Уильям Таубман, автор знаменитой биографии Хрущева, считал, что 1957–1960 гг. были лучшими годами для Хрущева [Таубман, 2008, с. 676]. Главу, посвященную этим годам, Таубман назвал «Один на вершине»: у Хрущева появилась почти неограниченная свобода рук. Эту свободу он использовал и для того, чтобы убедить партийно-государственный аппарат в правильности своей наградной политики. 25 декабря 1959 г., выступая на пленуме ЦК КПСС с речью «Полнее использовать резервы для дальнейшего подъема сельского хозяйства», Н.С. Хрущев поделился мыслью о том, как следует морально поощрять тружеников сельского хозяйства, которым уже присвоено звание Героя Социалистического Труда: «Мы внесли предложение, чтобы товарищей, которые проявили героизм в труде и за достигнутые успехи уже были удостоены звания Героя Социалистического Труда, наградить медалями “За трудовую доблесть”. В Президиуме ЦК КПСС мы посоветовались и пришли к единодушному выводу, что нужно поднять значение медали “За трудовую доблесть”. Что значит получить такую медаль? Это значит получить общественное и государственное признание своего доблестного труда, это значит, что товарищ, хорошо проявивший себя в труде, удостоен за это большой чести. Почетно для любого гражданина заслужить медаль “За трудовую доблесть”» [Хрущев, 2009, т. 2, с. 138–139].

Хотя зал неоднократно, судя по стенограмме, реагировал «продолжительными аплодисментами», можно с уверенностью предположить, что советские элиты были отнюдь не в восторге. Еще слишком свеж был в их памяти сталинский указ от 3 марта 1949 г., в соответствии с которым Герои Социалистического Труда, добившиеся высоких показателей в сельском хозяйстве в течение трех лет подряд после присвоения им звания Героя, награждались второй золотой медалью «Серп и Молот», в их честь на «малой» родине сооружался бронзовый бюст. Тех же героев, кто смог добиться высоких показателей только в течение двух лет после присвоения звания, полагалось награждать орденом Ленина за каждый год.

В ноябре 1960 г., выступая перед участниками декады украинской литературы и искусства в Москве, Хрущев вновь публично высказался на тему награждений. В частности, он заявил: «Я хотел бы поздравить дорогих товарищей, которые получили награды, и тех товарищей, которые не получили награды, но содействовали тем, кто получил их. Если бы всем, кто с торбой стоит, говорили: ну, пидходь, тиби ще? Тогда никто ордена бы не уважал, считал

Статистика награжденных государственными наградами РСФСР–СССР<sup>1</sup> за 1953–1964 гг.

## Statistics on Awarding the state awards in the RSFSR–USSR in 1953–1964

Показатель	1953	1954	1955	1956	1957	1958	1959	1960	1961	1962	1963	1964
Кол-во	457.826	859.623	121.569	287.910	211.727	171.386	20.065	38.087	30.889	22.479	25.364	5.891

<sup>1</sup> Приведены статистические данные только об орденах и медалях СССР, без учета наград, вручавшихся от имени Президиума Верховного Совета СССР, в том числе медалей за заслуги в обороне, взятии и освобождении городов и территорий в период Великой Отечественной войны; юбилейных медалей; медалей за заслуги в решении важнейших народнохозяйственных задач СССР; орденов и медалей для награждения матерей за материнство, медалей за заслуги при исполнении гражданского и служебного долга.

Цифры награждений взяты из развернутых статистических сведений за 1918–1975 гг., подготовленных отделом наград Президиума Верховного Совета СССР (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7523. Оп. 117. Д. 3420). См. также: [Данные о количестве..., 1998, с. 132–157].

бы, что их дают свободно, как картошку. А ведь картошку тоже взвешивают. Я сам по себе знаю, как бывает приятно, когда награждают. Это присуще каждому человеку. Но давайте дадим возможность не каждому определять самому, когда он должен быть награжден и как он должен быть награжден» [Там же, с. 520–521].

В этих страстных филиппиках Хрущева присутствовал не только политический расчет, но и, как следует из его воспоминаний, личный опыт. В 1935 г., после окончания строительства первой очереди Московского метро, Хрущев был впервые награжден орденом Ленина. Ему вручили орден за № 110, что чрезвычайно ему импонировало: «Этот орден учредили в 1930 году и за истекшие пять лет выдали ранее только сто девять его знаков. Вот как скупо награждались тогда этим орденом люди. Тем почетнее считалась награда. Потом орденом Ленина стали награждать чаще и больше, что принизило его значение. Принизило – не значит обесценило. Нет, он высоко ценится и сейчас, но, когда существует больше возможностей получения, он сияет уже не тем блеском и для окружающих, и для награжденных» [Хрущев, 2016, с. 440]<sup>7</sup>.

Хрущев настойчиво продвигал идею ревальвации высоких наград, не только на словах, но и на деле. В качестве одного из вариантов он рассматривал повышение значения медалей за ударный труд. Когда все в том же 1960 г. ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ представили к званиям Героя Социалистического Труда, награждению орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и «Знак почета» 2581 чел. – ударников коммунистического труда, все представленные

были награждены по рекомендации ЦК КПСС только медалями «За трудовое отличие» и «За трудовую доблесть»<sup>8</sup>.

Несомненно, именно с подачи Хрущева ЦК КПСС предлагал в январе 1959 г. шире использовать другие методы морального поощрения помимо орденов и медалей. В полном соответствии с такими взглядами широкое распространение при Хрущеве получило награждение передовиков и победителей социалистического соревнования почетными знаками (знаками) – этими советскими «эрац-орденами».

Следует также упомянуть, что за «славное десятилетие» не было учреждено ни одного нового ордена. Появились лишь три новые медали, вручавшиеся от имени Президиума Верховного Совета СССР: «За освоение целинных земель» (1956 г.), «За спасение утопающих» (1957 г.) и «За отвагу на пожаре» (1957 г.), а также две юбилейные медали: «В память 250-летия Ленинграда» (1957 г.) и «40 лет Вооруженных Сил СССР».

Однако основным способом ревальвации высоких наград стало сокращение численности награждений. Статистика отдела наград Президиума Верховного Совета СССР свидетельствует о резком снижении количества награждений с 1959 по 1964 г. включительно. Тогда в среднем в год награждалось всего около 23 тыс. чел. При этом абсолютный минимум награждений за всю послевоенную историю СССР был весьма символически зафиксирован в последний год нахождения Н.С. Хрущева у власти: в 1964 г. было награждено всего около 6 тыс. чел.

Еще одним фактором, обусловившим минимизацию награждений, была хрущевская ставка на рабочие массы, целые коллективы трудящихся, а не на отдельных героев а-ля Стаханов. Это отчетливо следует из концепта социалистического соревнования, предложенного Хрущевым. В частности, он критиковал

<sup>7</sup> Уильям Таубман приводит несколько иной вариант высказывания Хрущева: «Это был мой первый орден... У меня был орден Ленина с номером где-то около 110. За пять лет только 110 чел. получили орден Ленина! Вот как он высоко ценился. Что ж, так и должно быть: чем больше ценится награда, тем лучше. Потом ордена Ленина начали раздавать направо и налево, и значение этого ордена понизилось» [2008, с. 278].

<sup>8</sup> Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 4. Оп. 16. Д. 825. Л. 4–5.

ВЦСПС и ЦК профессиональных союзов за то, что «чаще всего они занимаются лишь отдельными лицами или небольшими группами передовых рабочих и забывают основную массу участников соревнования»<sup>9</sup>. В результате Хрущеву так и не удалось зримо и красочно персонализировать движение ударников коммунистического труда и создать собственный полноценный миф героев труда<sup>10</sup>.

### ВЫВОДЫ

Таким образом, мы можем утверждать, что взгляды Хрущева на моральное поощрение в виде награждения орденами и медалями СССР определял его пуристический подход. По-видимому, он руководствовался романтическими представлениями утопического свойства, согласно которым все советские трудящиеся поголовно в своих же собственных интересах готовы были приложить максимум сил для выполнения поставленных партией задач, необходимо только донести эту идею до каждого труженика. В таких условиях моральное стимулирование труда в форме массового награждения рабочих, колхозников и служащих казалось Хрущеву не только избыточным, но и вредным, так как вело к профанации и девальвации высоких государственных наград и развращало советские партийно-государственные элиты, которые в погоне за орденами утрачивали скромность и коммунистическую требовательность к себе, забывая о ленинских заветах «бескорыстного служения народу».

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахманаев П.В.* Советская наградная система. М.: Фонд «Русские витязи», 2014. 560 с.
- Бранденбергер Д.* Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, подлитоисвещение и террор в СССР, 1927–1941. М., 2017. 367 с.
- Георгий Жуков. Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы / под ред. В.П. Наумова. М.: МФД, 2001. 820 с.
- Данные о количестве награждений орденами и медалями СССР за период 1918–1964 гг. // Вестн. Архива Президента Российской Федерации, 1998, № 4. С. 132–157.
- Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит / сост. В.Н. Хаустов. М.: МФД, 2012. 752 с.
- Мухитдинов Н.А.* Река времени: от Сталина до Горбачева: Воспоминания. М., 1995. 655 с.
- Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953 – 1964 / сост. О.В. Хлевнюк и др. М.: РОССПЭН, 2009. 774 с.
- Никонова О.Ю.* Воспитание патриотов: Осоавиахим и военная подготовка населения Урала в 1930-е годы. М., 2010. 488 с.
- Дённигхаус В., Савин А.И.* «Смотришь, и Мане, и Тане какой-то «Знак Почёта» попадает». Брежневская «индустрия» награжде-

ний и советское общество // Российская история. 2014. № 2. С. 127–149.

*Савин А.И.* Дефициты брежневской индустрии награждений (1964–1982 годы) // Исторический курьер. 2020. № 5(13). С. 228–237. URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-19.pdf>

*Савин А.И., Пивоваров Н.Ю.* «Два плюс два равно пять?»: социалистическое соревнование как идеологический концепт в послевоенном СССР (1945–1964 годы) // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 149–169. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-13.pdf>

*Сак К.В.* Участники движения Сопротивления во Франции и советская наградная дипломатия (1955–1965 годы) // Исторический курьер. 2021. № 3 (17). С. 135–146. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-15.pdf>

*Таубман У.* Хрущев. М.: Молодая гвардия, 2008. 864 с.

*Хлевнюк О.В.* Советская модель военной мобилизации: приоритеты и методы // Пути к победе. Человек, общество и государство в годы Великой Отечественной войны: материалы XIII Международ. науч. конф. Екатеринбург, 21–24 июня 2021 г. М.: Политическая энциклопедия, 2021. С. 6–14.

*Хрущев Н.С.* Воспоминания. Время. Люди. Власть. М.: Вече, 2016. Кн. 1. 1900 с.

*Хрущев Н.С.* Два цвета времени. Документы из личного фонда Н.С. Хрущева: в 2 т. М.: МФД, 2009. Т. 1 / Гл. ред. Н.Г. Томилиной. 656 с.

*Хрущев Н.С.* Два цвета времени. Документы из личного фонда Н.С. Хрущева: в 2 т. М.: МФД, 2009. Т. 2 / Гл. ред. Н.Г. Томилиной. 880 с.

*Экштут С.А.* «Нам общая слава России солдатской наградой была»: наградная практика времен Великой Отечественной войны. СПб., 2019. 288 с.

*Günther H.* Der sozialistische Übermensch. M.: Gor'kij und der sowjetische Heldenmythos. Stuttgart, 1993. 244 S.

*Sartori R.* Pressefotografie und Industrialisierung in der Sowjetunion: Die Pravda 1925–1933. Berlin, 1981. 337 S.

*Sartori R.* Helden des Sozialismus in der Sowjetunion. Zur Einführung // Sozialistische Helden. Eine Kulturgeschichte von Propagandafiguren in Osteuropa und der DDR. Berlin, 2002. S. 35–44.

### REFERENCES

- Akhmanayev P.V.* (2014). Soviet decoration system. Moscow: Fond Russkiye Vityazi, 560 p. (In Russ.)
- Brandenberger D.* (2017). Propaganda state in crisis. Ideology, indoctrination and terror in the USSR, 1927–1941. Moscow, 367 p. (in Russ.)
- (1998). Data on the number of awarding with orders and medals of USSR in 1918–1964. *Vestnik Arkhiva Prezidenta Rossiiskoy Federatsii*. No. 4, pp. 132–157. (In Russ.)
- Doenninghaus V., Savin A.I.* (2014). “Look, even some Many and Tanya got themselves a “Badge of Honor”. Brezhnev’s industry of decorations and Soviet society. *Rossiiskaya istoriya*. No. 2, pp. 127–149. (In Russ.)
- Ekshtut S.A.* (2014). “General glory of Russia was a soldier’s award for us”: the award practice of the Great Patriotic War. Saint Petersburg, 288 p. (In Russ.)
- Günther H.* (1993). Der sozialistische Übermensch. M. Gor'kij und der sowjetische Heldenmythos. Stuttgart, 244 s.
- Khaustov V.N.* (comp.) (2012). Beria’s case. The verdict is not subject to appeal. Moscow: MFD, 752 p. (In Russ.)
- Khlevnyuk O.V. et al.* (comp.) (2009). Regional policy of N.S. Khrushchev. The Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union and the local party committees. 1953–1964. Moscow: ROSSPEN, 774 p. (In Russ.)
- Khlevnyuk O.V.* (2021). Soviet model of military mobilization: priorities and methods. *Puti k pobede. Chelovek, obshchestvo i gosud-*

<sup>9</sup> РГАНИ. Ф. 3. Оп. 26. Д. 23. Л. 29–30.

<sup>10</sup> Более подробно см.: [Савин, Пивоваров, 2021, с. 149–169]

*darstvo v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: materialy XIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Ekaterinburg, June 21–24, 2021.* Moscow: Political Encyclopedia, pp. 6–14. (In Russ.)

Khrushchev N.S. (2016). *Memories. Time. People. Power.* Moscow: Veche, vol. 1. 1900 p. (In Russ.)

Mukhitdinov N.A. (1995). *River of time: from Stalin to Gorbachev: memoirs.* Moscow, 655 p. (In Russ.)

Naumov V.P. (ed.) (2001). *Georgy Zhukov. Transcript of the October (1957) Plenum of the Central Committee of the CPSU and other documents.* Moscow: MFD, 820 p. (In Russ.)

Nikonova O.Yu. (2010). *Upbringing of patriots: Osoaviakhim and military training of the population of the Urals in the 1930s.* Moscow, 488 p. (In Russ.)

Sak K.V. (2021). *Participants of the Resistance Movement in France and the Soviet decoration diplomacy (1955–1965).* *Istoricheskiy kur'er*, No. 3, pp. 135–146. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-3-15.pdf>]. (In Russ.)

Sartorti R. (1981). *Pressefotografie und Industrialisierung in der Sowjetunion: Die Pravda 1925–1933.* Berlin, 1981, 337 p.

Sartorti R. (2002). *Helden des Sozialismus in der Sowjetunion. Zur Einführung. Sozialistische Helden. Eine Kulturgeschichte von Propagandafiguren in Osteuropa und der DDR.* Berlin, pp. 35–44.

Savin A.I. (2020). *Deficits of Brezhnev's decorations industry (1964–1982).* *Istoricheskiy kur'er*, no. 5, pp. 228–237. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-19.pdf>]. (In Russ.)

Savin A.I., Pivovarov N.Yu. (2021). *“Two plus two equals five?”: Socialist competition as an ideological concept in the post-war USSR (1945–1964).* *Istoricheskiy kur'er*, no. 6, pp. 149–169. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-13.pdf>]. (In Russ.)

Taubman U. (2008). *Khrushchev.* Moscow: Young Guard, 864 p. (In Russ.)

Tomilina N.G. (Ed.) (2009). *Khrushchev N.S. Two colors of time. Documents from the personal fond of Nikita Khrushchev.* In 2 vols. Moscow: MFD, vol. 1. 656 p. (In Russ.)

Tomilina N.G. (Ed.) (2009). *Khrushchev N.S. Two colors of time. Documents from the personal fond of Nikita Khrushchev.* In 2 vols. Moscow: MFD, vol. 2, 880 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.10.2022

Дата рецензирования 12.11.2022

Статья принята к публикации 15.11.2022

DOI: 10.15372/HSS20220407  
УДК 94:001.32(571.14)“1959–1960”

В.А. ВЫБОРНОВА

## ПРЕДПОСЫЛКИ И УСЛОВИЯ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РОСТА ПЕРВЫХ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ НГУ

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,  
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1

Статья посвящена анализу коллективной профессиональной биографии первых преподавателей-почасовиков Новосибирского государственного университета, принятых на работу в 1959–1960 гг. на условиях почасовой оплаты. Они представляли собой самый молодой контингент преподавательского состава, являлись сотрудниками институтов Сибирского отделения Академии наук. Изучение механизмов, условий и результатов профессионализации данной группы является важным аспектом формирования интеграционной научно-образовательной модели, созданной в Новосибирском Академгородке. Сделан вывод о том, что, хотя для данной репрезентативной выборки научной молодежи исследовательская деятельность оставалась приоритетной перед педагогической, вместе с тем созданные в новом научном центре условия для совмещения научной и преподавательской деятельности способствовали общему карьерному росту данной когорты молодежи.

**Ключевые слова:** Новосибирский государственный университет, Сибирское отделение Академии наук, образование, наука, преподавательский состав.

**Для цитирования:** Выборнова В.А. Предпосылки и условия для профессионального роста первых молодых ученых НГУ // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 4. С. 64–70. DOI: 10.15372/HSS20220407.

V.A. VYBORNOVA

## THE FIRST YOUNG SCIENTISTS AT THE NOVOSIBIRSK STATE UNIVERSITY. RESEARCH INTERESTS AND PROFESSIONAL GROWTH

Novosibirsk National Research State University,  
1, Pirogova str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

Novosibirsk State University was established in 1959 in order to prepare personnel for the research centers of the Siberian Branch of the Academy of Sciences organized two years earlier. Its originators were M.A. Lavrentiev, S.A. Khristianovich, S.L. Sobolev, A.V. Nikolaev and others. They selected a group of young scientists among their students of the capital's universities to work at a new scientific center in Siberia. According to the strategy of transferring the educational model of Moscow Institute of Physics and Technology (MIPT) to a new university, the youngest staff of part-time teachers turned out to be mostly formed by recent graduates of MIPT and Moscow State University. This group was employed at the university in 1959–1960 as teachers with hourly pay. Pedagogical work was combined with scientific activity in research institutes of Akademgorodok. The distinguishing features of the university structure can be traced on scientific specialization of young teachers: degrees of candidates of sciences were defended in the field of physical and mathematical, technical and chemical sciences. The author concludes that the young cohort under study effectively realized their scientific and career potential, synchronously going through the shortest possible time to the positions of senior researchers and laboratory heads at research institutions, and from assistants to associate professors at the university.

**Key words:** Novosibirsk State University, Siberian Branch of the Academy of Sciences, education, science, teaching staff.

### ВВЕДЕНИЕ

Новосибирский государственный университет (НГУ) был открыт в 1959 г., его создание традиционно воспринимается в связи с организацией Сибирско-

го отделения Академии наук (СО АН) СССР. «Фактически впервые в российской истории (если не считать Академический университет Петра I) предпринималась попытка сформировать вуз, который и кон-

**Виктория Александровна Выборнова** – исследователь, преподаватель-исследователь, хранитель музейных предметов I категории, Музей истории НГУ, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, e-mail: vybornovavik4@gmail.com. <https://orcid.org/0000-0002-1514-2322>.

**Victoria A. Vybornova** – Researcher, Teacher-Researcher, Curator of Museum, Novosibirsk National Research State University.



цептуально, и административно входил бы в систему академической науки» [Аблажей и др., 2021, с. 118]. История формирования нового университета как части научного центра в Сибири достаточно полно описана в научной литературе [Аблажей и др., 2019; Артемов, 1990; Куперштох, 1999]. Авторы отмечают, что базовой функцией НГУ была подготовка специалистов для НИИ СО АН, исследователей фундаментальной и прикладной науки. Ориентация нового университета на академический комплекс определила его облик, ядром которого стали физико-математические, технические и химические дисциплины как наиболее приоритетные в рамках советской мобилизационной парадигмы организации науки.

Кадровый состав СО АН и НГУ формировался в соответствии с концепцией лидера в конкретной сфере научно-образовательной деятельности. Решившиеся на переезд в Сибирь авторитетные ученые формировали коллектив сотрудников возглавляемых ими институтов, лабораторий, кафедр университета как из соратников по научной тематике, так и учеников, не только из числа уже достигших определенного статуса в научном мире, но и вчерашних выпускников вузов. Перед научной молодежью открывались перспективы стать участниками учебно-научного процесса в новом университете.

Предметом данной статьи выступает процесс профессионального становления молодежной когорты первых преподавателей НГУ. Ученики М.А. Лаврентьева, С.А. Христиановича, А.В. Николаева, Б.В. Птицына, В.М. Шульмана, Б.В. Войцеховского и других известных ученых, прибывшие из Москвы и Ленинграда, со студенческой скамьи проявили инициативность в реализации своих научных интересов. Их динамичный карьерный рост в Академгородке состоялся благодаря возможностям, открывшимся в условиях форсированного и фактически синхронизированного развития СО АН и НГУ. В основу исследования положен просопографический метод воссоздания коллективной биографии когорты научной молодежи как части ее профессиональной жизни на этапе становления новосибирского Академгородка. Возрастной критерий отнесения к научной молодежи для данной статьи определен следующим образом: аспирант, преподаватель, исследователь без ученой степени – в возрасте до 30 лет, работник образовательной или научной организации, имеющий ученую степень кандидата наук, – в возрасте до 35 лет.

#### ПРОФИЛЬ ПЕРВЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ-ПОЧАСОВИКОВ НГУ

Одним из важных принципов работы НГУ было преобладание преподавателей-совместителей в его кадровом составе: «Высокий уровень преподавания

достигался в том числе за счет того, что 90 % преподавателей были действующими учеными и имели степень кандидата или доктора наук» [Аблажей и др., 2019, с. 38]. Такую преференцию высокой доли преподавателей-совместителей ректорату НГУ при содействии руководства Сибирского отделения вплоть до конца 1970-х гг. перед Министерством высшего и среднего специального образования (МВ и ССО) СССР требовалось отстаивать ежегодно. Это создавало ситуацию подвижности, текучести в преподавательском составе университета. Вследствие этого определение точного количества преподавателей представляется сложной задачей, поскольку существуют расхождения в самих источниках. В одних документах фигурировали только штатные сотрудники, в других к ним добавлялись совместители на 0,5 ставки, в третьих – преподаватели, работавшие по условной часовой оплате, в четвертых – все пункты оказывались объединены. Однако некоторую конкретику в сведения о цифрах профессорско-преподавательского состава следует внести: в год открытия университета количество преподавателей составляло всего 18 чел. [Там же, с. 38], во второй год в штате числилось (с учетом штатных совместителей) – 57 чел., среди них заведующих кафедрами было 8 чел., профессоров – 13, доцентов – 18<sup>1</sup>.

Именно первые 28 внештатных сотрудника выступили объектом для данного исследования, поскольку практически все преподаватели-почасовики представляли собой молодое поколение. Отправной точкой данной работы стала справка о преподавателях НГУ, состоявших в 1960/61 учебном году на почасовой оплате, адресованная в МВ и ССО<sup>2</sup>. Дальнейшая программа исследования базировалась на изучении информации из личных дел НГУ. В нее вошли: Антоненко О.М. (утрачено), Антонов Э.А.<sup>3</sup>, Аннин Б.Д.<sup>4</sup>, Бузуков А.А.<sup>5</sup>, Биченков Е.И.<sup>6</sup>, Беляев А.В.<sup>7</sup>, Билута П.А. (утрачено), Волчков Ю.М.<sup>8</sup>, Войтишек В.В.<sup>9</sup>, Воротникова М.И.<sup>10</sup>, Журавлева Л.А.<sup>11</sup>, Истомин В.Л.<sup>12</sup>, Иванов Г.В.<sup>13</sup>, Крамарева Т.В.<sup>14</sup>, Кузнец

<sup>1</sup> Государственный архив Новосибирской области (ГАНО) Ф.1848. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.

<sup>2</sup> Там же. Ф.1848. Оп. 1. Д. 20.

<sup>3</sup> Архив НГУ Ф.Р-1848. Оп. 3. Д. 1.

<sup>4</sup> Там же. Оп. 5. Д. 221.

<sup>5</sup> Там же. Д. 74.

<sup>6</sup> Там же. Д. 918.

<sup>7</sup> Там же. Д. 678.

<sup>8</sup> Там же. Д. 860.

<sup>9</sup> Там же. (Д. – не указ.)

<sup>10</sup> Там же. Оп. 3. Д. 21.

<sup>11</sup> Там же. Д. 10.

<sup>12</sup> Там же. Оп. 5. Д. 40.

<sup>13</sup> Там же. Д. 79.

<sup>14</sup> Там же. Д. 42.

цов В.М.<sup>15</sup>, Качан М.С.<sup>16</sup>, Лукьянчиков Л.А.<sup>17</sup>, Луговцов Б.А.<sup>18</sup>, Ларионов С.А.<sup>19</sup>, Музыкантова З.А.<sup>20</sup>, Митрофанов В.В. (утеряно), Немировский Ю.В.<sup>21</sup>, Похожаев С.И.<sup>22</sup>, Прилепко А.И.<sup>23</sup>, Савельева З.А.<sup>24</sup>, Титов В.М.<sup>25</sup>, Топчян М.Е.<sup>26</sup>, Цецохо В.А.<sup>27</sup>. Утрата трех личных дел может считаться допустимой и не влияет на проведенный анализ. Другим важным источником ресурсом стали сведения, взятые из справочных изданий персонального состава профессоров НГУ на физическом и механико-математическом факультетах [Аблажей и др., 2014; Аблажей и др., 2019]. На этой основе нами сформирована проблемно-ориентированная база данных, где фиксировались год, место получения высшего образования, наличие/защита кандидатской и докторской степеней, область научной специализации, стаж преподавания, поездки с научными и образовательными целями за рубеж.

В справке о преподавателях-почасовиках НГУ в 1960/61 учебном году указано 13 ассистентов и 15 преподавателей. Они являлись сотрудниками следующих кафедр: алгебры и геометрии – 1 чел.; аналитической химии – 1; общей химии – 3; высшей математики – 3; математического анализа – 6; общей физики – 14. Картина распределения преподавателей по кафедрам показала начальный профиль специализации вуза как физико-математического с компонентой химических наук. Поскольку университет только формировался, в 1960 г. преподавателей-почасовиков не оказалось на только открывшихся и еще формирующихся кафедрах – петрографии и минералогии, теоретической механики, газовой динамики, упругости и пластичности, физики, а также на кафедрах, открытых в 1959/60 учебном году, на которых работали только штатные преподаватели – иностранного языка, общественных наук, физического воспитания и спорта.

В качестве основного места работы указывалась научная деятельность в институтах СО АН: 17 чел. были сотрудниками Института гидродинамики (ИГ), 6 – Института математики (ИМ), 5 – Института неорганической химии (ИНХ). 24 чел. работали в должности младшего научного сотрудника (м. н. с.), 3 – яв-

лялись аспирантами и 1 – начальником группы. Молодые ученые начали свою педагогическую работу в НГУ в следующем порядке: одновременно с работой в институтах СО АН – 4 чел., через год после поступления на работу в СО АН – 11 чел., через два года – 7 чел., через три – 1; в обратном порядке (сначала в НГУ, через год в СО АН) – 1 чел. Среди них 2 чел. уже имели опыт преподавания: М.Е. Топчян в Московском физико-техническом институте (МФТИ), Т.В. Крамарева в Ленинградском государственном институте прикладной химии. Очередность поступления на работу в СО АН и НГУ отразила стратегию основателей Академгородка в наполнении молодыми специалистами уже функционирующих институтов в 1957–1958 гг. и позднее – при открытии университета в 1959 г., расширение их круга деятельности за счет добавления к научной работе педагогической. Работа в университете для молодых специалистов заключалась в проведении практических занятий, семинаров, чтении спецкурсов. Совместно со студентами они создавали проекты, участвовали в конференциях, проводили научные эксперименты. Пока студенты учились принимать знания, молодые преподаватели учились их транслировать. В целом жизнь молодых ученых в Академгородке была тесно связана со студенческой. Находясь близко в социальной иерархии в новом научном центре, они вели схожий быт, сталкивались с общим кругом проблем, что порождало атмосферу взаимовыручки, поддержки и способствовало самоорганизации молодежи. В дальнейшем, когда молодые специалисты выросли в крупных научных исследователей и организаторов образовательного процесса, этот первый опыт позволил передать дух демократичности в диалоге преподаватель – студент.

Состав данной группы ученых, судя по сохранившимся 25 личным делам, формировался из выпускников следующих вузов: Московского физтеха – 13 чел.; Московского государственного университета – 6; Ленинградского государственного университета – 3; Ленинградского политехнического института им. М.И. Калинина – 1; Ленинградского технологического института им. Ленсовета – 1; Томского государственного университета – 1. Переезду выпускников столичных вузов способствовало обращение М.А. Лаврентьева в ЦК партии с просьбой упростить переезд в Сибирь принятых ученых и «сделать Академгородок первостепенным местом выбора для молодых ученых, которые закончили ведущие университеты и институты за последние годы» [Josephson, 1997, p. 33]. Контингент был подобран настолько молодой, что четверо поступили на работу в СО АН, будучи студентами МФТИ четвертого и пятого курсов; основная группа (15 чел.) – в год окончания вуза; 6 чел. – от года до 6 лет после окончания вуза. Таким образом, наиболее молодому со-

<sup>15</sup> Архив НГУ. Ф.Р-1848. Оп. 5. Д. 155.

<sup>16</sup> Там же. Оп. 3. Д. 52.

<sup>17</sup> Там же. Оп. 5. Д. 122.

<sup>18</sup> Там же. Оп. 3. Д. 185.

<sup>19</sup> Там же. Оп. 5. Д. 267.

<sup>20</sup> Там же. Д. 485.

<sup>21</sup> Там же. Д. 44.

<sup>22</sup> Там же. Оп. 3. Д. 63.

<sup>23</sup> Там же. Оп. 5. Д. 238.

<sup>24</sup> Там же. Оп. 3. Д. 271.

<sup>25</sup> Там же. Оп. 5. Д. 187.

<sup>26</sup> Там же. Д. 323.

<sup>27</sup> Там же. Д. 995.

труднику СО АН в 1957 г. было 20 лет, самому старшему из данной группы – 27 лет.

#### ТРАЕКТОРИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РОСТА

Следующим шагом в научном росте для 18 молодых ученых стала защита кандидатской диссертации, среди них 14 – в области физико-математических наук; 4 – химических. Другие (10 чел.) либо защитились позже 35 лет, либо не получили степень кандидата наук. В год поступления на работу в СО АН 6 чел. уже имели кандидатскую степень, в первые три года работы в институте Отделения 4 чел. получили кандидатскую степень; в период от 4 до 6 лет работы – 5 чел.; от 7 до 9 лет – 8 чел.; и 1 чел. – через 12 лет. Соответственно, из числа удостоенных степеней 17 чел. получили степень кандидата наук в возрасте до 31 года, 1 чел. стал кандидатом наук в 35 лет. Докторами наук до 35 лет стали А.И. Прилепко и В.М. Кузнецов. Молодые специалисты отчасти пользовались возможностью избежать обучения в аспирантуре, сконцентрировавшись на реализации своих научных интересов в качестве сотрудников в НИИ СО АН и преподавателей НГУ: «Доля специалистов, защитивших кандидатские диссертации путем соискательства, минуя аспирантуру, была высокой и составляла в отдельные годы 55–57 % в общей численности защитивших диссертации» [Куперштох, 1999, с. 72]. Преимущественная направленность преподавания в НГУ в сферах физико-математических наук, очевидно, отражалась именно в наполнении преподавателями – почасовиками кафедр в данных областях. Подтверждается этот факт и одним из способов формирования физико-математических специальностей в НГУ – из студентов, учеников именитых преподавателей старшего поколения. «В середине 1950-х на Физтехе в Долгопрудном Дед (М.А. Лаврентьев) отобрал группу дипломников, около десяти человек, для дальнейшей работы в Сибири. В 1958 г., прямо со студенческой скамьи, Лаврентьев перевез их в щитовые домики Золотой долины...» [Ширков, 2000, с. 116].

Для работы в ННЦ СО АН наличие кандидатской степени давало возможность получить должность старшего научного сотрудника (ст.н.с.) в течение года после защиты, ею воспользовались 16 кандидатов наук из 18. Следующая ступень при успешном ведении научного исследования – набор и управление коллективом научной группы – в возрасте до 31 года заведовать лабораториями в научных институтах из изучавшейся группы получили назначение 7 чел. Для преподавания в университете наличие кандидатской степени позволяло получить должность доцента, т.е. перейти в более высокую категорию совместителей, однако, в силу проблем с

расширением штата преподавателей, о чем говорилось выше, это был несколько затяжной процесс, занимавший от года до 7 лет. Тем не менее к 30-летнему возрасту все 18 ученых, защитивших кандидатские диссертации, получили должность доцента в НГУ; кроме того, ставшие молодыми докторами наук А.И. Прилепко и В.М. Кузнецов вскоре после защиты приступили к преподаванию в должности профессора.

На этом этапе карьерного роста появилась возможность для части молодых специалистов проявить себя в административных должностях, где приходилось сталкиваться с новыми, комплексными задачами еще отстраивающейся образовательной модели НГУ. Так, В.М. Титов вспоминал: «Вернулся я в университет уже в качестве декана физфака в 1968 г., и моя первая задача оказалась не из приятных. Абсурд, но почти треть из восьмиста студентов имела длинные “хвосты”, тянувшиеся семестрами. Примерно в равной пропорции студенты якобы не могли справиться с такими дисциплинами, как английский язык и физвоспитание» [Титов, 1999, с. 97]. Для выхода из сложившейся ситуации, В.М. Титов пересмотрел учебный план по проблемным предметам и облегчил его, поскольку, как выяснилось, многие способные в физике студенты не справлялись с высокой нагрузкой по дисциплинам, далеким от их специальности, в первую очередь с изучением разговорного английского языка. Однако молодой декан «ставил более скромную задачу – я обязан выпустить именно физиков с умением прежде всего читать свою научную литературу по-английски. Именно читать, а не говорить. Выявленную закономерность удалось доказать на статистике. С физвоспитанием было, естественно, гораздо проще» [Титов, 1999, с. 97]. В.М. Титов работал в должности декана физического факультета (1968–1972), также административные должности в возрасте до 35 лет занимали: Е.И. Биченков – на посту проректора по учебной работе (1967–1973), Б.Д. Аннин – заместителя декана ММФ (1966–1970).

Для полноты картины следует указать, что среди изучаемого списка ученых имел место и определенный отток из числа преподавателей НГУ. Так, в течение первого года работы в силу различных причин уволились 4 чел., в следующие 10 лет – еще 8 чел. Среди них те, кто возвращались в Москву: так, А.И. Прилепко был переведен для преподавания в МИФИ, С.И. Похожаев – в Московский энергетический институт и др. Далеко не каждое увольнение означало переезд в другой город, чаще молодые специалисты продолжали работать в Научном центре СО АН, оставив по разным причинам работу в НГУ. Также были примеры, когда молодой человек прекращал преподавание в университете, а спустя несколько лет возобновлял его.

Коллективная биография данной группы позволяет выявить усредненную траекторию карьерного пути в СО АН и НГУ. Молодые люди получали аттестат о высшем образовании обычно в 22 года. От окончания университета до перевода в СО АН на должность лаборанта проходил год, еще через год молодых сотрудников переводили на должность м. н. с., что позволяло принимать их на работу в НГУ в качестве ассистента. Одновременно обучались в аспирантуре – либо заочно в столичных вузах, либо в институтах ННЦ. Защиты кандидатской диссертации проходили преимущественно в 27–29 лет, после чего ученых повышали в должности в институтах до ст. н. с. Как только появлялась новая вакансия доцента в НГУ в связи с открытием новых кафедр либо освобождением уже имеющихся мест, они занимали должность доцента. Таким образом, к 31 году молодые ученые, получившие возможность работать в СО АН и НГУ, имели должности ст. н. с. и доцента соответственно.

#### ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА РАБОТЫ В НГУ

Вместе с перспективой карьерного роста университет давал молодым преподавателям возможность творческой реализации своих научных знаний через прочтение авторских спецкурсов. Получив степень кандидата наук, молодые ученые могли преподавать материалы своей более узкой научной специализации. В.Л. Истомин вел спецкурс по взрывчатым веществам; А.В. Беляев – по кинетике реакций замещения; В.М. Кузнецов – по гидродинамике идеальной жидкости; В.В. Митрофанов – по теории детонации; Ю.В. Немировский – по упругому и неупругому поведению многофазных материалов; А.И. Прилепко – по нелинейным интегральным уравнениям и обратным краевым задачам теории потенциала и т.д.

В редакционно-издательских отделах Новосибирского научного центра (ННЦ) СО АН и НГУ печатались научные статьи и доклады на конференциях как самостоятельные, так и в соавторстве с именитыми учеными, а также монографии, учебные пособия. Например, В.В. Митрофанов, М.Е. Топчиян в соавторстве с Б.В. Войцеховским опубликовали научный труд «Структура фронта детонации в газах», М.И. Воротникова в соавторстве с Р.И. Солоухиным – «Расчет пульсаций газовых пузырьков в несжимаемой жидкости под действием периодически изменяющегося давления»; Е.И. Биченков издал пособие для учащихся физико-математической школы.

Имеются примеры, когда молодые специалисты занимались переводами иностранной научной литературы, участвовали в международных конференциях с докладами. Так, В.В. Митрофанов совместно с

другими учеными участвовал во Второй Международной конференции Организации Объединенных Наций по применению атомной энергии в мирных целях в 1958 г. с докладом «Применение методов ядерной спектроскопии к дозиметрии бета-гамма-излучений». В.А. Цецохо совместно с В.О. Сергеевой перевел научный труд французского исследователя Р. Латтерса «Метод квазиобращения и его приложения». Книга вышла под редакцией М.А. Лаврентьева. В личном деле в графе «выезд за рубеж» В.М. Кузнецов и М.Е. Топчиян указали «посещение Франции с научной целью». Один из учеников М.А. Лаврентьева Д.В. Ширков вспоминал: «Другим подобным мероприятием была туристская групповая экскурсия из строящегося Академгородка в Париж весной 1961 г. М.А. пригласил в эту двухнедельную поездку около десяти своих ближайших сподвижников вместе с женами» [Ширков, 2000, с. 116]. Другие представители группы в рамках научных командировок в первые годы работы в СО АН посещали Румынию, Венгрию, Польшу.

Следует также отметить и финансовые преимущества работы в университете. В лицевых счетах за 1959 г. указаны следующие заработные платы преподавателей-почасовиков в зависимости от нагрузки: за 46 ч работы – 409 руб. (М.С. Качан), за 36 ч – 323 руб. (В.А. Цецохо), за 30 ч – 271 руб. (П.А. Билута, М.Е. Топчиян, Л.А. Лукьянчиков), за 20 ч – 183 руб. (С.И. Похожаев)<sup>28</sup>. Фактически час работы в университете для молодого специалиста оплачивался 10 руб. без учета налогов. Заработная плата 1:10 до денежной реформы СССР с деноминацией в 1961 г. была адекватна последующей 1:1. В 1962 г. ставка за 1 час работы преподавателя-почасовика составляла 1 руб., в зависимости от количества часов молодые специалисты получали около 20–40 руб. в месяц<sup>29</sup>. Преподаватели-почасовики принимались на работу на определенную нагрузку, которую должны были отработать за учебное полугодие/год. Допустим, нагрузка 240 ч распределялась на учебный год, соответственно, выплачивалась зарплата приблизительно 27 руб. в месяц. Для сравнения в приказе от 25 декабря 1962 г. указаны следующие заработные платы для штатных сотрудников университета: доцентам Б.В. Чирикову, Л.Л. Ваньяну, А.С. Рудакову установить оклад по 140 руб. в месяц; профессорам М.М. Лаврентьеву, Ю.Г. Решетняку – 200 руб. в месяц; профессору С.М. Белоносову – 225 руб. в месяц; Заведующим кафедрами Г.И. Будкеру, Г.Б. Бокию, А.П. Окладникову, А.И. Тайманову, Б.В. Войцеховскому – 250 руб. в месяц<sup>30</sup>.

<sup>28</sup> Архив НГУ Ф.Р-1848. Оп. 2. Д. 6.

<sup>29</sup> Там же. Д. 49.

<sup>30</sup> Там же. Д. 11.

В первые годы работы университета сформировалась сложная совокупность официальных выплат и личных договоренностей, поэтому говорить о реальных заработках крайне затруднительно. Например, в лицевом счете Г.И. Будкера за 1959 г. есть приписка от руки об удержании 1/3 зарплаты по личной просьбе в счет четырех ассистентов. Заработная плата Г.И. Будкера в 1959 г. в месяц составляла 1125 руб. из которых он получал на руки 375 руб.<sup>31</sup>. Остальные средства распределялись между его учениками. Вместе с тем воспоминания В.М. Титова содержат заметки о неоплачиваемой работе: «В поселке “Золотая долина” разместились на зиму около 50 сотрудников с семьями, и почти две трети из них вели занятия со строителями в вечернее время (исключительно на общественных началах)» [1999, с. 96].

Общая картина распределения финансов показала стандартные цифры заработных плат для СССР 1960-х гг. Тем не менее вынужденные сбои в финансировании на первых порах, медленное установление договоренностей с Министерством высшего и среднего образования, ССО, борьба за высокий процент преподавателей-почасовиков высветили веру в общее дело, альтруизм, высокие моральные принципы участников становления проекта СО АН – НГУ. Р. Курант, лидер американской делегации, посетившей Академгородок в 1963 г., после общения с советскими коллегами сделал следующее заключение: «основным стимулом для ученых переехать в Новосибирск были не денежные средства, а уникальная стимулирующая научная атмосфера» [Shields, 2016, p. 583].

#### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключительной части попытаемся расширить хронологические границы анализа и посмотреть на дальнейший карьерный рост первых молодых преподавателей НГУ. Так, 15 чел. стали докторами наук, профессорами разных вузов страны, из них: 2 – действительными членами Академии наук (Б.Д. Аннин, В.М. Титов), 2 – получили звание почетный профессор НГУ (В.М. Титов, М.Е. Топчий); 11 ученых связали свою жизнь с СО АН и НГУ; 6 чел. успешно совмещали педагогическую и административные должности в НГУ, исполняя в разное время обязанности заведующих кафедрами, декана, их заместителей, проректора (Е.И. Биченков). Под их руководством всего защищено более 130 кандидатских диссертаций, более 40 докторских, из-под их пера вышло около 2 тыс. научных публикаций.

Таким образом, соглашаясь на работу в СО АН, молодые специалисты получали возможность двой-

ного ангажирования: в научной практике в ННЦ и в педагогической – в НГУ. Их профессиональный путь был динамичным и преимущественно успешным, «Новая среда Новосибирского Академгородка способствовала реализации новых возможностей научного сообщества» [Куперштох, Крайнева, 2019, с. 294]. Молодая когорта ученых показала несколько путей развития, самым успешным из которых стала эффективная реализация ими своего научного и карьерного потенциала – за короткий срок был пройден путь от должности лаборанта к заведованию лабораторией в научно-исследовательских институтах и путь от ассистента до доцента в университете. Другими вариантами развития событий стали – отъезд из Новосибирска и возвращение в столичные вузы либо научные центры; увольнение из НГУ по разным причинам при сохранении работы в ННЦ СО АН. Тем не менее в первые годы становления СО АН – НГУ был заложен беспрецедентно высокий потенциал для формирования новой академической среды в научном центре и профессорской – в университете.

Развитие научно-исследовательских институтов происходило стремительнее и обширнее, чем становление университета, который стал своего рода калькой происходивших в СО АН процессов. Кадровое наполнение институтов гидродинамики, математики, неорганической химии повлекло за собой открытие аналогичных специальностей в университете как базовых в начале его становления. Физико-математические, технические и химические науки, как приоритетные, вписывались естественным образом в концепцию открытия СО АН – создание комплексного научного центра, опирающегося на современную промышленность и решающего актуальные задачи в рамках стратегии СССР.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аблажей Н.Н., Водичев Е.Г., Красильников С.А. Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019). Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. 403 с.

Аблажей Н.Н., Водичев Е.Г., Красильников С.А. Университет и Академия наук: pas de deux в ритмах эпохи // Социология науки и технологий. 2021. Т. 2, № 1. С. 113–135.

Артемов Е.Т. Формирование и развитие сети научных учреждений АН СССР в Сибири, 1944–1980 гг. Новосибирск: Наука, 1990. 185 с.

Куперштох Н.А. Кадры академической науки Сибири (середина 1950-х – 1960-е гг.). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999. 149 с.

Куперштох Н.А., Крайнева И.А. История новосибирского Академгородка через призму биографий ученых-основателей институтов и научных направлений // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2019: сб. стат. Иркутск: Байкал. гос. ун-т, 2019. С. 292–299.

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Физический факультет. Профессора. Персональный состав, 1961–2014 гг. / сост. Н.Н. Аблажей, С.А. Красильников, С.Н. Ушаков. Новосибирск, 2014. 539 с.

<sup>31</sup> Архив НГУ. Ф.Р-1848. Оп. 2. Д. 6.

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет. Механико-математический факультет. Профессора. Персональный состав, 1961–2016 гг. / сост. Н.Н. Аблажей, С.А. Красильников, Г.З. Морозова. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. 593 с.

Титов В.М. Наука не терпит суеты // Наука. Академгородок. Университет. Новосибирск, 1999. Вып. 1., С. 95–103.

Ширков Д.В. Он был из породы преобразователей // Век Лаврентьева. Новосибирск: Изд-во СО РАН, фил. «Гео», 2000. С. 111–118.

Josephson P.R. New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science. Princeton (N.J.): Princeton univ. press, Cop. XXII, 1997. 351 p.

Shields B. Mathematics, Peace, and the Cold War: Scientific Diplomacy and Richard Courant's Scientific Identity // Historical Studies in the Natural Sciences. Vol. 46, N. 5. 2016. P. 556–591.

#### REFERENCES

Ablazhey N.N., Krasilnikov S.A., Ushakov S.N. (comp.) (2014). Novosibirsk National Research State University. Faculty of Physics. Professors. Personnel, 1961–2014. Novosibirsk, 539 p. (In Russ.)

Ablazhei N.N., Vodichev E.G., Krasil'nikov S.A. (2019). Novosibirsk State University: Creation, formation, development (1959–2019). Novosibirsk, IPTs NGU, 403 p. (In Russ.)

Ablazhey N.N., Vodichev E.G., Krasilnikov S.A. (2021). University and Academy of Sciences: pas de deux in the rhythms of the epoch. Sotsiologiya nauki i tekhnologii. Vol. 12, no. 1, pp. 113–135. (In Russ.)

Artemov E.T. (1990). Formation and development of a network of scientific institutions of the USSR Academy of Sciences in Siberia, 1944–1980. Novosibirsk, Nauka, 185 p. (In Russ.)

Josephson P.R. (1997). New Atlantis revisited: Akademgorodok, the Siberian city of science. Princeton (N.J.), Princeton univ. press, Cop. XXII, 351 p.

Kupershtokh N.A., Kraineva I.A. (2019). The history of Novosibirsk Akademgorodok through the prism of biographies of scientists – founders of institutes and scientific directions. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik*. Irkutsk, pp. 292–299. (In Russ.)

Kupershtokh N.A. (1999). Cadres of academic science of Siberia (mid-1950s–1960s). Novosibirsk, Izd-vo Sib. otd-niya RAN, 149 p. (In Russ.)

Novosibirsk National Research State University. Faculty of Mechanics and Mathematics. Professors. Personnel, 1961–2016. (2019). Comp. Ablazhey N.N., Krasilnikov S.A., Morozova G.Z. Novosibirsk, 593 p. (In Russ.)

Shields B. (2016). Mathematics, Peace, and the Cold War: Scientific Diplomacy and Richard Courant's Scientific Identity. *Historical Studies in the Natural Sciences*. Vol. 46, No. 5, pp. 556–591.

Shirkov D.V. (2000). He was from the breed of converters. *Vek Lavrent'eva*. Novosibirsk, pp. 111–118. (In Russ.)

Titov V.M. (1999). Science does not tolerate fuss *Nauka. Akademgorodok. Universitet*. Novosibirsk, issue 1., pp. 95–103. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.08.2022

Дата рецензирования 26.09.2022

Статья принята к публикации 06.10.2022

DOI: 10.15372/HSS20220408  
УДК 655.4/.5(571.14)"2010/2022"

А.С. МЕТЕЛЬКОВ

## АЛЬТЕРНАТИВНОЕ КНИГОИЗДАНИЕ В НОВОСИБИРСКЕ (2010-е – НАЧАЛО 2020-х гг.)

Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,  
РФ, 630102, Новосибирск, ул. Восход, 15

Статья посвящена феномену альтернативного книгоиздания, получившему широкое распространение в Новосибирске в 2010-х – начале 2020-х гг. Автор приводит основные причины, лежащие в основе этого явления на современном этапе, предпринимает попытку типологии деятельности независимых издателей, подробно рассматривает основные типы продукции альтернативных издательств с учетом баланса текстовой и визуальной составляющих (литературное издание, продукт совместной деятельности поэта и художника, «книга художника») и прогнозирует пути дальнейшего развития указанного сектора книжной культуры в контексте взаимодействия официального и неофициального ее сегментов. В статье представлен широкий круг деятелей современного независимого книгоиздания (литераторы, художники, издатели) и их предшественников.

**Ключевые слова:** самиздат, альтернативное книгоиздание, независимое книгоиздание, неофициальная культура, андеграунд, зин, «книга художника».

**Для цитирования:** Метельков А.С. Альтернативное книгоиздание в Новосибирске (2010-е – начало 2020-х гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 4. С. 71–78. DOI: 10.15372/HSS20220408.

A.S. METELKOV

## ALTERNATIVE BOOK PUBLISHING IN NOVOSIBIRSK (2010s – EARLY 2020s)

State Public Scientific Technical Library SB RAS,  
15, Voshod str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation

A full-fledged subculture of modern independent book publishing with its own system of communications between small communities, its structure, active actors, and an established system of locations and events has developed in Novosibirsk by the early 2020s. Main reasons for this phenomenon are the following: increased availability of publishing tools and technologies, low developed infrastructure of book publishing in the province, “polarization” of cultural space, formed close community of poets and artists, relation of book publishing and book distribution with the event series, as well as rapid development of Internet and digital excess of content. Books published independently by poets or artists were an infrequent phenomenon and traditions of classical samizdat were lost in the 2000s – early 2010s. However, alternative publishing projects have begun to appear more frequently since about the mid-2010s. Some of them are purely literary publications, the easiest to issue and reproduce. For the other part, made in the genre of “the artist’s book”, replication is difficult or not possible at all. Finally, at the crossing of these two directions, there are books made by writers in collaboration with artists and representing unique syncretic products of joint creativity. Due to the fact that the informal segment of book culture often gives more interesting results of creative work, not constrained by any framework, there has been a trend to institutionalize alternative projects by the late 2010s – early 2020s. Government structures, cultural centers, libraries and other institutions are interested in this. Thus, the structure of the cultural field in Novosibirsk, which began to be divided into vertical (official) and horizontal (unofficial) systems since the early 2000s, has become more complicated, and there has been a “diffusion” of cultural processes, events, personalities between the official and unofficial sectors.

**Key words:** samizdat, alternative book publishing, independent book publishing, unofficial culture, underground, zine, “the artist’s book”.

---

Антон Сергеевич Метельков – канд. ист. наук, научный сотрудник, заведующий сектором самиздата и нетрадиционной печати, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: mantoon@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6591-110X>.

Anton S. Metelkov – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Head of the Sector of Samizdat and Non-Traditional Printing, State Public Scientific Technical Library SB RAS.

## ВВЕДЕНИЕ

Альтернативное книгоиздание конца XX – начала XXI в. в Сибири входит в круг интересов известных специалистов (см. напр.: [Посадсков, Пронина, 2005; Пронина, 2006; Бобкова, 2016; Лизунова, Савенко, 2018; Савенко, 2019]) и справедливо рассматривается, с одной стороны, в русле переосмысления традиций классического самиздата советского времени, а с другой – как более широкое явление, на каждом историческом отрезке обладающее своими специфическими особенностями. Однако ввиду неустоявшихся границ явления, его постоянных трансформаций в стремительно меняющемся информационно-коммуникационном поле, а также неоднородности культурной среды изученность его современного состояния представляется слабой.

Рубеж 2010–2020-х гг. отмечен всплеском альтернативного книгоиздания в Новосибирске. Около 100 авторских книг, выпущенных за несколько лет местными издателями, было представлено на выставке «Бук-арт: книгоиздание как самоорганизованная практика» (2021)<sup>1</sup>. На фестивале современного самиздата «Корешки» (2022) ассортимент изданий был еще шире<sup>2</sup>.

Среди объективных предпосылок возникновения указанного феномена следует назвать как традиционные (дефицит существующих издательских ресурсов, деление культурного поля на официальный и неофициальный секторы), так и новые, вызванные сменой цивилизационной парадигмы (доступность технических и технологических средств книгоиздания, перенасыщенность информационного пространства цифровым контентом, оттеснение на периферию культурного поля фигуры посредника между автором и потребителем). К субъективным предпосылкам можно отнести формирование насыщенной среды неофициального искусства и пронизанного перекрестными связями профессионального сообщества литераторов и художников. Прецеденты плотного взаимодействия литературного и художественного сообществ существовали в мировой культуре ранее (французский модернизм и русский футуризм начала XX в., московский концептуализм второй половины XX в. и др.) и в большинстве случаев оставили значительный след. В данной статье феномен альтернативного книгоиздания рассматривается именно в контексте издательской деятельности малых культурных сообществ.

<sup>1</sup> Маркова Е. Архивы самиздата 60-х впервые рассекретили в Новосибирске // VN.RU (22.09.2021). URL : <https://vn.ru/news-arkhivy-samizdata-60-kh-vpervyye-rassekretili-v-novosibirsk/> (дата обращения: 04.07.2022).

<sup>2</sup> Мезенов С. Братство всех со всеми: Как прошел фестиваль художественного самиздата «Корешки» // Мастера Сибири (24.05.2022). URL: <https://makersofsiberia.com/zhurnal/ /koreshki.html> (дата обращения: 04.07.2022).

## ИСТОКИ СОВРЕМЕННОГО АЛЬТЕРНАТИВНОГО КНИГОИЗДАНИЯ В НОВОСИБИРСКЕ

Периоды плотного сотрудничества поэтов и художников были характерны для Новосибирска на всем протяжении XX в. (см. напр.: [Муратов, 2009, с. 93; Ибрагимова, 2005, с. 148–158]). В неофициальном искусстве наиболее ярко это проявлялось с 1980-х гг., когда установку на сочетание различных художественных средств в области самиздата последовательно воплощали Е. Иорданский и О. Волов.

Поэт и архивариус неподцензурной литературы Е. Иорданский занимался самиздатом еще в 1970-е гг., проживая в Братске. В середине 1980-х гг. он переехал в с. Сокур Новосибирской области, где продолжил свою деятельность [Савенко, 2017, с. 345–346]. Особый интерес среди многочисленных томов, подготовленных Е. Иорданским к печати, представляет серия альманахов «ЛЕС» («Левая Сибирь»), объединяющая тексты ведущих сибирских поэтов 1960–1980-х гг., в том числе редкие и неканонические их варианты. Вокруг Е. Иорданского сформировалась Сокурская школа, к которой можно отнести его сына Г. Иорданского, а также В. Веркутиса, К. Андреева, А. Холмогорова и др. Безусловным лидером этой школы был исповедовавший «философию тетражизма» [Иорданский, 2017, с. 39–40] поэт А. Маковский, который подолгу жил в Сокуре [Иванов, 2014, с. 97–98]. Ярким примером взаимодействия поэтов и художников в рамках этого объединения стал альманах «Бог в помощь!», оформленный на отдельных неброшюрованных листах с фотографиями в духе социалистического реализма на тыльной стороне каждого листа. На лицевой стороне листов графика сокурских художников соседствовала со стихами неподцензурных поэтов Сибири и других регионов страны. Оформление прочих изданий, подготовленных Е. Иорданским и его кругом, как правило, также включало элементы графики и коллажа.

Другим важным действующим лицом в истории литературно-художественного самиздата Новосибирска стал художник, поэт и коллекционер О. Волов. Он являлся основателем «блуждающей» галереи «17 невидимок» и товарищества «Блюмкин приют»<sup>3</sup>, выпускавшего альманахи «Бестиарий» (1984–1985), «Зелень» (1988–1991) и «Архив. По следам русскоязычных поэтов» (2001–2002) [Иванов, 2015, с. 32]. К кругу О. Волова в 1980–1990-е гг. примыкали многочисленные андеграундные поэты, художники и музыканты (Ю. Пивоварова, Д. Федяев, В. Веркутис, В. Сенатор, Ф. Лютов, Е. Селиванова и др.)<sup>4</sup>. Для ав-

<sup>3</sup> Пивоварова Ю.Л. Шум потенциала // Вечерний Новосибирск. 1993. 21 окт.

<sup>4</sup> Волов О.Б. Провинциальная хроника // Гуманитарный фонд. 1993. № 16.



торов указанного сообщества характерно стремление к переплетению вербальных и невербальных выразительных средств, нацеленность на синкретизм. Название альманаха «Зелень» и помощь в его печати были предложены О. Волову А. Цейтлинным – участником клуба «Действие-Сюр», на базе которого в конце 1980-х гг. издавался самиздатский журнал «Клавесин». Отдельно следует назвать тандем «Вахтанг и Видоплясов» (В. Куст и Г. Каплан), участники которого, присоединившиеся к сообществу Волова через посредничество редактора рок-журнала «Магазин» В. Колобова [Кушнир, 2021, с. 156], также занимались авторским самиздатом с акцентом на визуальной составляющей.

Рок-самиздат играл значительную роль в 1980–1990-е гг., сочетание текстов и графики широко использовалось как в магистральных («Тусовка») [Рок-самиздат, 2021, с. 154–155], так и в более маргинальных («Муха», «Мурзинка. Б.У. Гайкин» и др.) его проявлениях [Кушнир, 2021, с. 149–157]. Среди предвестников современного альтернативного книгоиздания в Новосибирске уместно упомянуть альманах «Сюр-Приз», три номера которого вышли в новосибирском Академгородке в конце 1980-х гг. Издателями альманаха выступали О. Зверев и И. Нургалиев, а публиковались в нем известные в андеграундных кругах сибирские поэты (Е. Летов, Ю. Пивоварова) и художники (Е. Селиванова). В стилистике, опиравшейся на свободные принципы рок-культуры, были созданы авторские книги А. Курченко и М. Зонина (товарищество «Космонавт», основанное в 1995 г.) – художников, уделявших большое внимание текстовой составляющей своих произведений. Однако для них издательская деятельность была периферийной, вписываясь в общую картину «карнавализации» быта.

Основным ориентиром для современных новосибирских деятелей альтернативного книгоиздания стал А. Щетников и его Артель «Напрасный труд». С конца 1990-х гг. А. Щетниковым издано более 100 разнообразных книжек – его собственного авторства, переведенных им испанских (Ф.Г. Лорка, Х.Р. Хименес), латиноамериканских (Х.Л. Борхес, П. Неруда, С. Вальехо), американских (Г. Снайдер, А. Гинзберг, Ч. Буковски, Л. Ферлингетти и др.) авторов, а также сибирских (Е. Минияров, Ю. Пивоварова, С. Михайлов, А. Жданов, В. Иванів, С. Тиханов и др.) и московских (Вс. Некрасов, С. Гандлевский) поэтов и прозаиков. Многие книги были созданы в сотрудничестве с художниками из разных городов России (К. Скотников, О. Таирова, И. Кузнецова, И. Шерко, В. Курилов, О. Анчарова и др.). Тираж каждой книги формата А5 составлял от 50 до 200 экз. Деятельность Артели «Напрасный труд» продолжается и в 2020-е гг.

Е. Иорданский и О. Волов продолжали заниматься издательским делом в 1990-е и 2000-е гг.

В 1996–1997 гг. они сотрудничали с К. Ивановым, при помощи матричного принтера выпускавшим в Академгородке литературный журнал «Верхняя зона». В 2010-е гг. Е. Иорданский издал две собственные книги (2015, 2017), одна из которых посвящена А. Маковскому, и книги стихов М. Степаненко (2013) и А. Денисенко (2019). О. Волов (до своей смерти в 2015 г.) подготовил несколько проектов антологий сибирской поэзии и опубликовал под эгидой информационного форума «Интерра» «книжку с картинками» МАКOVSCiY (2011), в которой его игры со шрифтами и версткой получили свое развитие.

#### ЛИТЕРАТУРОЦЕНТРИЧНАЯ ВЕТВЬ НЕЗАВИСИМОГО КНИГОИЗДАНИЯ

Количество издательств, занимающихся некоммерческой литературой, в современной России невелико, и возможности провинциальных поэтов и прозаиков напечататься в столичных издательствах очень малы. Литературно-художественные журналы, традиционно представлявшие публикационное пространство широкому спектру авторов, постепенно оттесняются на периферию коммуникационного поля. Отсутствие в Новосибирске действующей издательской программы [Посадсков, 2019, с. 6] в сочетании с наличием большого количества авторов высокого уровня привело к тому, что издательской деятельностью стали заниматься сами авторы.

Одним из пионеров этого направления стал поэт О. Полежаев, основавший в 2011 г. общество неформальной печати iZZdat. Сначала им было выпущено 9 книжек формата А8 со стихами новосибирских поэтов, еще 3 книги того же формата сделаны под заказ. Отдельно в виде школьной тетради издана рукописная книга О. Левской «Ибонадо» (2014). Затем вышли 2 номера альманаха актуальной сибирской поэзии «Между» (2015, 200 экз.; 2017, 150 экз.) и книга стихотворений А. Жданова «Некрополь» (2019, 150 экз.). После этого издательство, не оправдавшее коммерческих надежд основателя, находится в «замороженном» состоянии.

В 2015–2016 гг. поэт М. Немцев запустил серию «Н-ская поэтика». В ней вышли два сборника: книга «Смерти никакой нет» (с участием И. Полторацкого, М. Немцева и Д. Королева) была откликом на гибель писателя В. Иваніва, а книга «Это будет бесконечно смешно» (к трем авторам первого выпуска присоединился А. Жданов) стала своеобразным продолжением первой книги. Оба сборника были оформлены И. Солзой-Кузнецовой и напечатаны в Москве, тираж каждого из них составил 120 экз.

В 2015 г. был основан журнал «Реч#порт», задачей которого стала рефлексия по поводу культурной жизни Новосибирска. У истоков издания стояли поэты И. Полторацкий, М. Моисеев, Д. Королев, худож-

ница И. Солза-Кузнецова и др. Тексты «Реч#порта» публикуются на интернет-платформе «Сигма», а по итогам года печатается бумажный номер журнала. К 2022 г. вышли в свет номера за 2015–2019 гг. (тираж 50–100 экз., а также допечатки). Журнал следует традициям самиздата, публикуя крайне редуцированные выходные данные.

В 2016 г. поэт и основатель группы «Бухенвальд Флава» Д. Гусев начал издавать под брендом «Подснежник» стихи и прозу авторов, удаленных от мейнстрима. В 2016–2022 гг. издательством выпущено 13 книг, среди которых две книги самого Д. Гусева, а также книги М. Немирова, А. Бренера, Н. Романовой, В. Козлова и другие издания (стартовый тираж каждого издания – 500 экз.). По исполнительской манере книги приближены к продукции крупных издательств.

Указанные издательские проекты, а также выпуск отдельных книг новосибирских авторов (М. Немцева, О. Копылова, О. Полежаева, К. Кармалиты, А. Дурасова, И. Полторацкого и др.) в 2010-е гг. послужили основой для дальнейшего развития независимого литературно-художественного книгоиздания в городе.

#### СОТРУДНИЧЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ И ХУДОЖНИКОВ

Традиционные для культурных сообществ контакты между поэтами и художниками на горизонтальном уровне [Ковтун, 2014, с. 28–29] стали одной из причин появления в Новосибирске в конце 2010-х гг. ряда издательских проектов.

Одной из первых инициатив с осознанным планированием издательской стратегии стала Трудартель «На дне» во главе с художником А. Кармановым. Книги Трудартели печатались, сшивались и оформлялись в домашних условиях; издательские возможности реализовывались в тесной связи с выставочной, перформативной и исследовательской деятельностью архитектурно-художественной коммуны «На дне». Ее издательский репертуар включал: работы А. Гастева и тексты, посвященные первым послереволюционным домам культуры; репринты Э. Енчмена, В. Шкловского, Ю. Тынянова, «ЛЕФа» и «Неизвестной архитектуры Новосибирска»; переводы канонических произведений П.П. Пазолини, Г. Стайн, Ж. Батая, Г. Дебора, Дж. Грасси, И. Щеглова; переиздания стихов Вс. Некрасова, Е. Миниярова, А. Маковского, И. Овчинникова, А. Денисенко, С. Михайлова, Ю. Пивоваровой, А. Жданова; работы Вяч. Мизина и О. Кулика; проза В. Ридоша и других (тираж изданий – от 1 до 70 экз.). Издательская деятельность Трудартели «На дне» стартовала в 2017 г. и постепенно исчерпала себя к началу 2020-х гг. Направленность проектов Трудартели позволяет говорить о том, что они оказались наиболее приближены к классиче-

скому самиздату, т.е. к тиражированию и распространению чужих текстов, которые инициаторы этого процесса считали необходимым донести до единомышленников [Даниэль, 2005, с. 17].

Еще одним издательством, наследующим традиции самиздата, стала свободная издательская инициатива «Здесь.», основанная в 2017 г. С. Одаренко. Первые издания «Здесь.» представляли собой небольшие промо-книги новосибирских (преимущественно) поэтов, макеты которых могли быть распечатаны как издателем, так и самим автором. Было подготовлено несколько десятков книг формата А5. В сотрудничестве с Е. Шадринной-Шестаковой и другими художниками (В. Яковлева, А. Магзянова, С. Ивкин) была запущена серия «Поэзия на просвет». В книгах этой серии рисунки, выполненные на прозрачной бумаге, накладывались на поэтические тексты, что работало как дополнительное средство выразительности. В серии вышли книги С. Одаренко, И. Полторацкого, А. Жданова, А. Дурасова, С. Васильева, О. Левской и др. Кроме указанных изданий, а также мемориального сборника «Город Иванів», книга С. Шубы, Вяч. Ковалевича, В. Иткина и других авторов, в рамках инициативы «Здесь.» стали с коммерческими целями издаваться книги, уровень которых не соответствовал заданной планке. Пик деятельности издательства пришелся на 2017–2019 гг., к 2021 г. оно фактически приостановило работу.

Взаимодействие между художественными сообществами Новосибирска привело к появлению в 2019 г. азбуки «О себе и о Сибири», авторами которой стали художница И. Бутковская («На дне») и поэты, относящиеся к кругу литературной Студии 312 (С. Шуба, В. Шатовкин, И. Полторацкий, С. Васильев, А. Верхов, В. Яковлева, Ю. Шкуратова и др.). Азбука вышла тиражом несколько экземпляров, каждый из которых отличается особым способом брошюровки. В 2020–2021 гг. на базе Студии 312 начался выпуск книг серии «Снег». Первые четыре книги этой серии (двусторонние книги-клепсидры) были изданы на средства гранта Новосибирского библиотечного общества (НБО) «Я – автор!» тиражом 200 экз. каждая. В них включены стихи 8 новосибирских поэтов (С. Михайлов, Ю. Пивоварова, Л. Серебряная, В. Шатовкин, Д. Валова и др.) и фотографии Вяч. Ковалевича. Несмотря на наличие государственной поддержки, серия наследует эстетике самиздата: в выходных данных обозначены только имена авторов и название серии. Впоследствии тиражи допечатывались издателями самостоятельно, были выпущены книги со стихами тюменца В. Богомякова и новосибирца В. Иванова.

Мастерская книги «Подкованный осел», организованная поэтом и художником В. Яковлевой, начала работу в 2019 г. с выхода книги С. Васильева «Блока-

да». Это издание наследовало серии «Поэзия на про-свет», в которой ранее была выпущена книга С. Васильева «Шоа», также оформленная В. Яковлевой. В 2020 г. «Подкованный осел» издал книги С. Шубы «Слепые пятна» и А. Верхова «Диалоги», а также литературную игру «Химерики» по текстам А. Верхова. Стартовые тиражи книг составляли 30–40 экз., затем практиковались допечатки. В этих изданиях особое внимание уделялось оформлению, верстке, качеству бумаги; выходные данные в них приведены в минимальном объеме.

Издательство «Райц», основанное прозаиком Д. Райцем вместе с поэтом и художницей Д. Валовой, стало одним из наиболее успешных независимых издательских проектов в Новосибирске. В 2020–2022 гг. издательством было выпущено 7 книг (Л.Т. Райтс «Случаи с англичанами всех мастей, занятий, званий и титулов...», И. Полторацкий «Правдивые хроники Академгородка 2.0», Вяч. Ковалевич «Сопоставление Каюрова», А. Жданов «Роботы апокалипсиса», И. Силантьев «Опасная зона», Вяч. Ковалевич «Каюров сон», Ю. Черды «Звери, боги, дураки»), а также подготовлена рукописная книга Д. Райца «Золотой рыцарь», оформленная Д. Валовой в 1 экз. Большинство книг было издано при помощи краудфандинга, их изданию сопутствовал выпуск широкого спектра сувенирной продукции. Первая книга издательства – литературная мистификация Д. Райца, опубликованная под именем Л.Т. Райтса, разошлась тиражом более 1000 экз. (с учетом допечаток) и была номинирована на премию «Национальный бестселлер». Тираж остальных книг был меньше («Правдивые хроники...» и «Роботы апокалипсиса» – 200 экз., «Опасная зона» и «Люди, боги, дураки» – 150 экз., «Сопоставление Каюрова» – 60 экз., «Каюров сон» – 15 экз.). Части книг присвоен ISBN. Сотрудничество Д. Райца и Д. Валовой обеспечивает оптимальное распределение обязанностей в издательстве: внимание уделяется как индивидуальному подходу к созданию каждой книги (в качестве элементов оформления используются графика, фотография, коллаж и даже вышивка), так и вопросам маркетинга и дистрибуции.

После того как азбука «О себе и о Сибири» была успешно представлена И. Бутковской в качестве дипломного проекта в Новосибирском государственном университете архитектуры, дизайна и искусств (НГУАДИ), работа над совместными книгами поэтов и художников под руководством В. Курилова в этом учебном заведении была продолжена. В 2021 г. на базе НГУАДИ штучным тиражом вышла книга-игра по циклу стихов Ю. Пивоваровой «Неприкосновенный запас», подготовленная выпускницей университета А. Пьянковой. В 2022 г. аналогичным образом были сделаны книга-путеводитель «Новосибирск поэтический» по стихам современных новосибир-

ских поэтов (художник У. Николаева) и «Книга насекомых» со стихами В. Светлосанова (художник Т. Кузнецова). Кроме того, студенты В. Курилова в качестве курсовой работы выполнили 14 вариантов книги стихов С. Михайлова Kerasmos.

В 2022 г. поэты и художники круга Студии 312 (В. Яковлева, Н. Никольская, К. Шабанова, В. Шатовкин, О. Полежаев, Ю. Фомиченко и др.) выполнили серию лабораторных работ по художественному исследованию «текста города». Результатом стали два выпуска зина «Змеи и лестницы», посвященные ул. Фабричной и ул. Станиславского в Новосибирске. Издания оказались принципиально не тиражируемы, но были оцифрованы и доступны на сайте Новосибирской государственной областной научной библиотеки (НГОНБ). Затем схожим по составу кругом авторов был подготовлен зин «Бюро находок им. Милорада Павича», основанный на лабораторной работе в с. Раздольное.

Среди прочих изданий в указанном сегменте следует упомянуть проект Сибирского филиала Государственного центра современного искусства «Сибирские актуальные сказки», состоящий из четырех книг формата А4 с рисунками И. Шерко, С. Беспамятных, Вяч. Мизина и Д. Цветкова и стихами А. Жданова, К. Скотникова, В. Красного и А. Родионова (2016). Кроме того, должны быть названы «Стихи» арт-группы Bertollo (2012), «Память» со стихами и фотографиями Д. Корсунова (2018), «Дельфин» А. Жданова с фотографиями Е. Иванова (2018, переиздана в 2021), книга «сибирских» стихов М. Цветаевой и К. Бальмонта, проиллюстрированная художниками В. Ямной и Вяч. Чимитовым и выпущенная в рамках образовательного проекта «Открытая кафедра» (2019), «Веселая книжка» со стихами и рисунками Т. Крыловой (2019), «Страшные сказки» С. Тиханова, оформленные С. Мосиенко (2019). Почти все эти издания отличает малый (иногда штучный) тираж, ориентация на создание книги как арт-объекта и на распространение ее в определенной социокультурной среде.

#### «КНИГА ХУДОЖНИКА»

##### КАК ОТДЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В САМИЗДАТЕ

К самостоятельному направлению независимого книгоиздания следует отнести «книгу художника». Издания в этом жанре в разные исторические периоды существенно отличались друг от друга – от изящных *livre d'artiste* (см. напр.: [Livre d'artiste, 2013; Балан, 2015]) до нарочито грубых книг футуристов и постмодернистов [Герчук, 2013, с. 279–300]. В русской культуре традиции авторской книги через Л. Брик дошли до Н. Глазкова [Винокурова, 2008, с. 195–204], который и ввел термин «самиздат» («самсебяиздат») в широкий оборот. Зачастую такие книги выходят в 1 экз. и их тиражирование затруднено. Ак-

туальность подобных изданий в XXI в. подкрепляется рядом факторов. Современная коммуникационная среда эклектична и подвижна, границы между отдельными ее объектами зачастую стираются. По словам М. Маклюэна, средство передачи сообщения является самим сообщением [2003, с. 16], а в условиях аморфности среды теряет четкость и само сообщение. Для художника важно внятно донести идеи, он старается задать определенную фокусировку. Одним из вариантов такого целостного сообщения является книга [Герчук, 2016, с. 177–178]. Из-за перенасыщенности среды контентом вербальный и визуальный языки отчасти девальвировались, а при работе с книгой художник имеет возможность использовать особенности ее кинетики – «анимировать» историю так, чтобы она разворачивалась при взаимодействии читателя с книгой (оригинальные способы раскладки страниц, подвижные элементы, дополнительные аксессуары и т.д.). Каждая книга задает свой собственный хронотоп, т.е. систему пространственно-временных связей [Фаворский, 1988, с. 276]. Художники также используют тактильные возможности книги, работая с различными фактурами и материалами [Герчук, 2014, с. 15–16]. Нередко «книга художника» выступает в качестве одного из элементов комплексных художественных проектов (выставка, инсталляция, перформанс и т.д.).

Ряд современных новосибирских авторов целенаправленно работают в жанре «книга художника». Е. Рюмина подготовила около 15 таких книг, среди которых есть как принципиально нетиражируемые (книга-вышивка «Встреча», деревянная книга «Перелетные птицы», книга-гармошка «Бессонница» и др.), так и те, для которых печать тиража доступна («Про кота и луну», «Ползи, улитка», «Секретик», «Пусть», «Крокодил», «Весенний лес», «Сад во время чумы» и др.). Для продажи на арт-маркетах, выставках и фестивалях тиражи книг допечатываются автором. Все их объединяет тот или иной оригинальный ход, найденный художником, чтобы донести историю в интерактивной форме книги, каждый разворот которой выступает как самостоятельное трехмерное пространство [Келейников, 2014, с. 27]. Книжный формат придает историям в картинках дополнительный вес, смысловую законченность.

С динамическим восприятием книги и возможностями использования трех измерений работает М. Гнучевская. В технике линогравюры ею в 2019–2022 гг. создано несколько книг, в которых при помощи невербальных средств автору удалось поделиться своей картиной мира, включить читателя в игру и работать с обманом его ожиданий. Книги М. Гнучевской отличают необычные, близкие к технике оригами способы раскрытия разворотов и полное отсутствие текста.

Книги Я. Болдыревой также отличаются нетривиальными способами оформления разворота страниц с использованием возможностей книжной формы. Среди них выделяется книга «Теплушка» (2019), объединяющая графику, фотографии и стихи автора. При первом контакте с книгой читателю доступны только черно-белые фотографии, а до графики и стихов можно добраться, разрезав страницы и вступив таким образом в доверительные отношения с книгой. Особая фактура обложки создает эффект «теплушки». Выпуску книги сопутствовала серия выставок и создание граффити в заброшенных казармах Военного городка в Новосибирске. Большая часть книг автора издается и распространяется по технологии «печатать по требованию».

Е. Третьякова, вдохновляясь раннехристианским искусством, в 2020–2021 гг. выпустила книги «Житие святого Лаврентия» (2020) и «Житие святого Варфоломея» (2021). Авторская идея заключалась в том, чтобы пройти по границе гротескного и «трепетно-сочувствующего», создать некий комикс с элементами лубка и иконописи, используя опыт житийных икон и повторяя их композицию. Обе книги печатались тиражом 15–20 экз., каждый экземпляр, содержащий множество мелких элементов, доделывался вручную. В 2021 г. Е. Третьякова выпустила тиражом по 10 экз. две небольшие книги с авторскими текстами и иллюстрациями – «Лондонский зверинец» и «Серые апельсины».

У. Агбан в 2021 г. была создана книга «Кожа-мыктар», сложенная из листа бумаги формата 1000×715 мм. Основу книги составили кожамыки – образцы песенного фольклора тувинцев-тоджинцев. Для нее был разработан специальный «скоростной» шрифт и особая конструкция, при которой тексты в процессе разворачивания распадались на части и собирались вновь. Тираж книги – 14 экз.

Книга Е. Бертолло «Так просто», созданная при участии А. Бертолло, в 2006–2022 гг. переиздавалась несколько раз и всегда менялась по наполнению. В нее вошли тексты и изображения, относящиеся к одноименному арт-проекту, который был посвящен теме экологии. Применение кальки в качестве одного из основных материалов напоминает об упаковочной бумаге, использовавшейся при подготовке арт-проекта. Иллюстрации в книге, помимо изображений на кальке, представляют собой оригинальные рисунки, коллажи, принты на разных видах бумаги и лавсановой пленке.

В рамках проекта «В единственном экземпляре» библиотеки Музея «Гараж» С. Беспмятных собрал изображения китов, сделанные им в 1992–2021 гг., в результате чего получилась книга (158 с.) на колесах, с освещением, в раскладной металлической обложке, снабженная такелажной цепью и заголов-

ком: «КИТЫ КНИГА УЧЁТА БЕСПАМЯТНЫХ С.». В сложенном виде размер книги составляет 620 × 920 × 670 мм, в развернутом – 900 × 1840 × 780 мм. Поверх коллажей из принт-репродукций старых своих произведений автор сделал новые рисунки. Книга оказалась последним крупным проектом художника, скоропостижно скончавшегося в 2022 г.

Помимо перечисленных можно назвать и другие книги в указанном жанре, изданные в Новосибирске в 2010–2020-е: фотокниги «Сибиряки» и «Кстати» В. Кламма (2015 и 2017 г. соответственно), серию «Микросупергерои» О. Посух, выпущенную издательством «Самокат» (2020–2022), «Панорамы провинциальной жизни города N» Е. Иванова (2021), современный лубок Г. Иорданского и К. Андреева «50 кг» (2021).

### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализировав срез независимых издательских проектов, можно выделить их общие типологические черты по формальным признакам, таким как ассортимент издательства (отдельные издания или книжные серии), его позиционирование (приближенность к традиции самиздата с минимальными выходными данными или нацеленность на соответствие официальным нормам), тираж книг (штучные и гибкие тиражи, малотиражные издания [Беленкин, 2012, с. 14–15]), система финансирования (собственные средства, краудфандинг, государственные и частные субсидии и гранты) и, наконец, «жанровый акцент» (литературные, литературно-художественные и художественные издания). Важным отличием самоорганизованных издательств является нацеленность на продвижение того или иного круга авторов, т.е. осознанная издательская стратегия. В большинстве случаев она обретает форму книжных серий, задающих оптику восприятия определенного сегмента литературно-художественного поля. Наследственной чертой по отношению к классическому самиздату оказывается невозможность оценить точное количество выпущенных книг, что связано с нерегулярными и непредсказуемыми допечатками тиражей.

Одной из основных причин бурного развития новосибирского альтернативного книгоиздания в первые десятилетия XXI в. стало формирование целостного сообщества неофициальных поэтов и художников. Развернутая система горизонтальных связей между ними возникла как естественная реакция на монополизацию издательских ресурсов. Следующим этапом во взаимодействии официальной и неофициальной культуры оказались попытки институализации независимых проектов: четыре книги серии «Снег» вышли при поддержке Новосибирского библиотечного общества (2020–2021), сборник неофициальной новосибирской поэзии рубежа XX–XXI вв.

«Парк» (2021) – при поддержке министерства культуры Новосибирской области и Новосибирской государственной областной научной библиотеки, «Культурный дневник» К. Шабановой (2021) – при поддержке художественной институции ЦК19 и т.д.

Тем не менее в условиях роста ограничений доступа к информационным ресурсам наиболее вероятной представляется дальнейшая «диффузия» сегментов культурного поля в сторону повышения уровня его «поляризации». При этом на фоне сохраняющегося интереса государственных институций к низовым инициативам возможны определенные перестановки акторов книжной культуры между официальным и неофициальным ее сектором. Еще одним шагом в развитии альтернативного книгоиздания должна стать дальнейшая его коммерциализация. Большинство альтернативных издательских проектов являются некоммерческими. С усложнением технологии изготовления книг, ростом целевой аудитории, увеличением ее благосостояния и повышением уважения к труду художника культура товарно-денежного обмена в этой среде будет развиваться, а ценность книги как материального воплощения коммуникационного процесса возрастать.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балан М.В.* Paroles peintes. Книги из собрания Марка Башмакова: каталог выставки. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2015. 400 с.
- Беленкин Б.И.* «Рукописное» как «печатное»?.. «Печатное» как «рукописное»?.. Малотиражные издания в контексте современного культурного процесса: проблемы идентификации, легитимности, доступности, сохранности и качества // Acta samizdatica / Записки о самиздате: альманах: пилотный выпуск / сост. Е.Н. Струкова, Б.И. Беленкин; Государственная публичная историческая библиотека России; Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал». М., 2012. С. 14–24.
- Бобкова Н.П.* Становление, развитие и проблематика альтернативных печатных изданий в Западной Сибири (1989–1999 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2016. 24 с.
- Винокурова И. Е.* «Всего лишь гений...» Судьба Николая Глазкова. М.: Время, 2008. 464 с.
- Герчук Ю.Я.* История графики и искусства книги. М.: ИД «РИП-холдинг», 2013. 320 с.
- Герчук Ю.Я.* Художественная структура книги. М.: ИД «РИП-холдинг», 2014. 216 с.
- Герчук Ю.Я.* Эффект присутствия. М.: Арт Волхонка, 2016. 416 с.
- Даниэль А.Ю.* Истоки и смысл советского самиздата // Антология самиздата. Неподцензурная литература в СССР. 1950-е – 1980-е / под общ. ред. В.В. Игрунова; сост.: М.Ш. Барбакадзе. М.: Междунар. ин-т гуманитарно-политических исследований, 2005. Т. 1, кн. 1. С. 17–33.
- Иванов В.Г.* Архив поэта Е. П. Иорданского как источник по истории литературного движения и самиздата 1960–1980-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 3. С. 95–98.
- Ибрагимова З.М.* «Я пишу настроения». Николай Грицок и его живопись. Новосибирск: Харменс, 2005. 304 с.
- Иванов В.Г.* Канон vs андеграунд: об алгоритме перемен в литературно-художественном книгоиздании России конца XX – начала XXI в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2015. № 1. С. 29–33.

Иорданский Е.П. Мой друг Анатолий Маковский. Жизнь. Творчество. Друзья. Новосибирск: Сибпринт, 2017. 648 с.

Келейников И.В. Дизайн книги: от слов к делу. М.: ИД «РИП-холдинг». 2014. 304 с.

Ковтун Е.Ф. Русская футуристическая книга. М.: ИД «РИП-холдинг». 2014. 232 с.

Кущинир А.И. Золотое подполье. Полная иллюстрированная энциклопедия рок-самиздата (1967–1994). История. Антология. Библиография. М.: Rock-ExPress, 2021. 368 с.

Лизунова И.В., Савенко Е.Н. Современное альтернативное книгоиздание: общая характеристика и тенденции развития // Вестн. Казан. гос. ун-та культуры и искусств. 2018. № 4. С. 22–29.

Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.

Муратов П.Д. Художественная жизнь Новосибирска 1920-х годов. Общества // Идеи и идеалы. 2009. № 1. С. 83–96.

Посадсков А.Л. Книгоиздание и местная власть: к истории взаимоотношений издателей с региональными администрациями Сибири и Дальнего Востока в 90-е гг. XX – 10-е гг. XXI в. // Библиосфера. 2019. № 4. С. 3–13.

Посадсков А.Л., Пронина Ю.С. У истоков «читательской революции»: независимая литература и альтернативные издательства Сибири в годы «перестройки» (1986–1991 гг.) // Книга в российской провинции: парадигмы и альтернативы книжной культуры Сибири в 60-х годах XX – начале XXI века. Новосибирск, 2005. С. 100–137.

Пронина Ю.С. От «самиздата» к независимой печати: из истории альтернативных изданий Сибири периода «поздней перестройки» (1989–1991 годы) // Седьмые Макушинские чтения: материалы науч. конф. (Красноярск, 16–17 мая 2006 г.). Новосибирск, 2006. С. 203–206.

Рок-самиздат: каталог / сост.: А. Сыроватская, Е. Кухто. М.: Аукционный дом 12-й стул, 2020. 225 с.

Савенко Е.Н. Свободное слово: очерки истории самиздата Сибири (1920–1990 гг.). Новосибирск, 2017. 480 с.

Савенко Е.Н. Типология и характеристика «нового» самиздата // Наука, технологии и информация в библиотеках (LIBWAY-2019). Новосибирск, 2019. С. 187–190.

Фаворский В.А. Литературно-теоретическое наследие. М.: Сов. художник, 1988. 588 с.

Livre d'artiste. Выставка книг из собрания Марка Башмакова: каталог выставки. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2013. 320 с.

## REFERENCES

Balan M.V. (2015). Books of the Mark Bashmakov's collection: exhibition catalog. Saint Petersburg, Hermitage, 400 p. (In Russ.)

Belenkin B.I. (2012). "Handwritten" as "printed"?.. "Printed" as "handwritten"?.. Law-circulation publications in the modern cultural process context: problems of identification, legitimacy, accessibility, safety and quality. *Acta samizdatica = Zapiski o samizdate*. Pilot iss., pp. 14–24. (In Russ.)

(2013). Livre d'artiste. Book exhibition of Mark Bashmakov's collection: exhibition catalog. Saint Petersburg, Hermitage, 320 p. (In Russ.)

Bobkova N.P. (2016). Formation, development and problems of alternative printed publications in Western Siberia (1989–1999): diss. theses. Ekaterinburg, 24 p. (In Russ.)

Daniel' A.Yu. (2005). The origins and meaning of Soviet Samizdat. *Antologiya samizdata. Nepodtsenzurnaya literatura v SSSR. 1950s–80s*. Moscow, vol. 1, bk. 1, pp. 17–33. (In Russ.)

Favorskiy V.A. (1988). *Literary and theoretical heritage*. Moscow, Sovetskiy khudozhnik, 588 p. (In Russ.)

Gerchuk Yu.Ya. (2013). History of graphics and art books. Moscow, RIP-holding, 320 p. (In Russ.)

Gerchuk Yu.Ya. (2014). The artistic structure of the book. Moscow, RIP-holding, 216 p. (In Russ.)

Gerchuk Yu.Ya. (2016). The effect of presence. Moscow, Art Volkhonka, 416 p. (In Russ.)

Ibragimova Z.M. (2005). "I write moods". Nikolay Gritsyuk and his paintings. Novosibirsk, Kharmens, 304 p. (In Russ.)

Ivanov V.G. (2014). The archive of the poet E. P. Iordansky as a source on the history of literary movement and samizdat of the 1960s–1980s. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 3, pp. 95–98. (In Russ.)

Ivanov V.G. (2015). Canon vs underground: about the algorithm of changes in literary and artistic book publishing in Russia at the end of the XX – beginning of the XXI century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. No. 1, pp. 29–33. (In Russ.)

Iordansky E.P. (2017). My friend Anatoly Makovsky. Life. Creation. Friends. Novosibirsk, Sibprint, 648 p. (In Russ.)

Keleynikov I.V. (2014). Book design: from words to deeds. Moscow, RIP-holding, 304 p. (In Russ.)

Kovtun E.F. (2014). Russian futuristic book. Moscow, RIP-holding, 232 p. (In Russ.)

Kushmir A.I. (2021). The golden underground. The complete illustrated Encyclopedia of rock samizdat (1967–1994). History. Anthology. Bibliography. Moscow, Rock-ExPress, 368 p. (In Russ.)

Lizunova I.V., Savenko E.N. (2018). Modern alternative book publishing: general characteristics and development trends. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. No. 4, pp. 22–29. (In Russ.)

McLuhan M. (2003). Understanding media: external human extensions. Moscow, Zhukovskiy, 464 p. (In Russ.)

Muratov P.D. (2009). The artistic life of Novosibirsk in the 1920s. Societies. *Idey i idealy*. No. 1, pp. 83–96. (In Russ.)

Posadskov A.L. (2019). Book publishing and local government: the history of relations between publishers and regional administrations in Siberia and the Far East in the 90-s of XXth – 10-s of XXIst century. *Bibliosfera*. No. 4, pp. 3–13. (In Russ.)

Posadskov A.L., Pronina Yu.S. (2005). At the Origins of the "reader's revolution": independent literature and alternative publishing houses of Siberia during the years of "Perestroika" (1986–1991). *Kniga v Rossijskoy provintsii: paradigmy i alternativny knizhnoy kul'tury Sibiri v 60-kh godakh XX – nachale XXI veka*. Novosibirsk. Pp. 100–137. (In Russ.)

Pronina Yu.S. (2006). From "Samizdat" to the independent press: from the History of alternative publications of Siberia during the period of "late Perestroika" (1989–1991). *Sed'mye Makushinskie chteniya: materialy nauch. konf. (Krasnoyarsk, 16–17 maya 2006 g.)*. Novosibirsk, pp. 203–206. (In Russ.)

Savenko E.N. (2017). Free speech: essays on the history of samizdat in Siberia (1920–1990). Novosibirsk, 480 p. (In Russ.)

Savenko E.N. (2019). Typology and characteristics of the "new" samizdat. *Nauka, tekhnologii i informatsiya v bibliotekakh (LIBWAY-2019)*. Novosibirsk, pp. 187–190. (In Russ.)

Syrovatskaya A., Kukhto E. (Eds) (2020). Rock-samizdat: catalog. Moscow, 225 p. (In Russ.)

Vinokurova I.E. (2008). "Just a genius..." The fate of Nikolai Glazkov. Moscow, Vremya, 464 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 31.08.2022

Дата рецензирования 31.10.2022

Статья принята к публикации 03.11.2022

DOI: 10.15372/HSS20220409  
УДК 323.22/.28+316.453

М.В. КОТЛЯРОВ

## ВЛИЯНИЕ ИНТЕРНЕТА НА ОБЩЕСТВЕННУЮ АКТИВНОСТЬ В НОВОСИБИРСКЕ В 2000-е гг.

Институт истории СО РАН,  
РФ, 630099, Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья посвящена анализу влияния интернета на общественную активность новосибирцев в 2006–2013 гг. Представлены результаты изучения взаимосвязи интернет-ресурсов (онлайн-изданий, блогов, форумов) и публичной активности общественных организаций в Новосибирске в указанный период. Была рассмотрена деятельность 8 независимых общественных организаций и установлено, что интернет-ресурсы сыграли ключевую роль на «старте» общественной деятельности, так как она чаще всего начиналась либо с размещения гневных постов о транспортных или других социальных проблемах в личных блогах основателей движений, либо с сообщений о готовящихся акциях протеста на сайтах и популярных форумах. Наряду с этим 60 % публикаций о деятельности организаций в этот период было подготовлено интернет-изданиями. Тем самым главную роль интернет-ресурсов можно обозначить как «стартер» – ключевой информационный помощник в начале общественной деятельности.

**Ключевые слова:** Новосибирск, публичная сфера, гражданский протест, интернет, социальные сети.

**Для цитирования:** Котляров М.В. Влияние Интернета на общественную активность в Новосибирске в 2000-е годы // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 4. С. 79–85. DOI: 10.15372/HSS20220409.

M.V. KOTLYAROV

## THE INFLUENCE OF THE INTERNET ON SOCIAL ACTIVITY IN NOVOSIBIRSK IN THE 2000s

Institute of History SB RAS,  
8, Nikolaev. str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article objective is to determine the qualitative and quantitative effect of Internet resources on social activity in Novosibirsk in the 2000s. The relevance of solving this issue is due to historiography, which actively discusses it, while various positions are being developed that require studying new facts. Main research source is the analysis database of Novosibirsk mass media, which contains full texts of publications about public organizations and allows treating them statistically.

Thanks to the database of media analysis, the author described the activities of eight independent public organizations and movements in Novosibirsk in 2006–2013, when there was a noticeable growth of civic activity. The organizations had the following names: motorists' movement, "Affordable preschool education for Russian children", ICO "Healthcare for children!", "Parent Committee of Novosibirsk Region", "Association of Defrauded Shareholders and Investors of Novosibirsk", environmental movement, protest against the rules of impoundment lots and the Union "ZhGUT".

The data obtained showed that Internet resources played an important role in covering the activities of these public organizations and movements. They had their own websites, or personal blogs of their founders serving as key information resources. Online media more often covered the activities of organizations and their founders in the main role, i.e. devoted detailed articles to their actions and requirements, while TV and radio more often mentioned the most high-profile actions in news blocks. Moreover, the city actually had a pool of online media that regularly covered the protest activity of independent public figures. Besides, journalists of a number of editions helped activists taking part in their actions and initiatives. Thus, thanks to online publications, forums and blogs, the activities of social activists caused a more massive public outcry and they were positioned as city heroes struggling against urgent and socially significant problems.

**Key words:** Novosibirsk, public sphere, civil protest, Internet, social networks.

---

**Максим Васильевич Котляров** – канд. ист. наук, Институт истории СО РАН, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, старший научный сотрудник сектора общественно-политического развития, доцент кафедры теории и истории журналистики Гуманитарного института, e-mail: mv\_kotlyarov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1339-3408>.

**Maxim V. Kotlyarov** – Candidate of Historical Sciences, Institute of History SB RAS, Novosibirsk National Research State University, Senior Researcher in the Sector of Socio-political Development, Associate Professor of the Department of Theory and History of Journalism at the Humanitarian Institute.

## ВВЕДЕНИЕ

В статье рассматриваются структурные изменения в публичной сфере большого российского города в 2006–2013 гг. В предыдущем исследовании автора показано, что в публичной сфере Новосибирска в начале XXI в. произошли структурные изменения, вызванные появлением нового элемента – популярных интернет-ресурсов. Новостные сайты к 2009–2010 гг. «замкнули» на себя молодежную аудиторию и начали конкурировать с телевидением за внимание горожан среднего и пенсионного возраста [Котляров, 2020, с. 42–49].

В данной публикации ставится одна из самых важных в современных социальных науках задач – выявить влияние структурных изменений публичной сферы на общественную активность граждан. В частности, в политологии и социологии появилось отдельное направление, исследующее связь протестной активности личности с развитием интернет-технологий<sup>1</sup>. При этом в большинстве работ, посвященных взаимосвязи общественных движений и интернета, отмечается положительная корреляция. Стоит особо отметить выводы одного из ведущих зарубежных исследователей данной темы – М. Кастельса в его книге «Сети возмущения и надежды». Анализируя взаимодействие интернет-ресурсов и активистов в непохожих друг на друга странах, таких как Исландия и Тунис, М. Кастельс отмечал, что во всех случаях интернет выступал в качестве автономного пространства, свободного от контроля со стороны государства и корпораций, где люди могли делиться недовольством и надеждами, узнавать о единомышленниках, вырабатывать чувство общности и вместе преодолевать страх. По оценке М. Кастельса, интернет оказался также эффективным средством «заражения» протестной активностью населения других стран, благодаря которому протестующим удалось добиться серьезных изменений даже там, где действовали репрессивные режимы [Castells, 2012].

Однако в других монографиях отмечено, что интернет-ресурсы не оказывали какого-либо существенного влияния на протестную активность, особенно в странах с информационно закрытыми режимами (Китай, Куба, арабские государства) [Kalathil, Voas, 2003]. В исследовании Г. Волфсфельда, Э. Сегева и Т. Шефера о роли интернета в протестах собраны данные по 20 арабским странам. Авторы выявили отрицательную корреляцию между проникновением интернета в этих странах и долей протестующих.

Они объясняют этот феномен тем, что интернет получил наименьшее развитие как раз в тех государствах, где наблюдалось больше всего проблем с демократией и соблюдением прав человека, т.е. жесткие авторитарные режимы подавляли активность в любой форме, и интернет не помог изменить эту ситуацию [Wolfsfeld, Segev, Sheaffer, 2013, p.115–137].

Среди отечественных авторов также нет единства в оценках роли интернета и новых медиа для развития гражданской активности. Например, Г.Ю. Никипорец-Такигава обобщила мнения ряда российских деятелей и аналитиков о роли социальных сетей в организации общественно-политической деятельности и пришла в основном к скептическим выводам: социальные медиа не всегда эффективны в качестве инструмента мобилизации, плохо справляются с задачей объединения разных партий для общего дела, например для совместной акции, одновременно социальные медиа облегчают авторитарным правительствам цензуру, шантаж, шпионаж и слежку за оппозицией, а также проведение пропагандистских кампаний [Никипорец-Такигава, 2012, с. 13–25]. В свою очередь, подробное сравнительное исследование отечественных авторов на основе количественных показателей показало, что чтение онлайн-новостей оказывает самостоятельное влияние на участие людей в мирных демонстрациях, несводимое к влиянию других факторов, и это влияние устойчиво воспроизводится в разных странах. «Повышение вероятности участия людей в протестных акциях, обусловленное интернетом, не везде одинаково: так, слабее всего оно проявляется в Перу, России и Казахстане, а сильнее всего – в Пакистане, Египте и Таиланде [...] в выборке нет ни одной страны, где бы чтение онлайн-новостей ослабляло склонность людей к выходу на демонстрации» [Кольцова, Киркиж, 2016, с. 90–110].

Приведенными политологами и социологами факты показывают неоднозначную картину, поэтому внимательное рассмотрение этого вопроса на локальных примерах может открыть новые важные факторы и условия, которые помогут лучше понять взаимосвязи новых каналов коммуникации и гражданской активности.

В основе методологии исследования выступает теория публичной сферы и публичного пространства, основные положения которой сформулированы Юргеном Хабермасом, Ханной Аренд, Ричардом Сеннетом и другими крупными западными исследователями публичности [Арендт, 2000; Сеннет, 2002; Хабермас, 2016]. Теория публичной сферы, накопившая богатый терминологический и концептуальный багаж, позволяет проанализировать поведение публики и площадки ее деятельности в системе большого города.

<sup>1</sup> В базе научной электронной библиотеки eLibrary.ru за период 2010–2021 гг. насчитывается 150 публикаций на эту тему в разделах «Общественные науки в целом», «Социология» и «Политические науки».



В исследовании используется хабермасовское понимание городской публики как группы людей, видящих и слышащих друг друга на открытых городских площадках: культурно-досуговых сценах, площадях, парках, улицах, а также с помощью различных средств коммуникации – телевидения, радио, печатных СМИ и интернет-ресурсов. Публичная сфера, в свою очередь, понимается как пространство, где происходят открытые контакты, обмен информацией и мнениями между активными горожанами, ведется выработка альтернативных официальным смыслам с целью влияния на государственные и муниципальные органы разного уровня и городское сообщество.

Применяемые автором качественные и количественные методы нацелены на анализ форм взаимодействия городских общественных активистов с интернет-ресурсами – новостными сайтами, форумами, блогами и социальными сетями. Основной фактический материал для исследования, а также возможности его статистического анализа обеспечены программно-аппаратным комплексом (базой мониторинга СМИ), разработанным для внесения, хранения и автоматизированного анализа публикаций СМИ. Благодаря налаженному профессиональному мониторингу база содержит материалы всех ключевых СМИ города, освещающих городские события, деятельность органов власти, бизнеса, политических партий и общественных организаций. Программный комплекс хранит 485 211 записей, отражающих содержание публикаций СМИ (текст сюжета), дату публикации, тему публикации, тональность публикации (негативная, нейтральная, позитивная), название СМИ или интернет-ресурса, упоминаемые в сюжете персоны и организации. Система позволяет осуществлять поиск сюжетов по рубрикам (акции протеста, выборы, благоустройство, дороги, здравоохранение, образование, культура и др.), а также по конкретным персонам и организациям. Технические возможности комплекса позволяют осуществлять быстрый и при этом объективный анализ публикаций по изучаемой теме.

Научная гипотеза исследования заключается в том, что в указанный период в Новосибирске вместе с ростом популярности новостных сайтов и социальных сетей усилилась общественная активность, так как новые технологии коммуникации каким-то образом способствовали росту общественной деятельности.

#### **ОБЩЕСТВЕННАЯ АКТИВНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ГОРОДА**

В рассматриваемые годы в Новосибирске сложились благоприятные условия для развития публичной сферы: численность населения города увеличива-

лась, экономика росла, все большую роль в ней играл предпринимательский класс, развивалось местное самоуправление и независимые от власти медиа-ресурсы. В сибирском мегаполисе в этот период также стали возникать независимые общественные организации, нацеленные на защиту прав отдельных групп граждан и решение злободневных городских вопросов.

Первой такой организацией стало движение автомобилистов, отстаивавшее права этой категории граждан. Организация начала формироваться после 19 мая 2005 г., когда в 44 регионах России прошла акция протеста против намерения федерального правительства запретить автомобили с правым рулем. Акция была организована при помощи интернета, ее фактическим организатором стал житель Москвы В.И. Лысаков, который разместил предложение об организации акции протеста на сайте [www.auto.vl.ru](http://www.auto.vl.ru).

После этой акции был создан сайт автомобилистов [www.19may.ru](http://www.19may.ru), который объединял граждан, учувствовавших в этой акции. В апреле 2006 г. активисты движения зарегистрировали общественную организацию, получившую название Межрегиональная общественная организация автомобилистов «Свобода Выбора». Основным информационным ресурсом организации являлся сайт [www.19may.ru](http://www.19may.ru).

Движение автомобилистов во второй половине 2005 г. – начале 2006 г., состоявшее из различных организаций во многих регионах страны, предпринимало попытки создать общероссийскую организацию, что породило борьбу за лидерство. На роль лидера претендовал В.И. Лысаков, но это не устраивало многих региональных активистов и спровоцировало раскол в движении. В итоге после событий по делу О.Ф. Щербинского, которого обвиняли в причастности к гибели губернатора Алтайского края М.С. Евдокимова, 19 мая 2006 г. в Новосибирске состоялся учредительный съезд региональных организаций и движений автомобилистов. Объединенная организация получила название «Федерация автовладельцев России» (ФАР). Организация не имела однозначного лидера, в ней действовал принцип координационного совета равных участников.

В 2006–2007 гг. деятельность региональных отделений ФАР не координировалась, в каждом регионе активисты движения были сосредоточены на проблемах актуальных для тех или иных городов. Например, в Москве пытались бороться против пробок и машин с проблесковыми маячками, в Санкт-Петербурге устраивались акции протеста против плохих дорог и эвакуаторов. Во Владивостоке инициировались акции в поддержку «правого руля», в Новосибирске – против роста цен на бензин, повышения транспортного налога и плохих дорог. Единственной протестной темой, которая объединяла автомобилис-

тов почти во всех регионах на тот момент, являлось «дело Олега Щербинского». Ключевым ресурсом организации был сайт [www.autofed.ru](http://www.autofed.ru) и общий форум [www.svobodavybora.ru](http://www.svobodavybora.ru).

Новосибирские активисты ФАР были одними из самых активных в стране. С начала 2006 г. до середины 2008 г. они провели 15 акций протеста в виде пикетов и автомобильных пробегов, выражая свое негативное отношение к «Делу Олега Щербинского», повышению транспортного налога, росту стоимости горючесмазочных материалов, плохого состояния автомобильных дорог в Новосибирске, а также сноса автомобильных гаражей в ряде микрорайонов города. Определяющим фактором такой активности стало участие в акциях членов местных автоклубов, в первую очередь автоклуба «Автобратство», т.е. организацию возглавляют авторитетные в среде автомобилистов люди. Руководителем местного отделения организации «Свобода Выбора» выступал А. Сухоруков. Он участвовал в организации современного автомотоклубного движения в городе и является одним из самых известных стритрейсеров в Новосибирске. Другой активный член организации, часто выступавший организатором многих мероприятий «Свободы выбора» – В. Кириллов – являлся президентом «Федерации технических видов спорта».

Активную часть граждан Новосибирска также объединила проблема нехватки мест в детских садах. Идея создания движения, которое бы боролось за права детей дошкольного возраста, родилась весной 2009 г. в процессе общения родителей на популярном интернет-форуме «Сибмама». Цель движения заключалась в том, чтобы добиться доступности дошкольного образования либо выплаты компенсаций родителям, чьи дети не имеют возможности посещать детсады в силу нехватки мест. Различные инициативы в итоге воплотились в организацию «Российским детям – доступное дошкольное образование» (РДДДО), деятельность которой позднее вышла далеко за пределы Новосибирска. Лицом движения являлся С. Гунькин. Он оказался программистом и смог быстро разработать и качественно поддерживать сайт [detivsad.ru](http://detivsad.ru), который стал ключевым информационным ресурсом РДДДО. Организация в 2009–2010 гг. провела ряд публичных акций, в том числе несколько общероссийских голодовок. Акции и инициативы РДДДО часто освещались не только местными, но и федеральными СМИ, главным образом онлайн-изданиями.

Смежной с РДДДО деятельностью занимался «Родительский комитет Новосибирской области». Организация заявила о себе в конце июня 2009 г. Ее создателем стал представитель автомобильного движения, президент региональной общественной организации «Федерация экстремальных и технических

видов спорта» В. Кириллов. В «Родительский комитет» входила также одна из организаторов форума «Сибмама» К. Сиротина. Первоначально организация поднимала вопрос об эффективности трат бюджетных средств на детское питание в школах. «Родительский комитет» проводил проверки качества различных продуктов питания (молока, мороженого, колбас), бутилированной воды, а также качества водопроводной воды в Ленинском и Железнодорожном районах города. Организация поддерживала требование представителей детсадовского движения по выплате компенсаций родителем, чьим детям не досталось место в детском саду.

Другой «точкой сбора» протестной активности в Новосибирске стала проблема детского здравоохранения. На решении этой проблемы сосредоточилось неформальное общественное объединение «Здравоохранение – детям!». Инициатором создания объединения стала жительница новосибирского Академгородка Д. Макарова. Поводом для протеста стала личная трагедия – смерть восьмимесячного ребенка Д. Макаровой в ноябре 2010 г. Ребенку не была оказана быстрая медицинская помощь, так как автомобиль скорой помощи не смог прибыть в нормативное время, а в местной больнице отсутствовало детское отделение. Основным требованием участников движения стала передача центральной клинической больницы Сибирского отделения РАН в муниципальное подчинение, создание нескольких отделений детской реанимации в больницах города, а также совершенствование материально-технической базы детских больниц. Первый митинг движения в Новосибирске состоялся 4 декабря 2010 г., в нем приняли участие около 500 чел. Кроме того, в декабре проводилась серия одиночных пикетов в Москве возле здания федерального Минздрава. В итоге проблема, поднятая Д. Макаровой, получила федеральную огласку и подробно рассматривалась Уполномоченным при президенте РФ по правам ребенка П.А. Астаховым.

В Новосибирске активно развивалась строительная отрасль, с 2009 г. в городе ежегодно вводилось более 1 млн м<sup>2</sup> жилья. Обратной стороной высоких темпов строительства стали «долгострои» – проекты жилых домов, замороженные на разных стадиях строительства. В городе появились десятки семей, пострадавшие от нерадивых строителей. Для поиска путей решения возникших проблем граждане создали в марте 2010 г. «Ассоциацию обмануток дольщиков и инвесторов» (АОДИ). Ключевыми активистами организации являлись шестеро новосибирцев: А. Бакаев, Е. Смышляев, Р. Антонов, А. Гуменный, И. Пичугин и Т. Горшенина. Движение сотрудничало со Всероссийской ассоциацией помощи пострадавшим дольщикам.

Основным информационным ресурсом движения являлся сайт, на котором перечислены адреса проблемных строительных проектов. Другим важным информационным ресурсом стала общероссийская социальная сеть [www.odnodolshiki.ru](http://www.odnodolshiki.ru). Протестные акции движения организовывались и с помощью объявлений в группе в социальной сети «ВКонтакте».

В Новосибирске заметная активность отмечалась и в экологическом движении. Возникновение движения фактически было связано также с проблемами строительной отрасли города – с так называемой «точечной застройкой», когда в зону строительства объектов жилых домов и деловых зданий попадали участки парков, скверов и городских лесов. Наиболее активными организациями этого движения стали «Защитим город-лес Академгородок», «За лаврентьевский Академгородок», «Защитим Нарымский сквер», а также «Сибэкоцентр». Самые многочисленные протестные акции экологов были нацелены на защиту «Нарымского сквера» от вырубки части территории из-за строительства гостиницы. Эти акции протеста собирали от 100 до 150 чел.

В Академгородке экологи стали активно проявлять себя после объявления крупных девелоперских проектов в этом районе. К их числу относились Технопарк, строительство завода компании «Чистая вода», строительство жилых домов на проспекте академика Коптюга, строительство нового корпуса НГУ на улице Пирогова. Экологи Академгородка проводили акции с целью добиться придания Академгородку особого юридического статуса, что им в итоге удалось сделать. В 2014 г. научный центр признали объектом культурного наследия регионального значения.

В Новосибирске в 2010 г. также возникла протестная деятельность против правил работы штрафстоянок. Движение было создано шеф-редактором сибирского бюро газеты «Ведомости» Ю. Дроковой, чей автомобиль 5 марта 2010 г. забрали на штрафстоянку за парковку в неположенном месте. Основной целью движения стало «наведение законного порядка» в работе штрафстоянок. Ю. Дрокова и ее сторонники критиковали ООО «ГАПП-9», мэрию Новосибирска и ГУВД по Новосибирской области за плохую организацию работы штрафстоянок.

Итогом активности Ю. Дроковой и ее сторонников стало изменение режима штрафстоянок в судебном порядке и возбуждение ФАС дела в отношении правительства Новосибирской области и мэрии Новосибирска, областного ГУВД и ООО «ГАПП-9». В частности, выяснилось, что мэрия занижала ставки аренды земельных участков для «ГАПП-9» в 2,5–10 раз по сравнению с обычными автостоянками.

Важно отметить, что в процессе протестной деятельности городские активисты знакомились друг с другом, а также с журналистами ряда интернет-изда-

ний города. В процессе общения появилась идея создать некую «надорганизацию», которая бы аккумулировала ключевые требования городской общественности к мэрии Новосибирска и региональному правительству. В августе 2010 г. появился «Союз ЖГУТ» («Жители города устали терпеть»). Одним из инициаторов создания «Союза» стал журналист известного информационно-аналитического сайта «Тайга.Инфо» А. Мазур. В состав Союза ЖГУТ входили представители других общественных организаций: С. Гунькин, Ю. Дрокова, Р. Антонов, К. Сиротина. Основным информационным ресурсом стала группа в сети «ВКонтакте» и сайт «Союза ЖГУТ». На этих информационных ресурсах был опубликован «список требований от 31 августа 2010 года»: решить вопрос с дефицитом мест в детсадах, решить проблемы дольщиков, автомобилистов, создать программу массового малоэтажного строительства, привлечь общественность к обсуждению важных вопросов городской жизни.

В сентябре 2010 г. участники Союза ЖГУТ обратились к политическим партиям с предложением поддержать его позицию, ответ последовал лишь от КПРФ. Далее сообщалось, что в шествии, приуроченном к празднованию 93-й годовщины Октябрьской революции, приняли участие в том числе представители Союза.

#### ОСВЕЩЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЦИФРАХ

Для дополнения представленного анализа в таблице приведены данные о том, насколько активно городские интернет-издания освещали деятельность общественных организаций в Новосибирске, а также акции протеста в целом. Данные собраны за 2006–2013 гг. В этот период в Новосибирске возникли и наиболее активно действовали вышеперечисленные организации. Таблица составлена на основе данных базы мониторинга СМИ.

Представленные данные показывают, что интернет-ресурсы играли важную роль в освещении деятельности перечисленных организаций и движений. Все организации имели собственные сайты, либо ключевыми информационными ресурсами служили личные блоги их основателей, как в случаях с объединением «Здравоохранение – детям!» и протестами против правил организации штрафстоянок. Причем интернет-издания не были единственными источниками информации об этих структурах, традиционные СМИ не менее активно освещали их деятельность. Однако интернет-издания, как показывает анализ их публикаций, чаще освещали деятельность организаций и их основателей в главной роли, т.е. помещали подробные статьи об их акциях и требованиях, тогда как телеканалы и радио чаще упоминали наиболее

## Интернет-издания о деятельности в 2006–2013 гг. общественных организаций в Новосибирске

## Internet publications about the activities of public organizations in Novosibirsk in 2006–2013

Название организаций Name of organizations	Основной информационный ресурс организации The main information resource of the organization	Всего публикаций в СМИ Total media publications	Публикации в интернет-ресурсах об организации Publications in Internet resources about the organization	Публикации традиционных СМИ (ТВ, радио, газеты) об организации Publications of traditional media (TV, radio, newspapers) about the organization
Движение Автомобилистов	<a href="https://www.19may.ru/">https://www.19may.ru/</a> <a href="https://forum.drom.ru/">https://forum.drom.ru/</a>	517	283 (55 %)	234
РДДО («Российским детям – доступное дошкольное образование»)	<a href="https://sibmama.ru/">https://sibmama.ru/</a> <a href="https://detivsad.ru">https://detivsad.ru</a> <a href="http://rddo.ru/">http://rddo.ru/</a>	207	124 (60 %)	83
НОО «Здравоохранение – детям!»	Личный блог Дарьи Макаровой – <a href="https://mama-maxima.livejournal.com/">https://mama-maxima.livejournal.com/</a>	620	397 (64 %)	223
«Родительский комитет Новосибирской области»	<a href="https://sibmama.ru/">https://sibmama.ru/</a>	10	3 (33 %)	7
Ассоциация обманутых дольщиков и инвесторов Новосибирска (АОДИ)	Аоди.рф	29	19 (65 %)	10
Экологическое движение	<a href="http://sibecocentre.ru/">http://sibecocentre.ru/</a>	53	25 (47 %)	28
Протест против правил штрафстоянок	Личный блог Юлии Дроковой – <a href="https://petrova-vodkina.livejournal.com/">https://petrova-vodkina.livejournal.com/</a>	11	7 (63 %)	4
Союз «ЖГУТ»	<a href="http://zhgut.org">http://zhgut.org</a> Группа «Вконтакте»	13	5 (38 %)	8
Все акции протеста, пикеты, митинги в 2006–2013 гг.		8967	4459 (50 %)	4508

Источник: База данных анализа СМИ г. Новосибирска

громкие акции в новостных блоках. Более того, в городе фактически сложился пул интернет-изданий, регулярно освещавших протестную активность независимых общественников. К этим СМИ относились: «Тайга.Инфо», «НГС.Ру», «Сибкрай.Ру», «Академ.Инфо», «МегаНСК.Ру», «Сибград.Ком». Журналисты ряда изданий фактически помогали активистам, принимая участие в их акциях и инициативах. В частности, в «Союзе ЖГУТ» и движении против правил штрафстоянок ключевую роль играли журналисты.

#### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проведенный анализ публичной активности восьми независимых общественных организаций – движения автомобилистов, «Российским детям – доступное дошкольное образование» (РДДО), НОО «Здравоохранение – детям!», «Родительский комитет Новосибирской области», «Ассоциация обманутых дольщиков и инвесторов Новосибирска» (АОДИ), экологическое движение, протест против правил штрафстоянок и Союз «ЖГУТ» – показал тесную взаимосвязь интернета и независимой общественной активности горожан.

Движение автомобилистов и РДДО начиналось с обсуждения проблем на популярных отраслевых фо-

румах. Движение «Здравоохранение – детям!» и протест против штрафстоянок началось с эмоциональных постов в блогах о личных проблемах. Другие организации сложились офлайн, но интернет-ресурсы стали важнейшим способом публикации их требований, а также размещения объявлений об акциях протеста. В свою очередь, данные базы мониторинга СМИ позволили выявить, что 60 % публикаций о деятельности этих организаций и 50 % публикаций обо всех акциях протеста, пикетах и митингах в городе в 2006–2013 гг. принадлежали интернет-изданиям. Изучение сотен публикаций сетевых СМИ также показало, что именно они посвящали протестной активности общественников наиболее подробные и эмоциональные материалы. Тем самым благодаря интернет-изданиям, форумам и блогам деятельность общественников получала более широкий резонанс, и они позиционировались в качестве городских героев, борющихся с актуальными и социально значимыми проблемами.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни. СПб: Алетейя, 2000. 437 с.  
Кольцова О.Ю. Киркиж Э.А. Влияние интернета на участие в протестах // Политика. 2016. №1 (80). С. 90–110.

Котляров М.В. Условия развития и структура публичной сферы большого российского города в 2000-е годы: Новосибирск // Развитие территорий. 2020. № 3 (21). С. 42–49.

Никипорец-Такигава Г.Ю. О роли Интернета в гражданском протесте: российский опыт в глобальном контексте // Вестн. Ин-та Кеннана в России. 2012. Вып. 22. С. 13–25.

Сеннет Р. Падение публичного человека. М.: Логос, 2002, 423 с.

Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: «Весь мир», 2016. 342 с.

Castells M. (2012). Networks of outrage and hope: social movements in the Internet age. Cambridge, Polity Press, 328 p.

Kalathil K., Boas T. (2003). Open networks, closed regimes: the impact of the Internet on authoritarian rule. Washington, Brookings Inst. Press, 235 p.

Wolfsfeld G., Segev E., Sheaffer T. (2013). Social media and the Arab spring politics comes first. *International Journal of Press/Politics*. Vol. 18, no. 2, pp. 115–137.

#### REFERENCES

Arendt H. (2000). Vita Activa, or About an active life. Saint Petersburg, Aleteya, 437 p. (In Russ.)

Castells M. (2012). Networks of outrage and hope: social movements in the Internet age. Cambridge, Polity Press, 328 p.

Kalathil K., Boas T. (2003). Open networks, closed regimes: the impact of the Internet on authoritarian rule. Washington, Brookings Inst. Press, 235 p.

Koltsova O.Yu. Kirkizh E.A. (2016). The influence of the Internet on participation in protests. *Politiya*. No. 1, pp. 90–110. (In Russ.)

Kotlyarov M.V. (2020). Development conditions and the structure of the public sphere of a large Russian city in the 2000s: Novosibirsk. *Razvitiye territorii*. No. 3, pp. 42–49. (In Russ.)

Nikiporets-Takigawa G.Yu. (2012). On the role of the Internet in civil protest: Russian experience in a global context. *Vestnik Instituta Kennana v Rossii*. Iss. 22, pp. 13–25. (In Russ.)

Sennet R. (2002). The fall of the public man. Moscow, Logos, 423 p. (In Russ.)

Habermas Y. (2016). Structural change in the public sphere. Studies on the category of bourgeois society. Moscow, Ves' mir, 342 p. (In Russ.)

Wolfsfeld G., Segev E., Sheaffer T. (2013). Social media and the Arab spring politics comes first. *International Journal of Press/Politics*. Vol. 18, no. 2, pp. 115–137.

Статья поступила в редакцию 30.05.2022

Дата рецензирования 01.10.2022

Статья принята к публикации 06.10.2022

## ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ XVIII–НАЧАЛА XX в.

DOI: 10.15372/HSS20220410

УДК 94:344.3(47)"17"

А.В. ДМИТРИЕВ

### ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ В ОТНОШЕНИИ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII в.

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет  
(Новосибирский государственный университет, НГУ),  
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1

Статья посвящена рассмотрению нескольких судебно-следственных дел в отношении военнослужащих русской регулярной армии XVIII в. по обвинениям в преступлениях против гражданского населения, конкретно – в убийствах крестьян. На материале этих судебно-следственных дел ставится вопрос, можно ли считать людей, находившихся на военной службе в частях регулярной армии Российской империи XVIII в., особой социальной группой – «военным сословием», исходя из их действий в отношении гражданских лиц и квалификации этих действий военными судами. Точка зрения некоторых современных исследователей о правомерности выделения «военного сословия» скорее не находит подтверждения на материале привлеченных источников. По мнению автора, можно говорить лишь о том, что имперская государственная власть отделяла военнослужащих от гражданского населения, используя формально-юридические инструменты, в частности, при вынесении приговоров за совершенные преступления.

**Ключевые слова:** русская армия, XVIII в., военное сословие, военнослужащие, гражданское население, крестьянство, военные суды.

**Для цитирования:** Дмитриев А.В. Девиантное поведение военнослужащих регулярной армии в отношении гражданского населения Российской империи в XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 4. С. 86–94. DOI: 10.15372/HSS20220410.

A.V. DMITRIEV

### DEVIANT BEHAVIOR OF REGULAR ARMY SERVICEMEN TOWARDS THE CIVILIAN POPULATION OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 18<sup>TH</sup> CENTURY

Novosibirsk National Research State University  
(Novosibirsk State University, NSU),  
1, Pirogov str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The paper is devoted to studying the issue of the possibility to allocate regular army soldiers of the Russian Empire in the XVIII century as a specific group in the social system of the country. As a rule, to solve this issue scholars nowadays turn to the study of certain aspects of the daily life of military ranks or their established legal status. However, the author considers it possible to use the materials of judicial and investigative cases related to military personnel crimes against the civilian population, in particular, peasants as the most numerous social group in the country. Studying the archival materials allowed to make following conclusions. Firstly, the servicemen themselves did not act in their professional status when killing

---

**Андрей Владимирович Дмитриев** – д-р ист. наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой отечественной истории, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Новосибирский государственный университет, НГУ), e-mail: khaldeus@academ.org, <https://orcid.org/0000-0001-9211-0407>.

**Andrey V. Dmitriev** – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Acting Head of the Russian History Department, Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk State University, NSU).

peasants and hardly realized themselves as representatives of the “military estate”. Ensign Glebov, punished by a military court for a serf murder, had committed a crime 10 years before, being retired and living in his estate. Soldier Oshchepkov and cabman Solovyov had murdered peasants, being themselves fled from military service at that moment and, apparently, intending to part with the army forever and “dissolve” among the peasants. Secondly, when passing sentences in these cases, the military courts of the army units stationed in the territory of Siberia were guided by both the military law (Military Article) norms, and some articles of civil legislation, while continuing to qualify the defendants as military employees. Thus, these cases rather testify not to the “military estate” existence as a separate group or even a social institution, but to the fact that the supreme power just tried to separate people who were in military service from other categories of its subjects. The formal legal instruments of the imperial legislation were used primarily for this purpose, and especially to impose punishments for crimes against representatives of the civilian population.

*Key words:* Russian army, XVIII century, military estate, servicemen, civilian population, peasantry, military courts.

## ВВЕДЕНИЕ

В истории регулярной армии России XVIII в. до сих пор фактически остается в тени вопрос о том, можно ли считать людей, находившихся в ее рядах на военной службе, особой группой в социальной структуре населения империи. Осознавали ли себя военнослужащие как людей, совсем «выпавших» из той социальной среды, к которой они принадлежали изначально по своему происхождению, или нет? Как вели себя военные чины по отношению к представителям разных социальных групп в стране в тех или иных обстоятельствах? Все эти проблемы почти не привлекают внимания исследователей. На общетеоретическом уровне данного вопроса коснулся Б.Н. Миронов, однако его позиция выглядит не до конца понятной: с одной стороны, он утверждает, что «люди, попавшие в солдаты, переходили в состав “военного сословия”» [Миронов, 2014, с. 446], с другой – считает возможным относить представителей «военного сословия» к «разночинцам», которые «являлись промежуточной социальной группой между податными и привилегированными сословиями, поэтому они не попадали в главные сословия» [Миронов, 2014, с. 448]. П.П. Щербинин без тени сомнения полагает, что «военное сословие», безусловно, существовало, указывая, что «с точки зрения межсословной мобильности оно было открытым на входе, но закрытым на выходе» [Киселев, Щербинин, 2015, с. 148]. Более того, он считает возможным говорить о том, что «в оценках российской и зарубежной историографии военное сословие являлось особым социальным институтом, с присущими только ему групповыми интересами, настроениями, правовым статусом и социальным поведением» [Киселев, Щербинин, 2015, с. 146].

Однако в работах и П.П. Щербинина, и его коллег и учеников рассматриваются лишь такие аспекты, как, например, постоянная повинность или социальная адаптация отставных военных [Щербинин, Яковлева, 2009; Яковлева, Щербинин, 2010; Щербинина, Невзоров, 2019]. В одной из наших публикаций были затронуты вопросы о механизмах жизнеобеспечения военных чинов в условиях Сибири и эффективности взаимодействия военных и гражданских властей в ходе решения возникающих в данной сфере проб-

лем [Дмитриев, 2017]. Но вне поля зрения исследователей остается такая область, как правонарушения и преступления, совершавшиеся военнослужащими, когда потерпевшими оказывались представители какой-либо группы гражданского населения страны, прежде всего крестьянства, составлявшего большинство подданных российских монархов в XVIII в. Между тем изучение действий, предпринимавшихся людьми в мундирах по отношению к другим социальным субъектам, позволяет выяснить, действительно ли военнослужащие не считали себя связанными с окружающей их социальной средой и готовы были на любые шаги для удовлетворения своих личных интересов.

Против такого подхода может быть выдвинуто следующее возражение: совершение тех или иных правонарушений и преступлений является экстремальным, ненормальным социальным деянием, не укладывающимся в рамки повседневной жизнедеятельности людей, поэтому не может быть надежным индикатором проявления тех или иных установок, ценностей, стереотипов поведения. Однако следует понимать, что само существование вооруженных сил в любом государстве уже накладывает определенный отпечаток на тех, кто находится в их рядах, давая им возможность владеть тем или иным оружием и применять его для лишения жизни других людей. Готовность к экстремальной ситуации военного конфликта сама по себе оказывает немалое влияние на психологию и поведение как отдельных лиц, так и целых групп населения. Не случайно Е.С. Сениянская справедливо отмечает необходимость изучать «те аспекты жизни “гражданского”, мирного общества, которые характеризуют его подготовку к подобного рода экстремальным историческим ситуациям» [2016, с. 4]. В таком смысле поведенческие практики военнослужащих как в условиях войны, так и в мирной жизни не имеют существенных отличий, поэтому фактор «экстремальности» в данном случае не является препятствием для выяснения поставленных выше вопросов, хотя для XVIII в. необходимо, конечно, принимать во внимание и специфическую ментальность российского общества.

Исходя из этого, нами было изучено несколько судебно-следственных дел, хранящихся в фонде Ге-

нерал-аудиторской экспедиции канцелярии Военной коллегии (ф. 8) Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) и относящихся к последней трети XVIII в. Эти дела были заведены в связи с преступлениями, совершенными военнослужащими частей регулярной армии в Сибири против крестьян и вызвавшими смерть потерпевших. На этих материалах попытаемся проследить мотивы, которыми руководствовались преступники при осуществлении своих деяний, и установить, как объясняли совершенное они сами, с одной стороны, и как квалифицировали их поступки судебные органы, определяя меру наказания, – с другой. Заметим, что такие преступления совершались как офицерами, так и рядовыми солдатами, однако они могут рассматриваться в одном общем ряду, поскольку и сущность содеянного (убийство), и применяемые военными судами законодательные нормы были идентичными, а разница в чинах не имела значения. При этом следует оговориться, что в некоторых из рассмотренных нами дел сами военнослужащие, совершившие преступления, происходили из низших сословий, попали в ряды армии по рекрутским наборам. Однако сначала уделим внимание одному весьма своеобразному делу, разбиравшемуся военным судом Иркутского гарнизонного пехотного батальона в 1779 г.

#### УБИЙСТВО КРЕПОСТНОГО ОТСТАВНЫМ ВОЕННЫМ

Подсудимым по делу выступал прапорщик Михаил Глебов – дворянин, владевший имением и 130 душами крепостных в Белгородской губернии. Военную службу он начал за 20 лет до совершения данного преступления, сначала поступив в Сухопутный кадетский корпус, но быстро ушел в отставку в чине поручика. Затем, однако, его вернули в армию, посчитав опасным для общественного спокойствия, «яко человека дерзкого и поведения не только распутного, но и развращенного, и оказавшегося по следствию в говорении им некоторых вымышленных да дерзких непристойных слов»<sup>1</sup>. Именным указом Екатерины II он был отправлен в Иркутский батальон, «откуда его внутрь России выпускать не велено». Находясь на службе в Иркутске, он также совершил ряд дисциплинарных проступков, за что поплатился разжалованием из поручиков в прапорщики. А летом 1778 г. в Иркутскую губернскую канцелярию поступила промемория из Белгородской губернской канцелярии, в которой содержались материалы следствия, производившегося в отношении Глебова еще в 1769 г., когда он был обвинен в засечении кнутом одного из крепостных крестьян, принадлежавшего со-

седней помещице (его родной сестре). Следствие, которое велось в Путивльской воеводской канцелярии, не нашло достаточно доказательств его вины, и бумаги осели в архиве губернской канцелярии, откуда были извлечены спустя почти 10 лет и переправлены в Иркутск.

Случаи убийств своих (да и чужих) крепостных крестьян помещиками уже во времена Екатерины II не были, конечно, чем-то исключительным – достаточно вспомнить данные, собранные в работе В.И. Семевского, который приводит десятки примеров такого рода [1881, с. 185–207]. Владельцы при этом далеко не всегда подвергались наказанию. Как отмечает А.Н. Долгих, «необходим был целый набор условий, чтобы эти жалобы дошли до логического завершения: крестьяне «по миру пошли», многочисленные случаи смертей крестьян по вине помещика и др.; наличие формальной жалобы, и чтобы она дошла до адресата – правительственного чиновника, имеющего возможность активно на нее реагировать; чтобы этот чиновник пожелал разрешить проблему; отсутствие решающего противодействия со стороны помещика и его высокопоставленных защитников (не в каждом случае можно было затеять такое дело); наличие закона, под который попадало бы правонарушение помещика; конкретные доказательства (с чем были проблемы, так как часто рабами-союзниками помещика здесь выступали его крепостные, боявшиеся свидетельствовать против хозяина); благожелательное отношение к делу местной администрации и суда» [Долгих, 2015, с. 96].

Однако здесь мы наблюдаем весьма оригинальную картину, когда владельца-дворянина осуждает военный суд за преступление, совершенное лицом, находившимся в отставке! Еще удивительнее выглядит то, как серьезно «кригсрехт» Иркутского батальона подошел к выполнению своих обязанностей: присутствующие офицеры, «слушав полученный ея императорскаго величества из Иркутской обер-комендантской канцелярии о исследовании над прапорщиком Глебовым в засечении крестьянина кнутом до смерти указ и при нем приложенную из Белгородской губернии в Иркутскую губернскую ж канцелярию с промемории копию, и по оной имея разсуждение, приказали из той промемории по приличности и обстоятельству дела на допрос прапорщика Глебова учинить вопросные, с предписанием наперед генеральных, специальные пункты, по которым и допросить ево в присутствии настоящим порядком»<sup>2</sup>. На предложенные ему «вопросные пункты» прапорщик, разумеется, отвечал стереотипно «того я ныне за долгопрошедшим временем не упомяну» или «того я никак знать не могу и ни от кого не слыхал».

<sup>1</sup> Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 490. Оп. 5. Д. 325. Л. 226 об. – 227.

<sup>2</sup> Там же. Д. 499. Л. 19.



Изучая присланные материалы, суд обнаружил, что из всех допрошенных в Путивльской воеводской канцелярии только один из дворовых людей Глебова признался в своем собственноручном участии в заведении жертвы кнутом до смерти, остальные же «в убийстве не винулись, учинили заперателство». Прямых доказательств вины помещика действительно не находилось, однако батальонные офицеры, рассуждая вполне здраво, заключили: «Как он Глебов собственноручно признается что по вытаскивании крестьянина Миляева мертвого из воды, не осмотря и не изыскав об нем, отчего в воде нашелся, и не дав о том нигде в присудственных местах знать, похоронить тогда ж приказал, почему и доводится на него подозрение»<sup>3</sup>.

Мотивы подсудимого, в их представлении, выглядели следующим образом: «Хотя и не имея такого умысла или намерения, чтоб до смерти убить, а может по долгу хозяйскому за какую либо вину означенного крестьянина Миляева наказывал, и разгорячась при том с азартности, не узнав меры, чрезвычайно и неосмотрительно бил до тово, пока оной от тех побои или между тем от приключившейся на тот случай другой какой по человеческому состоянию неведомы болезни умер, и усмотря умершаго от страху, чтоб сие дело неизвестно было, закрывая умышленно, в воду бросить приказал с тем намерением, когда найдется, то бы почтен был за утопшаго, а не убитова, за каковым умыслом и по найденнии из воды к осмотру и изысканию порядком не приступил, и допусая до похоронения безгласно оставил»<sup>4</sup>. В итоге военный суд квалифицировал его действия как «прикрывательной умысел или неразсудительную простоту» и постановил признать его виновным в непредумышленном убийстве: «Хотя ж не с намерения к смертному убийству, однако по причине ево приключения яко участником в сем смертном деле судится виновным».

Вынеся обвинительный приговор, судьи стали подбирать соответствующие преступлению статьи из действующего законодательства империи. Одна статья сразу «лежала на поверхности» – ст. 71 из главы 21 Соборного Уложения 1649 г., по которой помещик за убийство чужого крепостного обязан был возместить содеянное, передав другому владельцу лучшего из крестьян в своем собственном имении<sup>5</sup>. Зато из Артикула воинского были привлечены целых четыре статьи – толкования к ст. 154, 158 и 163 (все посвящены убийствам, совершаемым военными)<sup>6</sup>, а также ст. 28, дословно гласившая: «Буде же кто от ленности, глупости или медлением, однакож без упрям-

ства, злости и умыслу оное не управит, что ему от его начальника повелено, оный имеет по состоянию и важности дела от службы либо весьма или на довольное время отставлен быть, и по вся разы, на сколько времени он отставится, за рядоваго служить»<sup>7</sup>.

Кажется странным, какое отношение имеет данная статья к такому делу, однако ее использовали как раз для обоснования вынесенного судом приговора: «Лиша чинов, написать в салдаты до выслуги и предать ево церковному покаянию». Связано это было с тем, что в толкованиях к другим статьям, перечисленным выше, говорилось лишь о возможности избавления убийц от смертной казни, но не давалось конкретных указаний, чем именно может быть заменена смертная казнь в том или ином конкретном случае. С этим приговором согласились бригадир и обер-комендант Иркутска И. фон Линеман, а также иркутский губернатор генерал-майор Ф. Кличка, затем он был утвержден определением Военной коллегии<sup>8</sup>.

Рассмотренное дело дает богатую пищу для размышлений относительно сразу нескольких аспектов поставленной проблемы. Во-первых, прапорщик Глебов оказался под военным судом за преступление, совершенное тогда, когда он находился в отставке, а не в статусе действительно военнослужащего. Впрочем, это было характерной чертой российской юстиции XVIII в. Так, В.И. Семевский отмечал случаи применения для наказания помещиков за убийства крепостных статей Артикула воинского, объясняя это так: «За отсутствием закона, прямо предусматривавшего данный случай, приходилось применять к делу не совсем подходящие постановления» [Семевский, 1881, с. 191]. Современные исследователи связывают данную особенность с тем, что «Артикул воинский 1715 г. включал статьи о преступлениях не только воинских, но и политических и общеуголовных. Это и предопределило его применение в общих судах. Видимо, недостаточная четкость формулировок Соборного уложения 1649 г. требовала обращения к другому законодательному материалу» [Лебедева, Макаренко, 2014, с. 519]. При этом справедливо указывается, что «по сравнению с Соборным уложением 1649 г. Артикул воинский 1715 г. содержит значительно большее число видов преступлений, причем составы преступлений определены более точно и четко» [Там же, с. 520]. Однако нас скорее интересует вопрос о том, почему вообще было принято решение об извлечении дела из архива Белгородской губернской канцелярии и отправке его в Иркутск.

Можно предположить, что причиной послужили многочисленные нарушения дисциплины прапорщи-

<sup>3</sup> РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 499. Л. 55.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Соборное Уложение 1649 г. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 125.

<sup>6</sup> РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 499. Л. 55 об.

<sup>7</sup> Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. М., 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. С. 333.

<sup>8</sup> См.: РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 499. Л. 56–79 об.

ком Глебовым за время его службы в Иркутском батальоне на протяжении 1770-х гг. Приведенный в деле список его проступков, совершенных с 1771 по 1776 г., насчитывал более 10 эпизодов избиения подчиненных солдат, неповиновения вышестоящим командирам, пьянства во время несения караульной службы у тюремного острога, вымогательства у заключенных там колодников денег и пр.<sup>9</sup> За это еще в 1772 г. иркутский губернатор А.И. Бриль приговорил его к понижению в чине (из поручиков в прапорщики), а в 1776 г. «временно правивший губернаторскую должность» бригадир Немцов и вовсе разжаловал его на год в солдаты<sup>10</sup>. Вероятно, военные командиры и гражданские власти искали возможности избавиться ряды офицеров Иркутского батальона от такого человека, и белгородское дело послужило для этого благоприятным поводом. Более того, даже во время судебного процесса Глебов снова «отличится». Губернатор Ф. Кличка с негодованием доносил Военной коллегии, что тот «ноне по случаю доставшагося у тюремного острога посту, в самой праздник пятидесятницы после полудня, когда от злонравных людей по привычке чайть можно всякой непристойности, отважился отпустить в мир таких двух каторжных, што один был в тринадцати разбоях, за стражей незадолго пред тем приведенных на канате продерзостнова состояния двух салдат, ис коих один, сообщась с колодниками, бежал, а другой возвратился к посту уже перед вечером пьяной, с тем, што выпивши у колодников в одном кабаке чарку вина, ходил на квартиру обедать!»<sup>11</sup>. Держать такого человека на службе в обер-офицерском чине действительно не представлялось целесообразным.

Во-вторых, при изучении протоколов допросов подсудимого и формулировок мнений членов суда сразу же бросается в глаза, что Глебова нигде не квалифицировали именно как военнослужащего, а рассматривали его действия исключительно с точки зрения владельческих прав и уголовной ответственности в гражданской, а не в военной сфере. Хотя он везде назывался в документах «прапорщиком Глебовым», но делалось это лишь для обозначения его нынешнего военного чина. Батальонные офицеры детально разбирали показания всех лиц, привлеченных к допросам в Путивльской воеводской канцелярии, сопоставляли их между собой, после чего пришли к выводу, что «из разных показаний усматриваетца, хотя упомянутой прапорщик Глебов по ответам своим в убийстве крестьянина Федора Миляева и не признается, но те разные показания в том его избличают»<sup>12</sup>.

В результате Глебову были предложены целых 12 пунктов, касавшихся отдельных моментов его собственных действий и показаний ряда лиц, на которые он вынужден был отвечать<sup>13</sup> – в точности так, как это предписывалось «Кратким изображением процессов и судебных тяжб»<sup>14</sup>. Это уже заставляет усомниться в том, что современниками проводилось какое-либо различие между преступлениями военнослужащих и представителей тех или иных слоев гражданского населения.

Заметим, что в первых же пунктах «Краткого изображения...» проводилось разграничение между судами гражданскими и военными, на практике, как видим, почти не соблюдавшееся: «Правосудие удобнее последующим образом учреждено быть может. (1) В гражданской суд, который во время миру и войны в каждом государстве твердо определен есть, и разные ссоры и брани, между подданными разных чинов происходящие, оной же власти судейской подвержены суть. (2) В воинской суд, в котором толко ссоры между офицеры, солдаты и прочими особами войску надлежащими, происходящая разыскиваются и по изобретению дел решатся»<sup>15</sup>. Правда, Глебов был по происхождению потомственным дворянином, так что вряд ли может быть причислен к «военному словию». Но если обратиться к делам о преступлениях, совершенных в отношении крестьян военнослужащими недворянского происхождения, то и там обнаруживается очень похожая картина.

#### УБИЙСТВА КРЕСТЬЯН БЕГЛЫМИ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ

В 1790 г. военный суд в Тобольске разбирал дело беглого солдата Ермолая Ощепкова, 36-летнего солдатского сына из Екатеринбурга, к тому моменту уже 17 лет находившегося на службе. Выяснилось, что Ощепков, в 1787 г. переведенный из 2-го Тобольского гарнизонного пехотного батальона в состав Иркутского батальона, хотел добиться возвращения в Тобольск и «сей побег учинил... с намерением, чтоб пройти в город Таболск и явится у главнокомандующаго Таболскими баталионами и просить о определении ево во оныя»<sup>16</sup>. При этом он и в предыдущие годы неоднократно нарушал воинскую дисциплину и слабо исполнял свои обязанности: так, украл из дома генерал-губернатора теплые сапоги, а в Перми упустил двоих колодников, за что был приговорен к наказанию кнутом и ссылке в каторжные работы, однако приговор этот почему-то не получил исполнения. На-

<sup>9</sup> См.: РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 499. Л. 29–31.

<sup>10</sup> Там же. Л. 54 об.

<sup>11</sup> Там же. Л. 56–56 об.

<sup>12</sup> Там же. Л. 25.

<sup>13</sup> Там же. Л. 25–28 об.

<sup>14</sup> Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (ПСЗ-1). СПб., 1830. Т. 5. С. 392 и далее.

<sup>15</sup> Там же. С. 383.

<sup>16</sup> РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1457. Л. 10 об.

ходясь в д. Тырышкиной Томской округи вместе с еще двумя солдатами, Ощепков «напившись пьян и взяв намерение к побегу... от тех салдат скрылся и имя свое переменял»<sup>17</sup>, после чего два с лишним года нанимался на разные работы в Иркутске и Красноярске, называя себя крестьянином-посельщиком Борисом Михайловым. Однако после того как зимой 1789/1790 г. его вывел на чистую воду ачинский земский исправник Тельцов, Ощепков бежал в Томск, но в д. Большекосульской был взят под стражу сотским как беглый и отправлен в волостной суд в сопровождении двоих крестьян в качестве караульных. Далее, как показывал сам Ощепков, произошло следующее: «По отправлении из селения один ис караульных другога, считая за тягость ехать на одной лошади, с саней столкнул, с тем что он один ево Ощепкова препроводит, а как он Ащепков был пьян и, отъехавши от той деревни версты три, убоаясь ложнаго исправнику о себе показания, следуюшаго с ним провозжатаго, изготоя ис кушака петлю, надев ему на шею, удавил до смерти, котораго и отвез к стоящей хлебной кладе, у коей вывалил ево из саней»<sup>18</sup>.

После убийства провозжатаго беглец, как ни странно, вернулся в деревню, но там какая-то женщина опознала запряженную в сани лошадь, и Ощепкову пришлось уходить оттуда пешком. На следующее утро он столкнулся с пятерыми мужиками, «которые спросили ево, не тот ли он, что от них из деревни отправлен, в чем он им признался, и при том спрашивали об отправленном с ним провозжатам, и на оной их вопрос, раскаясь, объявил, что удавил, которые по доводу ево, подняв то мертвое тело, ево представили в Боготольской волостной суд»<sup>19</sup>.

Из волостного суда арестованного отправили в Тобольск, где по предложению обер-коменданта Мордвинова и по указу наместнического правления он был отдан под военный суд. Судьи, руководствуясь содержанием ст. 95 и 154 Артикула воинского (о побеге и об убийстве соответственно), приговорили Ощепкова к смертной казни через отсечение головы<sup>20</sup>, но пермский и тобольский генерал-губернатор Н. Волков предложил заменить ее наказанием кнутом, вырыванием ноздрей и ссылкой на каторгу: «Выключая из воинскаго звания, наказать кнутом и, вырезав ноздри с постановлением на лбу и на щеках... знаков, сослать в Иркутскую губернию в каторжную работу вечно»<sup>21</sup>.

Военная коллегия, рассмотрев дело, предложила запросить Сенат относительно возможности приведения в исполнение смертного приговора, «а между тем, дабы оный Ощепков во ожидании о той смертной ему казни указа не мог учинить из под караула побега, выключая ево из воинскаго звания, бить ныне кнутом и потом, вырезав ноздри и заклеяя указными знаками, сослать скованнаго в кандалы куда следует в каторжную работу, о чем к господину генерал порутчику правящему должность Пермскаго и Таболскаго генерал губернатора и кавалеру Волкову послать указ»<sup>22</sup>.

Здесь следует отметить, что беглому солдату удавалось более двух лет скрываться от властей, выдавая себя за крестьянина, хотя сам он был некрестьянского происхождения. Значит, Ощепков оказался способен так замаскировать свои повседневные привычки и стереотипы поведения, что его невозможно было уличить. Ачинский исправник обнаружил его по чистой случайности, потребовав предъявить паспорт, которого беглец, естественно, не имел. Фактически принадлежа к «военному сословию» как по происхождению, так и по положению в течение практически всей жизни, Ощепков, тем не менее, успешно отказался от присущих «военному сословию» настроений и социального поведения (в трактовке П.П. Щербинина, см. выше). Правда, он заявлял суду о своем желании продолжать военную службу, но делал это, вероятно, с целью хоть немного облегчить свою участь. Да и само поведение беглеца после совершения убийства выглядит совершенно необъяснимым и лишенным всякого рационального смысла – вместо того чтобы бежать из деревни, откуда был родом убитый им крестьянин, он сначала вернулся туда ночью, а потом оставался в окрестностях и на следующее утро, когда его поймали. Хотя, по его собственному признанию, в момент убийства он был пьян и вряд ли мог детально обдумывать свои дальнейшие действия, но затем при встрече с крестьянами, очевидно, сознательно сообщил о совершенном преступлении.

Вместе с тем военным судом он был признан по-прежнему состоявшим на службе и подлежал смертной казни именно как военнотружущий – не зря генерал-губернатор Волков предлагал сначала лишить его воинскаго звания, а уже после этого производить наказание. Следовательно, даже совершив побег и скрываясь в течение длительного времени, этот человек в глазах имперской государственной власти продолжал оставаться солдатом, а не крестьянином или кем-то еще.

<sup>17</sup> РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1457. Л. 9 об.

<sup>18</sup> Там же. Л. 10.

<sup>19</sup> Там же. Л. 10–10 об.

<sup>20</sup> В санкции суда, впрочем, содержалась и ссылка на два пункта из гл. 2 части второй «Краткого изображения...». См.: ПСЗ-I. Т. 5. С. 393–394.

<sup>21</sup> РГВИА. Ф. 8. Оп. 5. Д. 1457. Л. 11–11 об.

<sup>22</sup> Там же. Л. 11 об.

Еще одно дело связано с преступлениями, совершенными в 1794 г. извозчиком Сибирского драгунского полка 33-летним Борисом Соловьевым<sup>23</sup>. Он служил с 1787 г., происходил из крестьян, однако после семи лет пребывания в полку бежал, причем для того, чтобы раздобыть себе лошадь, заявил одному крестьянину в д. Белой, находившейся недалеко от крепости Святого Петра (ныне г. Петропавловск в Казахстане), что «был послан вслед отряженной для заготовления лесу команды, но не нашед оной, намерен возвратиться в крепость Святого Петра, и просил ево, чтоб он дал ему для съезду лошадь, а как тот крестьянин отправлял на лошади в ту крепость жену свою, то и велел ей ево свезти за поряженную цену пятьдесят копеек»<sup>24</sup>. По дороге Соловьев стал требовать у женщины, чтобы она отдала ему лошадь, а после ее отказа, остановив телегу якобы для того, чтобы покосить траву, «по намерению, предпринятому им к убийству ее единственно для завладения лошади, еще до выезда из избушки изготовленную петлею из своей подвязки накиннул оную ей незапно на шею и, сшибя потом на землю, задавил, и оттаща от местоубийства сажени на две, привязал мертвой труп без снятия бывшей на оном одежды к березе»<sup>25</sup>. Приехав на этой лошади к своему дяде в Курганскую округу, он продал ее последнему за 5 руб., после чего благополучно пропил эти деньги и поехал дальше в Тюмень, украв лошадь у другого крестьянина. Там он сошелся еще с троими беглыми, которые послали его в город для покупки хлеба, но в Тюмени Соловьев был взят под стражу и отправлен обратно в свой полк. Ему дважды удавалось бежать из-под караула, но оба раза его быстро ловили, причем в последний раз его схватил крестьянин, у которого он пытался украсть хлеб из погреба. Тем временем полкового командира уведомили о том, что было найдено тело убитой Соловьевым женщины.

Военный суд Сибирского драгунского полка, рассматривая дело Соловьева в январе 1795 г., указал в своем решении, что к нему должен быть применен ряд статей Артикула воинского: ст. 95 (побеги), 154 (убийство), 189 и 191 (кражи), 202 (перемена имени); отдельно присовокупили ст. 185 (воровство приотягчающих обстоятельствах, т.е. с совершением убийства). Исходя из того что именно последняя статья предусматривала смертную казнь максимально жестоким и мучительным способом – колесованием, су-

дья определили приговоренному это наказание: «Пред полком колесовать и положить тело его Соловьева на колесо»<sup>26</sup>.

Однако командующий Сибирским корпусом генерал-поручик Г. Штрандман предложил не лишать виновного жизни, заменив смертную казнь каторгой (как и в предыдущем случае): «Мнением моим полагаю за означенные преступления и убийство, не чиня ему Соловьеву смертной казни, а выключая ево из воинской службы, выбить пред полком кнутом и, вырезав ноздри, поставя на лбу и на щеках штемпелевые знаки, сослать в катаржную работу»<sup>27</sup>. Аналогичным образом Военная коллегия, передав приговор с мнением командующего на рассмотрение Сенату, распорядилась привести в исполнение предложение Штрандмана.

В данном случае мы видим, что военнотрудовой, сам происходивший из крестьянской среды, совершил ряд преступлений именно в отношении крестьян, пошел даже на убийство женщины и на обман своего родственника. Особенно удивляет то, что в продолжение предыдущих семи лет службы Соловьев «ни в каких продерзостях и по суду в штрафах и наказаниях не бывал». Однако можно ли считать на этом основании, что он более не считал себя связанным с крестьянской средой? Неоднократные попытки к бегству, скорее, наводят на мысль, что он рассчитывал «раствориться» среди сельского населения Западной Сибири, подобно тому как это удалось на некоторое время солдату Ощепкову (см. выше). Военный суд квалифицировал его преступления как совершенные лицом, состоящим на службе, но командующий корпусом посчитал возможным, лишив подсудимого этого статуса, сохранить ему жизнь. Приведенные примеры, пожалуй, свидетельствуют о том, что даже при условии признания существования «военного сословия», оно не могло быть полностью «закрытым на выходе», как утверждает П.П. Щербинин. Выход был, пусть и столь драматический.

Имеются и другие примеры такого рода – аналогичными делами мы располагаем по более раннему периоду 1740-х гг. В частности, в 1740 г. солдат одного из гарнизонных полков Г. Антипин (крестьянского происхождения) бежал со службы, жил под чужим именем и с фальшивым паспортом в Томске, даже пытался устроить пожар в церкви, чтобы украсть оттуда позолоченный крест<sup>28</sup>. Солдат Новоучрежденного гарнизонного пехотного батальона С. Быков в 1742 г.

<sup>23</sup> Извозчики считались нестроевыми чинами, однако числились в списках армейских полков наряду с рядовыми солдатами, получали казенное жалование и носили военный мундир.

<sup>24</sup> РГВИА. Ф. 8. Оп. 10. Д. 2744. Л. 17.

<sup>25</sup> Там же. Л. 17–17 об.

<sup>26</sup> РГВИА. Ф. 8. Оп. 10. Д. 2744. Л. 18–18 об.

<sup>27</sup> Там же. Л. 16.

<sup>28</sup> См.: Там же. Оп. 3. Д. 310. Л. 1–12 об.

несколько раз ложно обвинял своих сослуживцев по «государеву слову и делу», а также украл у своего ротного командира значительную сумму денег<sup>29</sup>.

#### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя сказанное, мы считаем возможным утверждать, что все рассмотренные выше дела, скорее, свидетельствуют не о существовании «военного сословия» как отдельной группы или даже социального института, а о том, что людей, находившихся на военной службе, верховная власть старалась отделить от других категорий своих подданных, для чего использовались в первую очередь формально-юридические инструменты имперского законодательства, применявшиеся в том числе для вынесения наказаний за преступления против представителей гражданского населения<sup>30</sup>. В изученных выше случаях дворянин Глебов имел статус отставного военного и выступал в роли помещика, владельца имения, а солдат Ощепков и извозчик Соловьев были беглецами, желавшими расстаться с военным мундиром. Однако рассматривали их дела армейские суды, которые выносили приговоры на основании военного законодательства. Использование судебно-следственных дел в качестве источников, на наш взгляд, может помочь в решении проблемы определения места чинов регулярной армии в социальной системе Российской империи XVIII в. Девиантное поведение военнослужащих в отношении гражданских лиц, по нашему мнению, свидетельствует о том, что преступники не идентифицировали себя в качестве представителей особой группы / института, а придерживались стереотипов поведения, сформировавшихся той социальной средой, из которой они переходили в ряды армии.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII в.: очерки. М.: Воениздат, 1958. 645 с.

Дмитриев А.В. Взаимоотношения военнослужащих регулярной армии с гражданскими властями и населением Сибири во второй половине XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2017. Т. 24, № 4. С. 16–20.

<sup>29</sup> См.: РГВИА. Ф. 8. Оп. 3. Д. 3. Л. 1–19 об. На это дело ссылался еще Л.Г. Бескровный, квалифицируя жалобы по «слову и делу» как одну из форм социального протеста: «Солдаты надеялись, что таким путем им удастся освободиться от пожизненной службы» [Бескровный, 1958, с. 164]. Однако сегодня подобная трактовка выглядит слишком наивной. Всего из известных нам более чем 370 судебно-следственных дел военнослужащих армейских частей в Сибири за 1740–1790-е гг. не менее 120 случаев касаются именно обвинений в отношении рядовых солдат, драгун и др.

<sup>30</sup> Несколько иную картину может дать изучение офицерского корпуса русской армии, точнее, той его доли, которую составляли лица недворянского происхождения. Их потомки мужского пола действительно во многих случаях избирали ту же стезю, что и их отцы / деды – военную карьеру. См. об этом: [Дмитриев, 2022].

Дмитриев А.В. Семейное положение офицеров гарнизонных войск в Сибири середины XVIII в. // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 991–1006.

Долгих А.Н. Жалобы владельческих крестьян и система наказаний помещиков в законодательстве России конца XVIII – первой половины XIX в.: к постановке проблемы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (58), ч. 3. С. 95–100.

Киселев А.С., Щербинин П.П. Историко-правовые аспекты формирования военного сословия в XVIII в. // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Вып. 8 (148). С. 145–150.

Лебедева Н.В., Макаренко Н.Г. Имущественные преступления в России (1700–1864 гг.): правоприменительная практика // Былые годы. 2014. № 34 (4). С. 519–523.

Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 1. 896 с.

Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II: в 2 т. СПб.: Тип. Ф.С. Сушинского, 1881. Т. 1. 562 с.

Сенявская Е.С. Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли [Электронный ресурс] // Вестн. Мининского ун-та. 2016. № 1–2 (14). С. 1–14. URL: <https://vestnik.mininiver.ru/jour/article/view/168/169>.

Щербинин П.П., Яковлева Л.Е. Правовое регулирование постоянной повинности в Российской империи в XVIII–XIX вв. // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2009. Вып. 1 (69). С. 408–411.

Щербинина Ю.В., Невзоров Е.Ю. Демографическое поведение и семейная жизнь военных ветеранов в Российской империи в XVIII–XIX вв. // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2019. Т. 24, № 178. С. 121–127.

Яковлева Л.Е., Щербинин П.П. Постоянная повинность и крестьянство Российской империи в XVIII в. // Российский крестьянин в годы войн и в мирные годы (XVIII–XX вв.). Тамбов: Изд-во ВПО ТГТУ, 2010. С. 177–185.

#### REFERENCES

Beskrovny L.G. (1958). Russian Army and Navy in the XVIII century (essays). Moscow, Voenizdat, 645 p. (In Russ.)

Dolgikh A.N. (2015). Complaints of proprietorial peasants and the system of punishments of landlords in the Russian legislation of the late XVIII – 1<sup>st</sup> half of the XIX century: towards the problem formulation. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie, Voprosy teorii i praktiki*. No. 8, pt. 3, pp. 95–100. (In Russ.)

Dmitriev A.V. (2017). Family life of the Russian regular army servicemen in the XVIII century from the history of everyday life's point of view: crimes and punishments. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Vol. 24, no. 4, pp. 16–20. (In Russ.)

Dmitriev A.V. (2022). Marital status of the officers at the Russian army's garrison forces in Siberia in the mid XVIII century. *Quaestio Rossica*. Vol. 10, no. 3, pp. 991–1006. (In Russ.)

Kiselev A.S., Shcherbinin P.P. (2015). Historical and legal aspects of the formation of the military estate in the XVIII century. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. Iss. 8, pp. 145–150. (In Russ.)

Lebedeva N.V., Makarenko N.G. (2014). Property crimes in Russia (1700–1864): law enforcement practice. *Bylye gody*. Vol. 34, no. 4, pp. 519–523. (In Russ.)

Mironov B.N. (2014). Russian Empire: from tradition to modernity. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin, vol. 1, 896 p. (In Russ.)

Semevsky V.I. (1881). Peasants in the reign of Empress Catherine II. Saint Petersburg, Tip F.S. Sushchinskogo. vol. 1, 562 p. (In Russ.)

Senyavskaya E.S. (2016). Military anthropology: the experience of formation and development of a new scientific branch. *Vestnik Mininского universiteta*. No. 1–2, pp. 1–14. URL: <https://vestnik.mininiver.ru/jour/article/view/168/169> (accessed 15.08.2022). (In Russ.)

*Shcherbinin P.P., Yakovleva L.E.* (2009). Legal regulation of compulsory military service in the Russian Empire in the XVIII–XIX centuries. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. Iss. 1, pp. 408–411. (In Russ.)

*Shcherbinina Yu.V., Nevzorov E.Yu.* (2019). Demographic behavior and family life of military veterans in the Russian empire in the XVIII–XIX centuries. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. Vol. 24, no. 178, pp. 121–127. (In Russ.)

*Yakovleva L.E., Shcherbinin P.P.* (2010). Standing service and the peasantry of the Russian Empire in the 18th century. *Rossiiskiy krest'yanin v gody voyn i v mirnyye gody (XVIII–XX vv.)*. Tambov: Izd-vo TGTU, pp. 177–185. (In Russ.)

*Yakovleva L.E., Shcherbinin P.P.* (2010). Decent service and the peasantry of the Russian empire in the 18<sup>th</sup> century. *Rossiiskiy krest'yanin v gody voyn i v mirnyye gody (XVIII–XX vv.)*. Tambov, pp. 177–185. (In Russ.)

*Статья поступила в редакцию 20.08.2022*

*Дата рецензирования 26.09.2022*

*Статья принята к публикации 06.10.2022*

DOI: 10.15372/HSS20220411  
УДК 655.4/.5(571.1/.5)“18/19”

<sup>1</sup>Е.А. БАЗЫЛЕВА, <sup>2</sup>В.А. ЭРЛИХ

## КНИГОТОРГОВАЯ ПРАКТИКА СИБИРСКИХ ОТДЕЛОВ ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

<sup>1</sup>Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,  
РФ, 630200, г. Новосибирск, ул. Восход, 15  
<sup>2</sup>Новосибирский государственный аграрный университет,  
РФ, 630039, г. Новосибирск, ул. Добролюбова, 160

В статье представлена деятельность сибирских отделов Императорского Русского географического общества в области книжной торговли: продажа книг через книжные магазины и непрофильные организации, открытие книжных складов – собственных книготорговых предприятий, применение подписки – нестационарной формы книжной торговли. Развитие книготорговых отношений подтверждается деятельностью сибирских отделов Императорского Русского географического общества в сфере рекламы книжной продукции. В настоящей статье становление и развитие книготорговой практики сибирских отделов Императорского Русского географического общества рассмотрено на архивных и делопроизводственных материалах, проанализированы источники книговедческого характера – печатная продукция сибирских отделов Императорского Русского географического общества.

**Ключевые слова:** Императорское Русское географическое общество, сибирские отделы ИРГО, книжная торговля, книжная культура.

**Для цитирования:** Базылева Е.А., Эрлих В.А. Книготорговая практика сибирских отделов Императорского Русского географического общества // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 4. С. 95–101. DOI: 10.15372/HSS20220411.

<sup>1</sup>ELENA A. BAZYLEVA, <sup>2</sup>VIKTOR A. ERLICH

## BOOKSELLING PRACTICE OF THE SIBERIAN BRANCHES OF IMPERIAL RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY

<sup>1</sup>State Public Scientific Technical Library SB RAS,  
15, Voshod str., Novosibirsk, 630200, Russian Federation  
<sup>2</sup>Novosibirsk State Agrarian University,  
160, Dobrolyubov str., Novosibirsk, 630039, Russian Federation

Book products of the Siberian branches of the Imperial Russian Geographical Society (IRGS) were distributed mainly free of charge, however, the «cash-free» form was not the only one. The Siberian branches of IRGS often experienced material difficulties, were forced to take care of the pay-back of rather significant printing costs and take measures to sell their publications. Bookselling practice contributed to informing about the activities of the Siberian branches of IRGS, met the needs of specific individuals and institutions that did not have the right to receive editions free of charge, as the basis for entering the book exchange relations was the presence of a permanent periodical body and the nature of the proposed publications.

The production sale of IRGS' Siberian branches was carried out through bookstores and non-core organizations. A characteristic feature of the Siberian branches of IRGS was opening its own book trading enterprises – book warehouses. Books were sold both in whole and separately printed copies of articles from them. Subscription was a non-stationary form of book trading. To raise the sale volume of book products, IRGS' Siberian branches practiced the exchange of advertisements, as well as the publication of book trade lists informing about the editions, their sale and subscription. Such promotions were aimed both at expanding book trading relations, profiting the sale of editions, and popularizing their own scientific activities, more active functioning editions of IRGS' Siberian branches in society.

The article considers, for the first time, the formation and development of book-trading relations of Siberian branches of IRGS based on archival and office materials; analyzes the sources of book-making nature – printed products of Siberian branches of IRGS. The methodological basis

---

**Елена Анатольевна Базылева** – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: bazyleva\_ea@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5370-9991>.

**Эрлих Виктор Альбертович** – д-р ист. наук, профессор, Новосибирский государственный аграрный университет, e-mail: ngau.histori@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9713-7104>.

**Elena A. Bazyleva** – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, State Public Scientific Technical Library SB RAS.

**Viktor A. Erlich** – Doctor of Historical Sciences, Professor, Novosibirsk State Agrarian University.

includes common scientific methods: analysis, synthesis and generalization. The fundamental principles of historicism and scientific reliability, logical and statistical methods made it possible to achieve the set objective – to recreate a holistic picture of the book trade of the Siberian branches of IRGS in the pre-revolutionary period in the context of ongoing political and socio-economic processes.

*Key words:* Imperial Russian Geographical Society, Siberian branches, book trade, book culture.

## ВВЕДЕНИЕ

Крупные научные труды и статьи обобщающего характера, специально посвященные исследованию книготорговой деятельности сибирских отделов Императорского Русского географического общества (ИРГО), до настоящего времени отсутствовали, однако, отдельные сведения содержатся в делопроизводственных материалах – в годовых «Отчетах» и «Протоколах собраний» сибирских отделов ИРГО, а также в книговедческих исследованиях. В числе последних – монография В.Н. Волковой [1995, с. 171–175], посвященная сибирскому книгоизданию второй половины XIX в., где также рассмотрены пути распространения печатной продукции и, в частности, продажа на комиссионных началах научных местных изданий в полиграфических и книготорговых предприятиях Сибири, приведено несколько конкретных примеров возникновения книготорговых отношений между Географическим обществом и сибирскими книжными магазинами. В работах Е.А. Базылевой [2008, с. 330–333; 2009, с. 28–29] по истории издательской, библиотечной и библиографической практики Географического общества в целом рассматривались также пути распространения его изданий, в том числе отмечено участие в развитии книжной торговли и сибирских отделов ИРГО. В коллективной монографии «Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока» [Очерки истории, 2001, т. 2, с. 74, 153] упомянуты лишь отдельные факты продажи изданий сибирскими отделами ИРГО в конце XIX–начале XX в.

В настоящей статье впервые становление и развитие книготорговых отношений сибирских отделов ИРГО рассмотрено на архивных и делопроизводственных материалах, проанализированы источники книговедческого характера – печатная продукция сибирских отделов ИРГО. Методологическую базу составили общенаучные методы: анализ, синтез и обобщение. основополагающие принципы историзма и научной достоверности, логический и статистические методы позволили достичь поставленную цель – воссоздание целостной картины книжной торговли сибирских отделов ИРГО в дореволюционный период в контексте происходящих политических и общественно-экономических процессов.

Для ИРГО была характерна трехступенчатая структура с центром в столице, которому подчинялись региональные отделы, имевшие в свою очередь собственные подотделы. В сибирском регионе было

учреждено три отдела – Восточно-Сибирский (ВСО ИРГО, 1851, Иркутск), Западно-Сибирский (ЗСО ИРГО, 1877, Омск) и Якутский (1913, Якутск). На рубеже XIX–XX вв. были открыты подотделы сибирских отделов ИРГО – Алтайский подотдел ЗСО ИРГО (организован в 1899 г. в Барнауле на основе Общества любителей исследования Алтая, сформированного еще в 1891 г.), Красноярский подотдел ВСО ИРГО (1901), Семипалатинский подотдел ЗСО ИРГО (1902). Таким образом, до 1917 г. действовало 6 сибирских филиалов Географического общества<sup>1</sup>.

Книжная продукция сибирских отделов ИРГО распространялась преимущественно бесплатным путем, однако, «безденежная» форма была не единственной. Сибирские отделы ИРГО зачастую испытывали материальные трудности, были вынуждены заботиться об окупаемости довольно значительных типографских расходов и принимать меры по продаже своих изданий. Книготорговая практика способствовала информированию о деятельности сибирских отделов ИРГО, удовлетворяла потребности конкретных лиц и учреждений, не обладавших правом на бесплатное получение изданий, так как основанием для вступления в книгообменные связи являлось наличие постоянного периодического органа и характер предлагаемых изданий. Конечно, с распространением изданий сибирских отделов ИРГО в регионе возникали определенные трудности, что было связано и с разобщенностью провинциальных культурных центров, и отсутствием надлежащих путей сообщения. Ситуация стала улучшаться с началом строительства Транссибирской железнодорожной магистрали, соединившей европейскую часть России с крупнейшими сибирскими и дальневосточными промышленными городами.

## КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ И НЕПРОФИЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Книготорговые связи Восточно-Сибирского отдела ИРГО были весьма обширны: собственные из-

<sup>1</sup> Следует отметить, что в настоящей статье не рассматривается деятельность Читинского отделения Приамурского отдела ИРГО (организовано в 1894 г.), которое в соответствии со своим географическим положением хотя и относилось к Восточной Сибири, однако согласно административной структуре Географического общества подчинялось Приамурскому отделу ИРГО (создан в 1894 г. в Хабаровске). Поэтому его книготорговую практику целесообразно исследовать в рамках деятельности дальневосточных отделов ИРГО.



дания продавались как в сибирских книжных магазинах П.И. Макушина, так и в иных книготорговых учреждениях. Как известно, приемом книг на комиссию для продажи занимались не только книжные магазины, но и библиотеки, музеи, типографии, редакции и т. д. В 1893 г. Якутским областным статистическим комитетом было принято на комиссию от библиотеки ВСО ИРГО 25 экз. «Очерков Крайнего Северо-Востока, ч. 1.» И. Шкловского (Записки... по общей географии, 1892, т. 2, вып. 2), которые продавались как при канцелярии комитета, так и при музее [Записки Восточно-Сибирского отдела..., 1892]. Такая практика имела место и в дальнейшем: для продажи принимались в небольшом количестве книги, касавшиеся Якутской области. По предложению ВСО ИРГО брала на себя комиссионную продажу книг Троицко-савская библиотека.

Через книжные магазины П.И. Макушина распространял свои издания Западно-Сибирский отдел ИРГО, что подтверждается отчетными ведомостями по продаже книг, полученных на комиссию из «Сибирского книжного магазина» Петра Макушина в Томске и в Иркутске, и сохранившимися в архиве письмами с просьбой о высылке книг на комиссию<sup>2</sup>. Торговля изданиями ЗСО ИРГО осуществлялась и через другие книжные магазины. Среди них магазин, открытый в Иркутске при редакции газеты «Сибирь», просившей в 1887 г. высылать труды и брошюры отдела на комиссию и сообщать обо всех вновь выпускаемых изданиях для информирования общественности<sup>3</sup>.

Продавали свои издания и подотделы ЗСО ИРГО – Алтайский и Семипалатинский. Так, часть экземпляров первого выпуска «Алтайского сборника» (Томск, 1894) (изданного на тот момент еще Обществом любителей исследования Алтая) была передана на комиссию в Барнаульскую общественную библиотеку, а также на книжный склад библиотеки ВСО ИРГО и в типографию «Сибирской газеты». На собрании 2 января 1895 г. член совета Общества любителей исследования Алтая П.Н. Соболев выступил с кратким отчетом о деятельности общества за предшествующий год, где сообщалось о поступлении в продажу первого выпуска «Алтайского сборника» и о том, что он продавался в Томске, Барнауле и Змеиногорске<sup>4</sup>. Десятый выпуск «Алтайского сборника» [1910] был передан для продажи в барнаульские книжные магазины В.К. Сохарева и Е.А. Бастрыгиной, а также отправлен в книжный магазин «Бийская книготорговля» на комиссию с уступкой 20 %. Из-

дание десятого выпуска сборника тиражом 340 экз., из которых 40 – авторских, подотделу обошлось в 178 руб. Исходя из этого, цена одного экземпляра для продажи была назначена 1 руб. 25 коп. 16 января 1910 г. на комиссионную продажу товариществу «Бийская книготорговля» были также отправлены шестой, восьмой и девятый тома «Алтайских сборников» по 10 экз. каждый<sup>5</sup>.

На заседании распорядительного комитета Семипалатинского подотдела ЗСО ИРГО 28 ноября 1912 г. докладывалось, что правитель дел Б.Г. Герасимов сдал для продажи в магазин Косарева «Записки» по 5 экз. со второго по пятый выпуск (всего 20 экз.) [Отчет о деятельности..., 1913, с. 39].

### КНИЖНЫЕ СКЛАДЫ

Издания сибирских отделов ИРГО продавались через *книжные склады*. Так, на заседании ВСО ИРГО 14 ноября 1912 г. было принято решение о продаже через книжный склад 400 экз. труда Ф.К. Боржимского о Барге (редко заселенном районе на северо-востоке Китая), вышедшего отдельной книгой тиражом 600 экз.<sup>6</sup>

Необходимо отметить, что книжный склад существовал при ВСО ИРГО, открывшемся в конце 1851 г., уже с 1852 г. заведование книжным складом входило в обязанности библиотекаря. Здесь были представлены поступившие для продажи издания ВСО ИРГО, других отделов Географического общества и иных учреждений. Для упорядочения работы книжного склада велись книги учета. В «Книге склада» записывались все издания, имевшиеся в наличии. Запись должна была включать название книги, имя автора, номер тома, выпуска, место и год издания, а также сведения о дате поступления, цене и количестве экземпляров. Для каждого отдельного издания в книге оставлялось не менее одной страницы, где впоследствии делались отметки о «движении по складу». По итогам года на каждое издание в «Книге склада» делались соответствующие отметки о числе вышедших экземпляров согласно данным «Дневника по книжному складу» и подводился остаток. В этот «Дневник ...» записывались в хронологическом порядке все поступления на склад и выдачи (рядом с отметкой о выдаче указывалось основание, по которому она произведена).

Велась также «Книга для записи изданий отдела, отправленных для продажи в различные места», где для каждой фирмы, получающей издания отдела на комиссию, был открыт счет с обязательным указани-

<sup>2</sup> Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 86. Оп. 1. Д. 217. Л. 24; ИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 19. Л. 119.

<sup>3</sup> Там же. Д. 16. Л. 228.

<sup>4</sup> Центр хранения Архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. 81. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 об.

<sup>5</sup> Там же. Д. 39. Л. 1, 2 об., 3, 9 об.

<sup>6</sup> Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 293. Оп. 1. Д. 326а. Л. 104.

ем всех отосланных на продажу изданий. Для удобства учета заполнялась еще тетрадь, где в хронологическом порядке учитывались все продажи со склада, с указанием, кому и по какой цене проданы книги. Все выдачи книг со склада производились только по соответствующим распоряжениям председателя и правилителя дел – по ордерам. В конце каждого года заведующий складом составлял отчетную документацию: ведомость, показывающую остаток изданий на складе; ведомость отправленных на комиссию изданий; ведомость проданных книг с указанием полученных денежных сумм. Для контроля работы склада заведующий должен был ежемесячно предоставлять все книги учета распорядительному комитету для проверки<sup>7</sup>.

Продавал свои издания через книжный склад и Красноярский подотдел ВСО ИРГО, например «Записки по антропологии» (1905), где была помещена работа К.И. Горощенко «Материалы по антропологии Сибири». Книга вышла тиражом 400 экз., 40 из них были переданы автору, большая часть подлежала рассылке учреждениям, состоявшим во взаимном обмене с подотделом, а остальные были направлены на склад для продажи<sup>8</sup>. Примечателен тот факт, что изначально этот выпуск «Записок» с работой К.И. Горощенко «Материалы по антропологии Сибири», напечатанный в 1905 г. в типографии Енисейского губернского правления, вышел как второй выпуск первого тома «Записок по этнографии», но в дальнейшем во всех книготорговых списках и рекламных объявлениях о продаже изданий, в том числе в тех, которые помещены на обложках изданий Красноярского подотдела, этот выпуск значился как первый выпуск первого тома «Записок по антропологии» и соответственно следующий третий выпуск первого тома «Записок по этнографии» именовался уже как второй выпуск. При изучении *de visu* последнего выпуска «Записок по этнографии» было установлено, что на титульном листе издания указано – «том 1, выпуск 3», а на последней странице обложки в списке изданий подотдела этот же выпуск значится уже как «том 1, выпуск 2» и в этом же списке указаны «Записки по антропологии» [Записки Красноярского подотдела..., 1906, обл.].

Несмотря на то, что в 90-х гг. XIX в. в Сибири уже не было ни одного города, где бы ни продавались книги, распространение научных изданий в силу своей специфики и по вполне объективным причинам было весьма слабым. Например, к концу 1899 г. на складе ВСО ИРГО оставалось около 2 тыс. томов «Записок», изданных в предшествующие годы [Бердников, 1989, с. 96, 97, 99].

Изученные архивные источники и делопроизводственные материалы позволяют утверждать, что книжные склады Географического общества в первую очередь выполняли роль места хранения печатной продукции и уже потом функции книготоргового предприятия. Согласно возникавшему спросу, издания со складов могли перераспределяться – большая часть распространялась бесплатно по взаимному книгообмену, другая часть небольшими партиями передавалась для продажи (на комиссию) книжным магазинам и другим непрофильным организациям (и именно здесь наблюдается зарождение мелкооптовой торговли), некоторые книги продавались непосредственно со склада, и в этом случае, книжный склад становился в современном понимании предприятием розничной торговли.

#### ПОДПИСКА – НЕСТАЦИОНАРНАЯ ФОРМА КНИЖНОЙ ТОРГОВЛИ

Для распространения своих изданий сибирские отделы ИРГО использовали нестационарную форму книжной торговли – *подписку*, при этом заказы адресовались в редакцию лично авторам, принимались через почтовые конторы, а книготорговые функции выполняли библиотека либо книжный склад. Например, «Известия» ВСО ИРГО распространялись по подписке, оформить которую можно было в канцелярии отдела. По подписке вносилась полная годовая цена – 3 руб. (с пересылкой)<sup>9</sup>.

На распространении изданий сибирских отделов ИРГО по подписке отрицательно сказывались широко развитые книгообменные связи и бесплатная рассылка как сотрудникам ИРГО, так и другим лицам и организациям. Однако те, кто по каким-то причинам не входил в круг книгообменных контактов, могли воспользоваться подпиской, которую оформляли не только учреждения, но и частные лица.

Практиковалась *продажа изданий для очень узкого круга* заинтересованных лиц – как полнотекстовых сборников, так и отдельных оттисков статей из них. Среди них работа Н.Д. Павлова «Краткий очерк топографических, геодезических, астрономических, картографических и сейсмических работ в Западной Сибири» с приложением списка нивелирных высот по линиям железных дорог: Ачинск – Тайга – Томск – Омск – Челябинск – Екатеринбург – Тюмень – Омск, помещенная в «Известиях ЗСО ИРГО» за 1915 г. [Павлов, 1915]. Приступая к ее печатанию, распорядительный комитет ЗСО ИРГО просил заказчиков сообщить о необходимости приобретения целой книжки «Известий» или же отдельно сброшюрованного

<sup>7</sup> ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 413. Л. 1.

<sup>8</sup> Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 217. Оп. 1. Д. 33. Л. 15 об.

<sup>9</sup> Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 704. Оп. 7. Д. 333. Л. 11.

оттиска статьи, указав точное количество экземпляров. Заказы поступили от следующих организаций: Управление Томского округа путей сообщения, Управление Омской железной дороги, Акмолинско-Семипалатинское управление земледелия и государственных имуществ, а также от частных лиц: это горнопромышленник С.И. Шабанов (Томск), заведующий землеустройством и переселением в Тобольской губернии и заведующий переселенческим делом в Акмолинском районе (Омск), заведующий переселенческим делом в Тургайско-Уральском районе (Оренбург) и в Семипалатинской области. После получения ответов были сделаны оттиски статьи, а необходимое количество «Известий» разослано наложенным платежом<sup>10</sup>.

#### КНИГОТОРГОВАЯ РЕКЛАМА

С целью увеличения продаж широко применялась такая форма книготорговой рекламы, как *объявления*, размещавшиеся обычно на последней странице обложки издания. Подобные рекламные объявления информировали как о вышедших, так и планирующихся к изданию работах. Помимо названия трудов и цены могли помещаться сведения о способах и местах их продажи. Так, на последней странице обложки «Известий» ЗСО ИРГО (Т. 3, вып. 1–2) размещена следующая информация: «Известия Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в Омске выходят выпусками 1–2 в год. Цена выпуска 50 коп.» [Известия Западно-Сибирского отдела, 1915, обл.].

Сразу после выхода в свет первого выпуска «Алтайского сборника» (1894), для издания которого из-за нехватки денежных средств пришлось прибегнуть к подписке (в данном случае подписка – сбор денежных средств на публикацию сборника. – Е.Б.), Общество любителей исследования Алтая начало активно его распространять, очевидно, с намерением окупить затраты на издание. Для широкого оповещения общественности о новом издании была размещена рекламная информация о выходе в свет «Алтайского сборника» и условиях его продажи в изданиях отделов ИРГО и пр. Например, на последней странице одиннадцатого выпуска «Известий» Оренбургского отдела ИРГО было опубликовано следующее объявление: «Первый выпуск «Алтайского сборника» (1894) продается в совете Общества любителей исследования Алтая и во всех книжных магазинах по цене 2 р.» [Известия Оренбургского отдела, 1897, обл.]. Далее дано подробное описание содержания этого сборника, приведена информация о готовящихся к печати изданиях. На заседании совета 22 ян-

варя 1894 г. обсуждался вопрос о размещении такого же объявления на страницах сибирских газет. Взамен оказанной услуги предлагалось на страницах сборника помещать объявления об издании этих газет<sup>11</sup>.

Другим видом рекламы книжной продукции сибирских отделов ИРГО стали *книготорговые списки*, которые печатались как на страницах периодических и продолжающихся изданий, так и в виде отдельных оттисков. Зачастую книготорговые списки, равно как и объявления о продаже изданий, публиковались на обложках журналов ИРГО. Библиографические записи в списках имеющихся в продаже изданий содержали сведения с указанием: названия документа, года издания, тома или выпуска и обязательно – цены. В случае, когда отдельная книга, том или выпуск были полностью распроданы, в списках ставилась пометка «разошелся весь». Так, на последней странице обложки десятого выпуска «Алтайского сборника» [Алтайский сборник, 1910, обл.] были помещены список и оглавление всех ранее вышедших сборников<sup>12</sup>. На обложке «Записок по этнографии» Красноярского подотдела ВСО ИРГО размещен список изданий подотдела с указанием их цены: 1) Известия, т. 1, вып. 1, 2, 3, 4, 5 и 6 – 3 руб.; 2) Записки по этнографии, т. 1, вып. 1: Русские сказки и песни в Сибири и другие материалы – 2 руб.; т. 1, вып. 2: Русские и инородческие сказки Енисейской и Томской губерний – 3 руб.; 3) Записки по антропологии, т. 1, вып. 1. К. Горощенко. Материалы по антропологии Сибири – 1 руб.; 4) Записки по метеорологии, т. 1, вып. 1 и 2 – 1 руб. 20 коп.; 5) Записки по статистике, т. 1, вып. 1. В.Ю. Григорьев. Перемены в условиях экономической жизни населения Сибири – 50 коп. [Записки Красноярского подотдела, 1906, обл.]. Книготорговые списки позволяют судить о развитии книготорговых отношений сибирских отделов ИРГО. Следует отметить, что реклама ранее опубликованных книг на страницах вновь вышедших изданий была характерна для дореволюционных научных учреждений, пытавшихся с целью увеличения продаж охватить как можно больший круг заинтересованных лиц.

Однако, несмотря на то, что сибирские отделы ИРГО активно занимались продажей своих трудов, издания оставались убыточными. Это было связано с тем, что большая часть трудов распространялась бесплатно, издания продавались по минимальной цене, по себестоимости, а массовая продажа не планировалась. Объясняется это позицией Совета ИРГО, полагавшего, что любое научное общество выпускает труды с целью продвигать науку вперед и вынуждено печатать те работы, которые приносят больше пользы

<sup>10</sup> ИАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 217. Л. 8–18.

<sup>11</sup> ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 1. Л. 57–57 об.

<sup>12</sup> Там же. Д. 39. Л. 1, 2 об.

науке, хотя и не находят широкого круга читателей, а, следовательно, и покупателей. Их окупаемость при этом совершенно не принималась во внимание [Семенов-Тянь-Шанский, 1896, с. 178].

В «Отчете» ЗСО ИРГО за 1882 г. в разделе «Денежные средства отдела» отмечено, что «единственной поддержкой для существования отдела служит правительственная субсидия, ежегодно отпускаемая в количестве 2000 руб. Прочие поступления (от членских взносов, продажи изданий...) по своим ничтожным размерам не могут рассматриваться даже как подспорье к означенной субсидии», а в прилагаемой отчетной таблице кассовых счетов отдела значится, что на 1 января 1882 г. от продажи «Записок» отдела поступило денежных средств 17 руб. 50 коп. [Отчет Западно-Сибирского отдела..., 1883, с. 8].

Негативно на развитие книготорговой деятельности сибирских отделов ИРГО повлияли военные и революционные события первой четверти XX в. Так, не получила должного развития книготорговая практика Якутского отдела ИРГО, издавшего в 1915 г. свой первый и последний в дореволюционный период выпуск «Известий».

#### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Продажа изданий сибирских отделов ИРГО осуществлялась как через книжные магазины, так и через различные непрофильные организации. Существующая практика была особенно характерна для периферии, где в то время по сравнению с центральной частью страны была еще слабо развита книжная торговля. Характерной чертой для сибирских отделов ИРГО стало открытие собственных книготорговых предприятий – книжных складов, функционировавших преимущественно при библиотеках. В распространении изданий сибирских отделов ИРГО большую роль сыграли книжные магазины П.И. Макушина в Томске и Иркутске, где практиковалась продажа книг, не только напечатанных в типографиях П.И. Макушина, но и вышедших в других издательствах. Изданиями сибирских отделов ИРГО зачастую торговали одновременно в нескольких магазинах, на комиссию в которые они поступали небольшими партиями. Книги продавались и полнотекстовые, и отдельными оттисками статей из них. Использовалась подписка – нестационарная форма книжной торговли.

Развитие книготорговых отношений подтверждается деятельностью сибирских отделов ИРГО в сфере рекламы книжной продукции. С целью увеличения объемов продаж книг сибирские отделы ИРГО практиковали обмен рекламными объявлениями, а также издание книготорговых списков, информирующих о выходе в свет изданий, о продаже и подписке

на них. Такого рода рекламные акции были направлены как на расширение книготорговых отношений, получение прибыли от реализации изданий, так и на популяризацию собственной научной деятельности, на более активное функционирование изданий сибирских отделов ИРГО в обществе. При этом нельзя не принимать во внимание и тот факт, что круг читателей научной литературы, в репертуаре которой преобладали издания Географического общества, был, естественно, не таким широким, как, например, читателей художественных произведений, рассчитанных на массовый спрос.

Позитивное влияние на развитие книготорговых связей сибирских отделов ИРГО оказали экономическое развитие страны во второй половине XIX–начале XX в. и строительство Транссибирской железнодорожной магистрали. Негативно на книготорговую деятельность сибирских отделов, как и во всей стране, сказались военные и революционные события, повлекшие за собой ухудшение экономической конъюнктуры в стране в целом, особенно Первая мировая война, вызвавшая сильнейший экономический кризис.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алтайский сборник. Барнаул, 1910. Т. 10. 93 с. (разд. паг.).
- Базылева Е.А. Из истории выпуска и распространения изданий Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества // Изв. Алт. гос. ун-та. 2009. № 4/1. С. 25–29.
- Базылева Е.А. Русское географическое общество и книга. Очерк истории издательской, библиотечной и библиографической работы в XIX – начале XX в. Новосибирск, 2008. 386 с.
- Бердников Л.П. Книготорговля в Сибири во второй половине XIX в. // 200 лет книгопечатания в Сибири: Очерки истории книжного дела. Новосибирск, 1989. С. 87–102.
- Волкова В.Н. Сибирское книгоиздание второй половины XIX века. Новосибирск, 1995. 240 с.
- Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества по общей географии. Иркутск, 1892. Т. 2, вып. 2: Очерки Крайнего Северо-Востока И. Шкловского. Ч. 1. 123 с.
- Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества по этнографии. Томск, 1906. Т. 1, вып. 3 (на обл. вып. 2). Русские и инородческие сказки Енисейской и Томской губерний / под ред. Г.Н. Потанина. 290 с.
- Известия Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Омск, 1915. Т. 3, вып. 1–2. 170 с. (разд. паг.).
- Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Оренбург, 1897. Вып. 11. 128 с.
- Отчет Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1882 год. СПб., 1883. 8 с.
- Отчет о деятельности Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1912 год // Зап. Семипалат. подотдела Зап.-Сиб. отд. Императорского Русского географического общества. Семипалатинск, 1913. Вып. 7. С. 1–42 (7-я паг.).
- Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Конец XIX – начало XX в. / отв. ред. С.А. Пайчадзе. Новосибирск, 2001. Т. 2. 368 с.

Павлов Н.Д. Краткий очерк топографических, геодезических, астрономических, картографических и сейсмических работ в Западной Сибири // Изв. Зап.-Сиб. отд. Императорского Русского географического общества. Омск, 1915. Т. 3, вып. 1–2. С. 51, 37 (2-я и 3-я pag.).

Семенов-Тянь-Шанский П.П. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895. СПб., 1896. Т. 1. 468 с.

## REFERENCES

(1910). Altai collection. Barnaul. Vol. 10, 93 p., separate pag. (In Russ.)

Bazyleva E.A. (2008). The Russian Geographical Society and book. Studies in history of publishing, library and bibliographical work in XIX–XX centuries. Novosibirsk, 386 p. (In Russ.)

Bazyleva E.A. (2009). From the history of book publishing and dissemination by the Altai subbranch of the West Siberian branch of Imperial Russian Geographical Society. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 4/1, pp. 25–29. (In Russ.)

Berdnikov L.P. (1989). Bookselling in Siberia in the second half of the XIX century. *200 let knigopechataniya v Sibiri: ocherki istorii knizhnogo dela*. Novosibirsk, pp. 87–102. (In Russ.)

(1892). Notes of the East Siberian branch of Imperial Russian Geographical Society for general geography. Irkutsk, vol. 2, iss. 2. Essays by the Far North-East I. Shklovsky, part 1, 123 p. (In Russ.)

(1897). *Izvestiya of the Orenburg branch of Imperial Russian Geographical Society*. Orenburg. Iss. 11, 128 p. (In Russ.)

(1915). *Izvestiya of the West Siberian branch of Imperial Russian Geographical Society*. Omsk, vol. 3, iss. 1–2, 170 p., separate pag. (In Russ.)

(1883). Report of the West Siberian branch of Imperial Russian Geographical Society for 1882. Saint Petersburg, 8 p. (In Russ.)

Pajchadze S.A. (Ed.). (2001). Essays on the history of the book culture of Siberia and the Far East. Vol. 2. The late XIX–early XX century. Novosibirsk, 368 p. (In Russ.)

Pavlov N.D. (1915). Brief essay on topographic, geodetic, astronomical, cartographic and seismic works in Western Siberia. *Izvestiya Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Omsk. Vol. 3, iss. 1–2, pp. 51, 37, 2nd and 3rd pug. (In Russ.)

Potantin G.N. (ed.). (1906). Notes of the Krasnoyarsk subbranch of the East Siberian branch of Imperial Russian Geographical Society for Ethnography. Vol. 1, iss. 3 (on the cover iss. 2). Russian and foreign tales of the Yeniseisk and Tomsk provinces. Tomsk, 290 p. (In Russ.)

Семенов-Тянь-Шанский П.П. (1896). The history of half a century of activity of the Imperial Russian Geographical Society, 1845–1895. Saint Petersburg, vol. 1, 468 p. (In Russ.)

(1913). The Activity Report of the Semipalatinsk subbranch of the West Siberian branch of Imperial Russian Geographical Society for 1912. *Zapiski Semipalatinskogo podotdela Zapadno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. Semipalatinsk, iss. 7, pp. 1–42, 7th pag. (In Russ.)

Volkova V.N. (1995). Siberian book publishing of the second half of the XIX century. Novosibirsk, 240 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.09.2022

Дата рецензирования 29.10.2022

Статья принята к публикации 03.11.2022

DOI: 10.15372/HSS20220412

УДК 94:346.26(47+48)"191/192"

В.В. ТЕВЛИНА

## СКАНДИНАВСКОЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В РОССИИ В КОНЦЕ 1910-х–1920-е гг.

Арктический университет Норвегии,  
Норвегия, Тромсе, Лангнес, 9037

На рубеже XIX–XX вв. в России начался лесной бум, в ходе которого она стала крупнейшим экспортером пиломатериалов в мире. Европейский Север и Сибирь, одни из богатейших лесных регионов не только в России, но и за ее пределами, лидировали в лесной промышленности. Развитие этой отрасли невозможно рассматривать без участия иностранных предпринимателей, в том числе из Скандинавских стран. В статье описана их деятельность, вклад в лесное производство и благоустройство Русского Севера и Сибири, особенно в конце 1910-х–1920-е гг., т.е. накануне и в годы Первой мировой войны, революционный 1917 г., Гражданской войны и несколько лет после нее.

**Ключевые слова:** скандинавские предприниматели, лесопромышленность, Европейский Север России, Сибирь, концессии, НЭП.

**Для цитирования:** Тевлина В.В. Скандинавское лесопромышленное предпринимательство в России в конце 1910-х–1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 4. С. 102–110. DOI: 10.15372/HSS20220412.

V.V. TEVLINA

## SCANDINAVIAN SAWMILL INDUSTRY ENTREPRENEURSHIP IN RUSSIA IN THE EARLY XX CENTURY

UiT – The Arctic University of Norway,  
Tromsø, Langnes, 9037, Norway

For centuries Arkhangelsk Province with the city of Arkhangelsk, as well as the Yenisei valley in Siberia have been known as the richest forest regions both in Russia and worldwide. Here, forestry, or rather, forest production, timber trade and timber export have long been of paramount importance. In the late XIX – early XX centuries a timber boom started, which had made Russia the largest exporter of sawn timber in the world on the eve of the First World War. Russia's northern regions and the people living here played a key role in this achievement. At the same time, the forest business cannot be considered without the participation of foreign entrepreneurs, including those from the Scandinavian countries. The Scandinavians, often in cooperation with Russian businessmen, played a significant part in the development of the timber industry on the eve and in the First World War, Civil War and NEP period. The article presents new documents and materials clarifying the timber entrepreneurship of the Norwegians and Swedes in northern Russia. Their life and work cannot be imagined without considering the personality of each of them. The author used data both on the time of their appearance in Russia, their family traditions, the amount of start-up capital possessed by each of them to open business, and their business and life experience, knowledge, relationships, initiative and support from like-minded people and authorities in different countries, as well as the investments of shareholders. The paper shows the significant role played by foreigners in the modernisation of timber enterprises, solving socio-cultural problems in several Russian regions, taking care of the local population's health and training, giving financial assistance to public organisations and so on. A number of foreign entrepreneurs eventually became Russian citizens and remained in the country, participating in its economic development. This was the situation until the late 1920s, the end of NEP, when foreign companies had to be closed, ceasing to participate in the development of Russian industry until the late XX century.

**Key words:** Scandinavian entrepreneurs, sawmill industry, the Russian European North, concessions, Siberia, NEP. **rd:** Scandinavian entrepreneurs, timber industry, Russian European North, concessions, Siberia, NEP.

Представленная статья является переработанной и дополненной новыми материалами версией ряда публикаций автора (в том числе выполненных в соавторстве с коллегами).

**Виктория Валерьевна Тевлина** – д-р ист. наук, профессор, Арктический университет Норвегии, e-mail: vtevlina@mail.ru  
**Victoria V. Tevlina** – Doctor of Historical Sciences, professor, UiT – The Arctic University of Norway.

Экономическая деятельность предпринимателей из Скандинавских стран занимает особое место в отношениях с Россией в начале XX столетия. Напомним, что масштабные реформы 1860–1870-х гг., проведенные в Российской империи, дали толчок обширной капитализации экономики страны. Этот процесс сопровождался последующими правительственными решениями, согласно которым участие в нем иностранных капиталов и опытных бизнесменов становится крайне важным<sup>1</sup>. В годы экономического подъема свои взоры на Восток направили и лесопромышленники, так как нарождавшаяся лесная индустрия стала очень выгодной и привлекательной отраслью. Наряду с предпринимателями из Англии, Германии, Голландии и других стран проявили себя и скандинавы, в большинстве своем из Швеции и Норвегии. Основными территориями их деятельности стали Север европейской части России (Архангельская, отчасти Вологодская губернии, Карелия), а также Западная Сибирь – регионы, где более всего на просторах страны были сосредоточены лесные запасы и имелись возможности их освоения.

Вопрос о роли иностранного капитала в социально-экономической истории Российского государства в начале XX в., в том числе в конце 1910-х–1920-е гг., приковывал к себе внимание исследователей уже до 1917 г. Тогда появились первые российские и зарубежные работы, посвященные этой теме, дополненные затем в советские и особенно в постсоветские годы. Между тем вплоть до начала 1990-х гг. почти вне поля зрения ученых оставался вопрос о многогранной деятельности предпринимателей из Скандинавских стран в России, прежде всего, на Европейском Севере и в Сибири, особенно об их роли в становлении лесной промышленности. Правда, попытка основательно заняться изучением данной темы была предпринята советскими авторами в конце 1940-х–1970-е гг. (подробнее об этом см.: [Тевлина, 1994; Лид, 2019 (вступ. ст.: Быконя, Хромых); Lundesgaard, Tevlina, 2017]. Однако в силу ряда причин их оценка роли иностранного капитала в жизни России была в большей степени отрицательной. При этом подчеркивалась зависимость лесного производства от иностранных инвестиций, лидерство лесопромышленных компаний иностранцев в лесопилении и торговле в сравнении с отечественными фирмами, вывоз большого количества леса и эксплуатация рабочих, занятых на лесопильных заводах.

<sup>1</sup> В 1890-е – начале 1900-х гг. появился ряд долгосрочных решений о деятельности иностранцев в России ([Шепелев, 1973, с. 102–105]; Новые законы. 1901–1902 гг. / сост. А.Ф. Скоров. М.: Тип. П. Поплавского, 1903. С. 3–9; Собр. указ. и расп. прав. СПб., 1914. № 245 (2 сент. 1914 г.). С. 2338).

Иного мнения придерживались зарубежные ученые, считавшие, что известные норвежские и шведские компании, учрежденные в лесной промышленности в конце XIX – начале XX в., внесли в экономику северных регионов России существенный вклад [Langholm, Sejersted, 1980, s. 163–204; Björklund, 1984; Sølverud, 1992 и др.]. В новейшей российской и зарубежной историографии, пересматривающей многие положения советских исследователей, история скандинавского лесопромышленного предпринимательства рассматривается лишь в отдельных аспектах. Тем не менее существенно обогатили историографию труды целого ряда историков и краеведов (см., напр.: [Тевлина, 1994; Овсянкин, 2000; Хромов, 2006; Репневский, 2010; Astrup, 2012; Трошина, 2017; Тевлина, Нильсен, 2017, с. 540–586; Сближение..., 2017, с. 451–479; Lundesgaard, Tevlina, 2017; Лид, 2019 (вступ. ст.: Быконя, Хромых); Гончаров, 2019; Lundesgaard, Tevlina, 2021]).

В данной статье рассмотрены основные вехи, связанные с деятельностью скандинавских предпринимателей на Русском Севере и в Сибири в конце 1910-х – 1920-х гг. Нам удалось не только собрать дополнительные данные, но и на их основе более объективно определить место предпринимательства (и не только его) норвежцев и шведов в лесопромышленной сфере, а также их роль в социально-экономическом, общественном и культурном развитии России и особенно ее северных территорий.

Первым, кто отправился из Тронхейма еще в 1875 г. в Архангельск как столицу Севера для обучения торговому делу и одновременно для изучения русского языка, став, по сути, зачинателем лесного предпринимательства скандинавов в России, был Мартин А. Ульсен. Поскольку площадь лесов в Архангельской губернии составляла на рубеже XIX–XX вв. без малого 30 млн дес. или 39 % от территории региона, то именно сюда в первую очередь и стали устремляться взоры деловых людей как из России, так и из других стран [Тевлина, 1994, с. 4–5]. Реки и близость морей также имели большое значение как транспортные артерии для быстрого роста лесозаготовительного производства и экспорта готовой продукции. Итак, в 1877 г. М. Ульсен поступил экспертом на уже работавший лесопильный завод промышленника Николая Русанова, а год спустя, показав свои незаурядные организаторские способности, был назначен управляющим завода<sup>2</sup>. В 1892 г., он при поддержке другого норвежца Карла Стампе и купца из Архангельска Александра Починкова создал на базе уже работающего восемь лет завода фирму «Ульсен, Стампе и К°», которая после смерти К. Стампе в на-

<sup>2</sup> Государственный архив Архангельской области (ГААО), ф. 567. Оп. 2. Д. 556. Л. 5.

чале 1917 г. и после продажи доли акций самого Ульсена, проработав почти 25 лет, закрылась<sup>3</sup>. Но к 1917 г. Мартин Ульсен принял участие в открытии еще ряда лесных акционерных обществ – «Норд», «Архангельский лесопильный завод», «Стелла Поларе», а также в работе основной организации предпринимателей края – Союза архангельских лесопромышленников [Astrup, 2012, р. 48–52]<sup>4</sup>. Кстати, к участию в товариществе «Стелла Поларе» («Stella Polare») в Печорском уезде М. Ульсен пригласил лесопромышленные организации Севера и нескольких иностранцев, занимавшихся лесной торговлей: Торговый дом «Бернер и Нильсен» из Лондона (40 паев, с 1914 г. – 60)<sup>5</sup>; Т. Олрога из Швеции, из Стокгольма (30 паев, с 1914 г. – 45) и др. Это помогло перестроить и расширить прежний завод, установив на нем 10 вместо 3 рам<sup>6</sup>. Проработав почти 15 лет, «Стелла Поларе» приобрела большую популярность на рынке, получала прибыль и не закрылась даже в начале Гражданской войны в России, но с ее усилением стала терпеть убытки и была ликвидирована в течение 1918 г.

При этом сам М. Ульсен остался в Архангельске и осенью 1918 г., несмотря на приход интервентов и антибольшевистского правительства в Северную область<sup>7</sup>, предлагал продолжать развивать лесопромышленную отрасль. Однако когда в разгар Гражданской войны власть в Архангельской губернии сменилась и снова пришли большевики, они арестовали М. Ульсена, посчитав его пособником белых. Но почти сразу Мартин Абрамович был выпущен на свободу в силу его заслуг и опыта и приглашен отделением Народного комиссариата внешней торговли советского государства на службу в качестве эксперта по лесному делу. Он был командирован в Лондон для поиска путей реализации пиленных лесных товаров. До последних дней своей жизни в 1924 г. он работал в лондонской конторе одного из первых крупнейших советских предприятий – «Северолеса». Таким образом, в сложные периоды российской истории начала XX в., М. Ульсен помогал чем мог России, ставшей ему родной.

Большая часть норвежцев и шведов из числа лесопромышленников, не считая М. Ульсена и К. Стампе, приехали на Архангельский Север из разных городов Норвегии и Швеции после революционных событий в России 1905–1907 гг. Среди них можно назвать такие имена, как Йохан Вулфсберг, Адольф Шульдц, Оскар Вагер, Турлейф Бакке, Йенс Виг, Чарлз

Соммерфельд, а также Фредерик Прютц, который приехал одним из последних, в 1913 г., но в последующие 15 лет сыграл ведущую роль в лесном производстве страны. Именно в начале в 1910-х гг. возник большой оптимизм и представление о России как о «Новой Америке» для бизнеса, и сотрудничество стало предметом особого интереса. Возможно, поэтому во время Первой мировой войны наибольшая доля норвежского бюджета выделялась конкретно для осуществления экономической и особенно лесопромышленной деятельности в России [Nilssen, 2001, S. 83].

Так, в частности, норвежцы, братья Оскар и Андрес Вагер (Wager), руководившие в свое время заводами в районе г. Сундсвалля в Швеции и являвшиеся представителями фирмы «Ковда», которая уже работала в Кемском уезде Архангельской губернии, предприниматель из Драммена Турлейф Бакке (Bakke), [Björklund, 1984, р. 34; Аструп, 2011, с. 19] смогли вместе с партнерами в течение двух лет организовать фирмы «Бакке и Виг», «Бакке и Вагер». Эти фирмы в годы Первой мировой и в начале Гражданской войны с лесозаготовок и продажи лесоматериалов со своих трех Онежских заводов, пользуясь задатками банка «Фон Морган и К», имели до 15 % прибыли<sup>8</sup>. Отправка товаров за границу продолжалась до конца 1922 г., пока с приходом большевиков не произошла смена власти в Северной области и долг бизнесменов в Англии и Норвегии не возрос до 154 тыс. фунтов стерлингов, что привело к неспособности фирм вести дела, и оба предприятия были закрыты<sup>9</sup>. Норвежцы инвестировали в эти годы и в лесную промышленность под Санкт-Петербургом. Особенно важным было деревообрабатывающее акционерное общество и его одноименный комбинат «Дубровка», который был наделен большими правами на вырубку и обработку леса в окрестностях Ладожского и Онежского озер [Sølverud, 1992, р. 98–99; Сближение..., 2017, с. 572–580]. Он проработал чуть более 6 лет, с 1912 по осень 1918 г., и был закрыт, как и другие компании, после национализации.

Накануне и в годы Первой мировой войны, стремясь воспользоваться нуждами военного времени, возможностью вложить капиталы в производство и поставки необходимых фронту и тылу товаров и приумножить их, в России развернули свою деятельность не только скандинавские, но и российские бизнесмены. Но следует отметить, что правительство работало над тем, чтобы в это время привлечь как можно больше инвестиций из нейтральных стран. Когда российский министр финансов П.Л. Барк посетил летом 1916 г. Норвегию, он призвал норвежских предпринимателей инвестировать в экономику Рос-

<sup>3</sup> ГААО. Ф. 13. Оп. 4. Д. 22. Л. 10.

<sup>4</sup> Там же. Ф. 567. Оп. 2. Д. 556. Л. 5.

<sup>5</sup> Там же. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1058. Л. 1; Ф. 357. Оп. 1. Д. 554. Л. 10.

<sup>6</sup> Там же. Ф. 567. Оп. 2. Д. 556. Л. 5.

<sup>7</sup> Северная область – так называлась Архангельская губерния в 1918 – феврале 1920 г.

<sup>8</sup> ГААО. ф. 51, Оп. 18. Т. 3. Д. 134. Л. 4.

<sup>9</sup> Там же. Л. 6–7.



сии [Бацис, 1973, с. 132, 209]. Немцы, ранее игравшие особо важную роль в российской экономике, покидали страну; на Севере они уходили из лесной промышленности, и многие их предприятия стали приобретать норвежцы вместе с российскими промышленниками. При этом на лесопильных заводах фирм «Норд», «Бакке и Вагер» и российских предпринимателей Я.Е. Макарова, товарищества «Русанов сын» и других предприятиях прошли собрания, на которых принимались решения о помощи семьям мобилизованных на войну. На эти цели было выделено каждым около 3 тыс. руб. Члены правления компании «Бакке и Вагер» перечислили еще свою премию за 1914 г. на нужды воинов. Собирались пожертвования на дрова для семей защитников (15 руб. в месяц). При каждом лесопильном предприятии была открыта заводская лавка, торговавшая как товарами первой необходимости, так и рабочим инвентарем. Так, в 1914–1916 гг. в заводских лавках в Печорском крае среди продуктов питания были: мука, хлеб, изюм, пастила, какао, шоколад, колбаса, мясо, 17–20 сортов сыра и т.п., на общую сумму около 19 тыс. руб.<sup>10</sup>

В 1913 г. на Архангельском Севере появилось лесопромышленное общество «Прютц и К<sup>о</sup>», учрежденное упомянутым выше Фредериком Прютцем (Frederik Prytz) [Astrup, 2011; Репневский, 2010, с. 118–124]<sup>11</sup>. Компания, приобретя большие лесные массивы для вырубki леса в Тугоме близ г. Колы и позже в ряде других мест Архангельской губернии и построив новый завод возле Архангельска в 1916 г., начала реализацию своих планов [Тевлина, 2015, с. 218]<sup>12</sup>. Как раз в это же время, в августе 1916 г., при Лесном департаменте России состоялось особое совещание по выработке мероприятий для более полного использования лесов Севера. В результате появилась записка «Очередные задачи казенного лесного управления после войны», в которой излагались официальные намерения о предоставлении частным предприятиям и лицам в долгосрочную эксплуатацию отдельных северных лесных угодий в течение трех послевоенных лет<sup>13</sup>.

В таких привлекательных условиях весной 1917 г. при участии уже работавшей успешно почти четыре года фирмы «Прютц и К<sup>о</sup>» появилась еще одна акционерная компания – «Русская лесная промышленность» (“Russian Forest Industry LTD” RFI), которая внесла свой вклад в концессионные проекты

уже Временного правительства в России<sup>14</sup>. Ее возглавили сам Ф. Прютц, а также норвежцы Н.О. Юнг Фернлей (N.O. Young Fearnley), Г. Хартманн (G. Hartmann), Ч. Виг (Chr. Vig) и Э.К. Кьяр (Elias C. Kjar) [Langholm, Sejersted, 1980, S. 187]. Акционерный капитал общества составил довольно большую сумму – 8 млн норвежских крон. Заметим, что даже Фритьоф Нансен, известный полярник и ученый, который в годы Гражданской войны и после нее занимался организацией приема эмигрантов из России, владел акциями новой фирмы на немалую по тем временам сумму – 20 тыс. норвежских крон [Sølveved, 1992, s. 98–99; Сближение..., 2017, с. 570–571]. Во владении фирмы оказались два лесопильных завода в Онеге и один в Маймаксе, недалеко от Архангельска. Однако компания дважды брала займы в размере более чем 150 млн крон<sup>15</sup>. Это свидетельствовало о финансовых и производственных трудностях, постигших ее в военно-революционные времена, сопровождавшиеся еще и инфляцией (см. напр.: [Трошина, 2017, с. 181–185]). В 1920 г. предприятие, как и другие, было национализировано.

Сам же Фредерик Прютц в 1916 – начале 1918 г., совмещая обязанности, связанные с его бизнесом, одновременно был в Архангельске норвежским генеральным консулом [Nielsen, Tevlina, 2012, p. 51–59]. Однако когда его заводы были национализированы, он уехал обратно в Норвегию, но как оказалось, лишь на время. Вместо него в консульстве стал работать вице-консул Эйнар Анвик (E. Anvik), который давно жил в Архангельске и с середины 1918 и до 1930 г. возглавлял норвежское консульство. Анвик получил образование в лесном училище в Стенкьере на юге Норвегии. Иными словами, он не только неплохо разбирался в лесопромышленном деле, но и знал Архангельскую губернию, имел дружественные связи со многими видными людьми края. Он смог быстро вникнуть в дела по оказанию помощи фирмам в процессе их закрытия, способствовал выезду желающих норвежцев и шведов из России, решал и другие вопросы, возникавшие в ходе Гражданской войны [Сближение..., 2017, с. 560–561].

Судьба Ф. Прютца достаточно типична для тех предпринимателей, которые остались работать в Рос-

<sup>10</sup> ГААО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 568. Л. 53.

<sup>11</sup> Prytz F. Norwegian Forest Museum (Elverum) Archive.

<sup>12</sup> Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 95. Оп. 11. Д. 2409. Л. 86; ГААО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 25. Л. 428–429.

<sup>13</sup> ГААО. Ф. 50. Оп. 18. Т. 3. Д. 134. Л. 4; РГИА. Ф. 387. Оп. 20. Д. 72220. Л. 18.

<sup>14</sup> В декабре 1916 г. был составлен проект ответов на интересные предпринимателей вопросы, в которых, в частности, говорилось, что право на использование лесов будет предоставлено на конкурсной основе при условии постройки целлюлозного или писчебумажного заводов, без права приобретения лесов в собственность; аренда земельных участков предусматривалась в размере не более 500 дес. и еще имелся список жестких условий о дорогах, рабочих поселках и т.д. Но правительство обещало всяческую поддержку в развитии «концессионного района» (ГААО. Ф. 50. Оп. 18. Т. 3. Д. 134. Л. 4; РГИА. Ф. 387. Оп. 20. Д. 72220. Л. 18–19).

<sup>15</sup> Statistisk Sentralbyrå i Norge, Statistiske meddelelser 1918–1921. S. 174–175.

сии после 1917 и в 1920-е гг. После национализации созданной им компании ее внутренние активы перешли к советскому правительству, но Ф. Прютц начал немедленно переговоры о дивидендах фирмы. Более того, он возглавил работу по возмещению ущерба, причиненного норвежским предпринимателям большевиками. Эта ситуация вызвала разную реакцию внутри России [Репневский, 1998, с. 45–72; Lundesgaard, Tevlina, 2017, р. 38–42]<sup>16</sup>. Между тем советское правительство было очень заинтересовано в том, чтобы привлечь иностранный капитал и экспертов в новую Россию. Экономическая ситуация была явно сложной, и правительство пыталось говорить о том, что оно готово компенсировать то, что было потеряно в ходе национализации. В.И. Ленин приводил следующий аргумент: леса на Севере гниют, поскольку советская власть сейчас не в состоянии использовать их, а они представляют большую ценность на мировом рынке. Есть и преемственность с царским режимом: правительство считало, что поскольку речь идет об отдаленных территориях, на «окраинах» политически приемлемо дать концессию иностранным капиталистам [Ленин, 1970, с. 248–249; 1974, с. 55–78]. Но Ф. Прютц понимал, что требования о прямых экономических компенсациях ни к чему не приведут. Когда после Гражданской войны последовал НЭП, то он, не отчаиваясь, взял немалый кредит за границей, закупил лес и в 1923 г. организовал норвежско-русскую концессию «Русснорвеголес», или «Русско-Норвежское Онежское лесное акционерное общество». Административным директором предприятия стал он сам, а его компаньонами – россияне и норвежцы [Lundesgaard, Tevlina, 2017].

Отметим, что в лесной отрасли советская власть предоставила в это время самые большие концессии. Появившаяся концессия «Русснорвеголес», заключив несколько выгодных соглашений на распиловку и экспорт лесной продукции в городе Онеге, проработала до конца 1928 г., т.е. до окончания НЭПа. Часть находившихся в ее аренде лесов располагалась вокруг с. Серегово, далеко от Архангельска, вокруг Онеги, т.е. в районе, который сегодня входит в Республику Коми. Руководство фирмы в лице Ф. Прютца базировалось в Осло, а ее производственной частью на Севере России заведовал 22-летний норвежец Эгиль Абрахамсен, заботой которого были лесопилки, их оборудование, рабочие и переговоры с представителями советского правительства [Абрахамсен, 2016]. После ликвидации концессии он уехал из России и обосновался в Лондоне.

С ходом работы концессии «Русснорвеголес» ее прибыльность за 1924–1927 гг. снизилась на 15 %, и она потеряла около 250 тыс. фунтов стерлингов<sup>17</sup>. Советское правительство утверждало, что это было связано с низкими капиталовложениями в компанию со стороны Норвегии, хотя в это напряженное время само проводило в 1922–1924 гг. серьезную денежно-кредитную реформу [Goland, 1994, р. 1251–1298; Хромов, 2006, с. 169–170; Nenovsky, 2006; Lundesgaard, Tevlina, 2021, р. 78–81]. В итоге норвежская доля акций «Русснорвеголеса» была продана советскому государству после непродолжительных переговоров. Концессия перешла в управление ее российский партнера – предприятия «Северолес», уже имевшего отделения не только в Архангельске и Москве, но и в Лондоне, где с начала его работы, т.е. с конца 1920 г., и до 1924 г. работал упомянутый выше М.А. Ульсен, а позже и Э. Абрахамсен [Lundesgaard, Tevlina, 2021, р. 72–75; Jungar, 1974, s. 171–173; Абрахамсен, 2016]. Несмотря на то, что компания «Русснорвеголес» была в то время самой крупной лесной концессией в стране, она не стала весьма успешной, хотя и сохраняла присутствие норвежцев в Архангельской области еще на несколько лет.

Если посмотреть на Север России далее на восток – Сибирский край в долине Енисея, то здесь наиболее яркой личностью в лесном деле был, пожалуй, единственный предприниматель из Скандинавии – норвежец Йонас Лид (Jonas Lied). Он приехал в Сибирь как энтузиаст в одно время с большинством норвежских и шведских лесопромышленников, прибывших на Архангельский Север, т.е. в начале 1910-х гг. В 1912 г., после почти двухлетней подготовительной работы по инициативе Й. Лида была учреждена «Сибирская компания пароходства, торговли и промышленности». В ней самым влиятельным акционером и членом совета директоров, помимо самого Й. Лида и четырех-пяти норвежцев, а также двух-трех англичан, стал упомянутый выше работавший на Европейском Севере России норвежский «лесной король» Элиас Кьяр [Лид, 2009, с. 70–81, 271; Быко-ня, Хромых, 2019, с. 16–17]. Лид хотел, в первую очередь, организовать экспорт леса, лесных материалов, минералов и льна из бассейна Енисея в Западную Европу [Нильсен, Карелин, 2009, с. 11–12]. Вместе с тем, одновременно с планами освоения лесных богатств в 1910–1930-е гг. он стал одним из инициаторов крупного проекта по развитию Северного морского пути из Западной Европы в Сибирь – по Карскому морю. Возможно, поэтому стартовый капитал фирмы после первоначальных организационных

<sup>16</sup> См.: Norge Riksarkivet. Fredrik Prytz arkiv. Hylle nr, 3B 049. Eske 6.

<sup>17</sup> Prytz Caroline. Opptegnelser. 2006. S. 74 (неопубликованная рукопись жены Фредерика Прютца, Каролины. Из семейного архива Ф. Прютца).

сложностей увеличился втрое – со 142 до 500 тыс. норвежских крон [Лид, 2009, с. 127]. Такие комплексные планы по организации и лесного, и транспортно-судоходного предпринимательства в Сибири, особенно на Енисее, пожалуй, впервые были представлены адмиралом С.О. Макаровым еще в 1897–1903 гг. [Гончаров, 2022, с. 62–76].

Между тем именно Й. Лиду в определенной степени удалось не только исполнить планы С.О. Макарова, но и «положить начало лесной промышленности на Енисее, которая после строительства порта в Игарке в конце 1920-х гг. связала воедино Карские экспедиции и енисейский лесозэкспорт» [Там же, с. 74]. Еще в дореволюционное время Й. Лид завязал знакомства и с основными норвежскими бизнесменами и судовладельцами, а также с российскими министрами и общественными деятелями, включая великого князя Александра Михайловича. Более того, в последующие годы Лид имел контакты уже с советским правительством, встречаясь по вопросам бизнеса с Л.Н. Троцким, В.И. Лениным, Л.Б. Красиным и др. [Лид, 2009, с. 70–81; 247–258]. Возможно, столь активной деятельности способствовала его работа в течение почти пяти лет (1914–1917) в качестве почетного консула Норвегии, проживавшего в Красноярске и появившегося в Сибири впервые как представитель стран Скандинавии [Consul Jonas Lied..., 2008: Лид, 2019]. Лид вкладывал всю душу в реализацию проектов, используя даже авторитет Фритьофа Нансена как благословление в своих делах в высших кругах России [Нильсен, Тевлина, 2022, с. 18–25]). Его деятельность вызывала большой интерес и среди торговых слоев населения Сибири именно потому, что она способствовала бы перевозке сибирского леса и зерна в Европу по морскому пути. Как известно, Первая мировая война сильно повлияла на российский госбюджет, для стабилизации которого пришлось задействовать весь морской потенциал. Эти обстоятельства позволили Лиду и его «Сибирской компании» остаться единственным претендентом на реализацию торгово-перевозочных планов и в течение нескольких лет организовать проверочные посты и места погрузки для морского транспорта на Енисее и Оби [Consul Jonas Lied..., p. 108–116; *Russland kommer nærmere...*, 2014, s. 487–495].

Говоря о лесном производстве, отметим, что Й. Лид и его компаньоны планировали открыть на Енисее 2–3 лесопильных завода, отходы от работы которых намечалось использовать для производства бумаги. Наиболее крупный из них находился в удобном расположенном транспортном узле, с. Маклаково, ставшим с конца XIX в. одним из важных экономических центров Енисейского уезда. Для запуска завода пришлось увеличить количество речных судов при участии ряда сибирских предпринимателей, прежде

чем он смог начать сплав бревен, а также завезти из норвежского порта Тронхейма шведское оборудование. Завод проработал два года, занимаясь распиловкой и экспортом готовой продукции на рынки Англии (1916–1917), до его национализации, когда Й. Лид незадолго до этого сложил свои полномочия руководителя «Сибирской компании». Управляющим завода был норвежец – инженер Улав Вальстад, переехавший в Сибирь после работы на заводе фирмы «Бакке и Виг» в Онеге [Лид, 2019, с. 19–21; *Сближение...*, 2017, с. 557–558].

Заметим, что из стремления обосноваться и развивать бизнес в России вытекало желание многих иностранцев заключить долгосрочные договоры (не менее чем на 20 лет), учитывать спрос на местных рынках и уделять внимание инфраструктуре региона. В России при поддержке норвежских консульств и губернских властей на местах работали не только лесопромышленники, но и реализовывались разные социальные, образовательные и культурные инициативы на благо Севера и его жителей. Подтверждением служат построенные в начале XX в. при многих заводах торговые лавки, больницы, школы и другие объекты. Так, «Стелла Поларе» 30 июня 1915 г., помимо уже существовавшей больничной кассы для нужд рабочих, построила школу при своем заводе. Кроме того, она открыла и двухэтажную больницу с помещением для амбулаторных и лежачих больных, которая начала работать в конце 1916 г. Интересно, что уже год спустя после запуска лесного предприятия Йонаса Лида, в начале 1917 г., в Маклаково было установлено электрическое освещение, что стало сенсацией для сибирской глубинки; открыты заводская лавка и фельдшерский пункт при больнице, которые положили начало здравоохранению не только в этом селе, но и в волости [Быконя, Хромых, 2019, с. 17, 21]. То же самое происходило и после 1917 г., и в годы НЭПа.

Надо сказать, что еще осенью 1914 г. Й. Лид получил российское гражданство, как, впрочем, и Мартин Ульсен в Архангельске. Это означало, что они могли избежать ряда ограничений на предпринимательскую деятельность. Однако вся активность сибирских фирм, как и в Поморье, почти прекратилась после Октября 1917 г. Но Лид пытался реализовать свои замыслы даже во время Гражданской войны. Он считал, что именно Северный морской проход мог бы спасти Россию. Он даже выработал план по эвакуации в Англию царя Николая II и его семьи (которых держали в заточении в Тобольске), именно через Северный морской путь [Лид, 2009, с. 223–224]. Но его план не удался. Однако Лид, полюбив Сибирь, все же решил остаться в новой России (как и ряд других скандинавских бизнесменов) и принять участие в создании многопрофильных производств. В годы

НЭПа он вновь начинает организацию лесопиления в низовьях Енисея, говорит о больших перспективах развития края при условии создания экспортно-импортных перевалочных портов [Лид, 2019, с. 20–21]. Однако его опыт и советы оказались не очень востребованы, и в 1932 г. он вернулся в Норвегию, фактически разорвав все связи с российским лесным и пароходным бизнесом. Так была подведена своеобразная черта под норвежско-шведским лесным «движением на Восток», которое было начато на Европейском Севере России и продвинулось до глубин Сибири.

Итак, общее количество лесопромышленных компаний, учрежденных и руководимых 30–32 норвежцами и шведами в России с 1890-х по 1917 г. доходило до 15 с принадлежавшими им порядка 25 промышленными профильными предприятиями. Но относительная доля этих фирм, как и принадлежавших другим иностранцам, никогда не превышала 40 % от действующих российских товариществ («А. Чудинов и К<sup>о</sup>», «Бр. Ружниковы», «П. Беляева наследники», «Бр. Пец», «Бр. С. и М. Кыркаловы» и др.), которые доминировали в экономике [Андреевский, 1920, с. 133; Овсянкин, 2000, с. 225–226, 230]. В первое десятилетие советской власти в стране осталось действовать не более 3–4 норвежских или совместных норвежско-российских лесопромышленных фирм с имевшимися у них 5–6 лесоперерабатывающими заводами, что было в 6 раз меньше, чем в предшествующие три десятилетия.

Наибольшая активность в первую очередь норвежцев и их фирм пришлась, пожалуй, на 1909–1918 гг., когда потребовалось обеспечить доставку и отправку грузов для фронта и тыла. Появление инициативных, опытных, финансово независимых предпринимателей из-за рубежа, поддержанных правительствами разных стран, было как нельзя кстати, поскольку не только позволяло сделать денежные вливания в развитие экономики, но и способствовало подъему торговли и завязыванию многолетних связей северных регионов России с рынками и компаниями на Западе<sup>18</sup>. Кроме того, насчитывалось от 200 до 300 акционеров из разных стран, которые вкладывали все эти годы свои деньги в лесное производство лишь Архангельского края, не считая примерно такого же их количества в Санкт-Петербурге и Сибири. Их число существенно снизилось в годы Гражданской войны, но в период НЭПа в определенной степени верну-

лось на прежний уровень. Несмотря на то, что иностранные и совместные предприятия в России были национализированы советским правительством, экономическая деятельность через границу не прекратилась, приобретая несколько иные формы.

В целом в 1910–1920-е гг. лесная отрасль производства, где наблюдалось активное сотрудничество с иностранными предпринимателями, помогла северным регионам России встать на новый уровень экономического развития. Помимо того, что механически оснащенные лесопильные заводы приносили многомиллионные доходы и валютные поступления от продаж, они обеспечивали работой местное население, а их владельцы занимались социально-культурным обустройством регионов. Все это по большому счету было крайне выгодно и значимо для России.

Конечно, оценивать роль лесопромышленных предпринимателей из Скандинавии однозначно не стоит. Открытым остается и такой важный вопрос: если владелец лесопильного завода, приехавший из Норвегии или Швеции, и проживший много лет в России, со временем становился российским подданным, то можно ли считать его скандинавским предпринимателем, а его инвестиции зарубежными? Между тем эта ситуация наблюдалась до конца 1920-х гг., когда пришлось закрыть компании, существовавшие в России с 1890-х–1910-х гг., прекратив тем самым их участие в развитии промышленной сферы страны вплоть до конца XX столетия.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

*Абрахамсен Э.* Из Серегова в Онегу. Воспоминания о лесной промышленности норвежцев в России. Архангельск: Изд-во Сев. (Аркт.) федер. ун-та, 2016. 213 с.

*Андреевский Л.И.* Фабрично-заводская промышленность Севера накануне Мировой войны // Материалы по изучению и использованию производительных сил Северного края. Вологда, 1920. Ч. 2. С. 76–120.

*Аструп И.* Норвежские лесопромышленники – пионеры освоения русского Беломорья в 1880–1930 годах. Сб. № 4. Эльверум, Норвежский музей леса, 2011. 62 с.

*Бацис П.Е.* Русско-норвежские отношения в 1905–1917 гг. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. 212 с.

*Гончаров А.Е.* Адмирал С.О. Макаров и Карский морской путь: первая попытка организовать лесоэкспорт с Енисея // Исторический курьер. 2022. № 3 (23). С. 62–76.

*Ленин В.И.* Доклад о концессиях» на собрании актива Московской организации РКП (б) 6 декабря 1920 года // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 55–78.

*Ленин В.И.* О концессиях и о развитии капитализма. 25 апреля 1921 года // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Т. 43. С. 248–249.

*Лид Й.* Сибирская Арктика. Исследование и развитие Карского морского пути. История «Сибирской компании». Красноярск: РАСТР, 2019. 320 с.

*Лид Й.* Сибирь – странная ностальгия. Автобиография. М.: Изд-во «Весь Мир», 2009. 302 с.

*Нильсен Й.П., Тевлина В.В.* Фритюф Нансен о Сибири: впечатления от поездки на Енисей и по Транссибирской железно-

<sup>18</sup> См. материалы Международного семинара «Лесопромышленность на Севере России и участие в ней Скандинавских стран. Прошлое и настоящее» (The sawmill industry in the North of Russia and Scandinavian participation. Past and present), Архангельск, 4–5 октября 2019 г. URL: [http://narfu.ru/file/news/university/338527/?sphrase\\_id=437491](http://narfu.ru/file/news/university/338527/?sphrase_id=437491) (дата обращения: 16.10.2022).

дорожной магистрали в 1913 году // Арктическая дипломатия в XXI веке: сб. материалов участников междунар. круглого стола, посвящ. 160-летию со дня рождения норвежского полярного исследователя Фритьофа Нансена. М.: Дипломатическая академия МИД России, 2022. С. 18–25.

Овсянкин Е.И. Архангельск купеческий. Архангельск: Архконсалт, 2000. 526 с.

Репневский А.В. Капитан Ф. Прютц – гибкий бизнесмен и ... норвежский профашист // Вестн. Баренц-Центра. 2010. № 9. С. 118–124.

Репневский А.В. СССР–Норвегия: экономические отношения межвоенного двадцатилетия. Архангельск: Изд-во ПГУ, 1998. 348 с.

Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах / под ред. Й.П. Нильсена. М.: «Весь Мир», 2017. Т. 1. 708 с.

Тевлина В.В. Деятельность норвежских лесопромышленников в Северной России и Сибири в 1890–1920-е годы // Международные отношения на Европейском Севере и в Арктике в первой четверти XX века: исторический опыт и современность: материалы междунар. науч. конф. Архангельск: САФУ, 2015. С. 218–229.

Тевлина В.В. Иностранное предпринимательство на Европейском Севере России во второй половине XIX – начале XX вв. (1861–1917): дис... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1994. 271 с.

Тевлина В.В., Нильсен Й.П. Экономические отношения Норвегии и России после 1905 года // Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах / под ред. Й.П. Нильсена. М.: Изд-во «Весь Мир», 2017. Т. 1 (Гл. 20). С. 540–586.

Трошина Т.И. 1917 год: Революционная анархия в производственной сфере Архангельской губернии // 1917 год в судьбах регионов, страны и мира: взгляд из XXI века. Сб. материалов междунар. науч. конф. Архангельск, САФУ, 2017. С. 181–185.

Хромов С.С. Иностранные концессии в СССР: Исторический очерк. Документы. М.: Ин-т Российской истории РАН, 2006. Ч. I. 384 с.

Шенелев Л.Е. Акционерные компании в России. Л.: Наука, 1973. 345 с.

Astrup Y. The Norwegian sawmill community by the White Sea // *Vuosilusto*. 2012. N 9, pp. 48–52.

Björklund J. From the Gulf of Bothnia to the White Sea. Swedish direct investments in the sawmill industry of Tsarist Russia // *Scandinavian Economic History Review*. 1984. Vol. 32, N 1, pp. 17–41.

Consul Jonas Lied and Russia. Collector, Diplomat, Industrial Explorer 1910–1931 / ed. M. Werenskiöld. Oslo: Unipub, 2008. 191 p.

Goland Y. Currency regulation in the NEP period // *Europe-Asia Studies*. 1994. Vol. 8, N 46, pp. 1251–1298.

Jungar S. Skandinaviska företak i Sovjetunionen: Sovjetisk koncessionspolitikk på 1920-tallet. Meddelanden. N 3: Historiska institutionen. Åbo, Åbo Akademi. 1974. 241 S.

Langholm S., Sejersted F. (eds.). Vandringer. Festskrift til Ingrid Semmingsen 29 Mars 1980. Oslo: Aschehoug, 1980. 251 S.

Lundesgaard J., Tevlina V.V. Profit under the Soviets: timber concessions, Western interests and the monetary reforms under NEP. *Revolutionary Russia*. 2021. Vol. 34, no. 1, pp. 71–90.

Lundesgaard J., Tevlina V.V. Russian timber industry in the 1920s: on the short history of Russnorvegoles. *Acta Borealia*. 2017. Vol. 34, no. 1, pp. 26–49.

Nenovsky N.N. Lenin and the currency competition: reflections on the NEP experience (1922–1924). *International Centre for Economic Research*, working pap. 2006. N 22, pp. 1–22.

Nielsen J.P. (ed.) *Russland kommer nærmere. Norge og Russland. 1814–1917*. Oslo: Pax Forlag AS, 2014. Vol. 1. 626 S.

Nielsen J.P., Tevlina V.V. Consulate on the Dvina // *Caution and Compliance. Norwegian-Russian Diplomatic Relations 1814–2014*. Oslo: Orkana Akademisk, 2012, pp. 51–59.

Nilsen S.O. *Russland et mulighetenes land? En studie av norsk næringliv og det russiske markedet 1890–1920*: master's diss. theses. Tromsø: Tromsø Univ., 2001, 147 p.

Sølverud J. *Spekulanter i jobbetid: en analyse med basis i aksjetegnerne i selskapet Russian Forest Industry LTD våren 1917*: diss. theses. Oslo: Oslo Univ., 1992. 126 p.

## REFERENCES

Abrahamsen E. (2016). From Seregovo to Onega. Memoirs from the Norwegian timber industry in Russia. Arkhangelsk, SAFU Publ., 213 p. (In Russ.)

Andreevskii L.I. (1920). The manufacturing industry of the North at the World War eve. *Materialy po izucheniyu i ispol'zovaniyu proizvoditel'nykh sil Severnogo kraya*. Vologda, pt. 2, pp. 76–120. (In Russ.)

Astrup Y. (2011). Norwegian timber merchants – pioneers of Russian White Sea Region development, 1880–1930. Iss. 4. *Elverum, Norw. Forest Mus.*, 62 p. (In Russ.)

Astrup Y. (2012). The Norwegian sawmill community by the White Sea // *Vuosilusto*. No. 9, pp. 48–52.

Batsis P.Ye. (1973). Russian-Norwegian relations in 1905–1917: diss. theses. Moscow, 212 p. (In Russ.)

Björklund J. (1984). From the Gulf of Bothnia to the White Sea. Swedish direct investments in the sawmill industry of Tsarist Russia // *Scandinavian Economic History Review*. Vol. 32, no. 1, pp. 17–41.

Goland Y. (1994). Currency regulation in the NEP period // *Europe-Asia Studies*, vol. 8, no. 46, pp. 1251–1298.

Goncharov A.Ye. (2022). S. O. Makarov and the Kara Sea Route: the first attempt to organize timber export from the Yenisey. *Istoricheskii kur'er*, no. 3, pp. 62–76. (In Russ.)

Jungar S. (1974). Skandinaviska företak i Sovjetunionen: Sovjetisk koncessionspolitikk på 1920-tallet. *Meddelanden. Nr. 3. Historiska institutionen. Åbo, Åbo Akademi*, 241 s.

Khromov S.S. (2006). Foreign concessions in the USSR: historical outline. Documents. Part 1. Moscow, Russ. History Inst. of RAS Publ., 384 p. (In Russ.)

Langholm S., Sejersted F. (eds.) (1980). *Vandringer. Festskrift til Ingrid Semmingsen 29 Mars 1980*. Oslo: Aschehoug, 251 s.

Lenin V.I. (1970). About concessions and the development of capitalism, April 25 1921. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii*. Moscow, vol. 43, pp. 248–249. (In Russ.)

Lenin V.I. (1974). Report on the concessions delivered at the meeting of the most active members of RCP(b) Moscow organisation, December 6, 1920. *Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii*. Moscow, Vol. 42, pp. 55–78. (In Russ.)

Lied J. (2009). *Siberia – a strange nostalgia. Autobiography*. Moscow, Ves' Mir, 302 p. (In Russ.)

Lied J. (2019). The Siberian Arctic. The exploration and development of the Kara Sea Route. The history of the “Siberian company”. Krasnoyarsk, RASTR, 320 p. (In Russ.)

Lundesgaard J., Tevlina V.V. (2021). Profit under the Soviets: timber concessions, Western interests and the monetary reforms under NEP. *Revolutionary Russia*. Vol. 34, no. 1, pp. 71–90.

Lundesgaard J., Tevlina V.V. (2017). Russian timber industry in the 1920s: on the short history of Russnorvegoles. *Acta Borealia*. Vol. 34, no. 1, pp. 26–49.

Nenovsky N.N. (2006). Lenin and the currency competition: reflections on the NEP experience (1922–1924). *International Centre for Economic Research*, working pap. No. 22, pp. 1–22.

Nielsen J.P. (ed.) (2017). *Rapprochement: Russia and Norway in 1814–1917*. Moscow, Ves' Mir, vol. 1. 708 p. (In Russ.)

Nielsen J.P. (ed.) (2014). *Russland kommer nærmere. Norge og Russland. 1814–1917*. Oslo, Pax Forlag AS, vol. 1. 626 s.

Nielsen J.P., Tevlina V.V. (2012). Consulate on the Dvina. *Caution and Compliance. Norwegian-Russian Diplomatic Relations 1814–2014*. Oslo, Orkana Akademisk, pp. 51–59.

Nielsen J.P., Tevlina V.V. (2022). Fridtjof Nansen and Siberia: impressions from a journey to the Yenisey and on the Trans-Siberian railway in 1913. *Arkticheskaya diplomatiya v XX veke: sb. materialov uchastnikov mezhdunar. kruglogo stola, posvyashch. 160-letiyu so*

dnya rozhdeniya norv. Polyar. issledovatelya Frit'iofa Nansena. Moscow, pp. 18–25. (In Russ.)

*Nilssen S.O.* (2001). Russland et mulighetenes land? En studie av norsk næringliv og det russiske markedet 1890–1920: master's diss. theses. Tromsø: Tromsø Univ., 147 p.

*Ovsyankin Ye.I.* (2000). The merchant Arkhangelsk. Arkhangelsk, Arkhkonsalt, 526 p. (In Russ.)

*Repnevskii A.V.* (2010). Captain F. Prytz is a flexible businessman and ... Norwegian profascist. *Vestnik Barents-Tsentra*. No. 9, pp. 118–124. (In Russ.)

*Repnevskii A.V.* (1998). USSR–Norway: economic relations in the interwar period. Arkhangelsk, PGU Publ., 348 p. (In Russ.)

*Tevlina V.V.* (1994). Foreign entrepreneurship in the Russian European North in the second half of the 19<sup>th</sup> and beginning of the 20<sup>th</sup> century (1861–1917): diss. candidate of history. Petrozavodsk, 1994. 271 p. (In Russ.)

*Tevlina V.V.* (2015). The activity of Norwegian timber merchants in Northern Russian and Siberia 1890–1920s. *Mezhdunarodnye otnosheniya na Evropeiskom Severe i v Arktike v pervoi chetverti XX veka: istoricheskii opyt i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch.*

*konf. «Gos. politika po zashchite nats. suvereniteta i uregulirovaniyu spornykh problem mezhdunar. otnoshenii na Evrop. Severe i Arktike v pervoi chetverti XX veka: ist. opyt i uroki dlya sovremennosti»*, Arkhangelsk, 6–10 sent. 2015 g.). Arkhangelsk, SAFU, pp. 218–229. (In Russ.)

*Tevlina V.V., Nielsen J.P.* (2017). Economic relations between Russia and Norway after 1905 // *Nielsen J.P. (ed.) Rapprochement: Russia and Norway in 1814–1917*. Moscow, Ves' Mir, Vol. 1. 708 p. (In Russ.)

*Troshina T.I.* (2017). The year 1917: revolutionary anarchy in the production sphere of the Arkhangelsk province. *1917 god v sud'bakh regionov, strany i mira: vzglyad iz XXI veka: sb. materialov mezhdunar. nauch. konf.* Arkhangelsk, SAFU, pp. 181–185. (In Russ.)

*Shepelev L.E.* (1973). Joint-stock companies in Russia. Leningrad, Nauka, 345 p. (In Russ.)

*Solverud J.* (1992). Spekulanter i jobbetid: en analyse med basis i aksjetegnerne i selskapet Russian Forest Industry LTD våren 1917: diss. theses. Oslo, Oslo Univ., 126 p.

*Werenskiold M. (ed.)* (2008). Consul Jonas Lied and Russia. Collector, Diplomat, Industrial Explorer 1910–1931. Oslo, Unipub, 191 p.

Статья поступила в редакцию 17.08.2022

Дата рецензирования 24.10.2022

Статья принята к публикации 03.11.2022

## НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.15372/HSS20220413  
УДК 002.2(55)

<sup>1</sup>И.В. ЛИЗУНОВА, <sup>2</sup>М. САДЖАД, <sup>3</sup>Р. БАНАИ, <sup>4</sup>М. ШОЭЙБИ, <sup>5</sup>П. АРМАХАН,  
<sup>6</sup>П. ХОССЕЙНХАНИ, <sup>7</sup>Е.В. ПШЕНИЧНАЯ

**ТРАНСФОРМАЦИЯ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ ИРАНА:  
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ  
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОММУНИКАЦИИ**

<sup>1,7</sup> Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН,  
РФ, 630102, Новосибирск, ул. Восход, 15  
<sup>2-6</sup> Издательский комплекс «Джангал»,  
Иран, 1314965154, Тегеран, площадь Ангелоб, ул. Ангелоб,  
ул. 12 Фарвардин, ул. Лабафи нежад, д. 185

Статья посвящена исследованию книжной культуры Ирана, которое проводилось в рамках научно-исследовательского проекта ГПНТБ СО РАН «Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX–XXI вв.». Материалы были представлены на V Региональном книжном форуме «Читающий регион: диалог с книгой», который состоялся в ГПНТБ СО РАН 1–3 октября 2021 г. Исследование проводилось с целью изучения особенностей становления и исторического опыта развития книжной культуры в России и зарубежных странах в XIX–XXI вв. и развития научного сотрудничества по изучению книжной культуры с государствами евразийского пространства. В статье рассматриваются исторические аспекты, повлиявшие на возникновение и развитие книжной культуры в Иране. Авторами выделены основные периоды становления и развития издательской индустрии, начиная с XIX в. до наших дней. Дана краткая характеристика современного состояния и некоторых проблем книготорговли, таких как политика продвижения иранской книги на мировом рынке, Тегеранская книжная ярмарка, рост интернет-торговли, расширение сферы распространения электронных книг.

**Ключевые слова:** книжная культура, Иран, книжное дело, книжные форматы.

**Для цитирования:** Лизунова И.В., Саджад М., Банаи Р., Шозейби М., Армахан П., Хоссейнхани П., Пшеничная Е.В. Трансформация книжной культуры Ирана: исторический опыт современное состояние и международные коммуникации // Гуманитарные науки в Сибири. 2022. Т. 29, № 4. С. 111–116. DOI: 10.15372/HSS20220413.

**Ирина Владимировна Лизунова** – д-р ист. наук, директор, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: lizunova@gpntbsib.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7761-9459>.

**Моджтаба Саджад** – директор издательского комплекса «Джангал», e-mail: rez.publ@gmail.com.

**Реза Банаи** – менеджер издательского комплекса «Джангал», e-mail: rez.publ@gmail.com

**Мохаммад Шозейби** – менеджер издательского комплекса «Джангал», e-mail: rez.publ@gmail.com.

**Паричехр Армахан** – менеджер издательского комплекса «Джангал», e-mail: rez.publ@gmail.com.

**Парния Хоссейнхани** – менеджер издательского комплекса «Джангал», e-mail: rez.publ@gmail.com

**Евгения Владимировна Пшеничная** – младший научный сотрудник, помощник директора по международным связям, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, e-mail: pshenichnaya@gpntbsib.ru, <https://orcid.org/0010-0002-1334-0376>.

**Irina V. Lizunova** – Doctor of History, Director, State Public Scientific and Technical Library SB RAS.

**Mojtaba Sajjad** – Director of the Publishing Complex «Jangal».

**Reza Banai** – Manager of the Publishing Complex «Jangal».

**Mohammad Shoebibi** – Manager of the Publishing Complex «Jangal».

**Parichehr Armakhan** – Manager of the Publishing Complex «Jangal».

**Parnia Hosseinkhani** – Manager of the Publishing Complex «Jangal».

**Evgenia V. Pshenichnaya** – Junior Researcher, Assistant Director for International Relations, State Public Scientific and Technical Library SB RAS.

<sup>1</sup>I.V. LIZUNOVA, <sup>2</sup>M. SAJJAD, <sup>3</sup>R. BANAI, <sup>4</sup>M. SHOEIBI, <sup>5</sup>P. ARMAKHAN,  
<sup>6</sup>P. HOSSEINKHANI, <sup>7</sup>E.V. PSHENICHNAYA

## TRANSFORMATION OF IRANIAN BOOK CULTURE: HISTORICAL EXPERIENCE, CURRENT STATE AND INTERNATIONAL COMMUNICATIONS

<sup>1,7</sup> State Public Scientific and Technical Library SB RAS,  
15, Voskhod str., Novosibirsk, 630102, Russian Federation

<sup>2-6</sup> Publishing complex «Jangal»,  
Iran, 1314965154, Tehran, Engelab Square, Inqlab St., 12 Farwardin St., Labafi Nezhad st., 185

The article is devoted to studying the book culture of Iran, which was carried on within the framework of the State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SPSTL SB RAS) research project “Transformation of book culture in social communications of the XIX–XXI centuries.” The materials were presented at the V Regional Book Forum “Reading region: dialogue with the book” held at SPSTL SB RAS on October 1–3, 2021. The research was carried out to study peculiarities of the formation and historical experience of developing the book culture in Russia and foreign countries in the XIX–XXI centuries and scientific cooperation in studying book culture with the Eurasian space states. This article deals with the historical aspects that influenced the emergence and development of book culture in Iran. The authors have identified the main periods of formation and development of the publishing industry since the XIX century to the present day. The paper presents a brief description of the current state and some problems of book distribution: the policy for Iranian book promotion in the world market, Tehran Book Fair, growing online commerce, and expanding the scope of electronic books distribution.

**Key words:** *book culture, Iran, book publishing, book formats.*

### ВВЕДЕНИЕ. ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ИРАНА

Настоящее исследование книжной культуры Ирана выполнено в рамках научно-исследовательского проекта ГПНТБ СО РАН «Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX–XXI вв.». Материалы были представлены на V Региональном книжном форуме «Читающий регион: диалог с книгой», который состоялся в ГПНТБ СО РАН 1–3 октября 2021 г. Цель исследования – изучение особенностей становления и исторического опыта развития книжной культуры в зарубежных странах в XIX–XXI вв., развитие научного сотрудничества по изучению книжной культуры с государствами евразийского пространства.

Иран благодаря своей древней истории известен как страна уникальной культуры и искусства. Так, нам знакомо культурное наследие древнего народа-эламитов (III тыс. – середина VI в. до н.э.), проживавших на юго-западе территории современного Ирана и создавших одну из первых цивилизаций в мире – Элам. Эламиты внесли неоценимый вклад в развитие письменности (изобретение пиктографического письма), искусства (зиккурат в Дур-Унташе) и духовной культуры человечества в целом [Desset, 2017, с. 3]. В связи с этим Иран занимает почетное третье место в списке Всемирного наследия ЮНЕСКО после таких стран, как Китай и Индия. В перечне ценнейших объектов ЮНЕСКО за 2022 г. значатся 26 иранских достопримечательностей, что составляет около 1,9 % от общего числа достояний мировой культуры<sup>1</sup>.

Культурное и литературное прошлое Ирана также притягивает внимание современных исследователей по всему миру. Среди величайших поэтов древнего Ирана, чьи имена навсегда вписаны в анналы истории, следует назвать Омара Хайяма, Руми (Молана), Хафиза, Саади и Фирдоуси [Yar-Shater, 1986, с. 973–974]. Эти великие поэты почитаются иранцами и по сей день, они ежегодно отмечают древних стихотворцев в Дни почтения<sup>2</sup>.

В иранской культуре и национальных праздниках стихи и рассказы занимают особое место. Например, популярные среди иранских обывателей пословицы обычно создаются из стихов, а, следовательно, в своей повседневной жизни иранцы постоянно встречаются с поэзией. В Иране существует древнейший вид устного народного творчества «Наггали», который был внесен в Список объектов всемирного наследия ЮНЕСКО в 2011 г.<sup>3</sup> Особенность этого жанра заключается в декламации нараспев стихотворных или прозаических произведений, сопровождаемых особыми движениями под ритмы музыкальных инструментов. Профессиональные сказители Наггали выступали в чайхане – традиционно излюбленном месте, где древние иранцы проводили свое свободное время за чаем и обсуждением последних новостей. Это творчество хотя и утратило свою

<sup>2</sup> День почитания святых и святынь (перс. روز لیلچت زور / روز لیلچت زور و ناگدازام / روز لیلچت زور و ناگدازام) – религиозный праздник, отмечаемый в Иране 5 Зуль-ка‘да по лунному календарю (1 сентября).

<sup>3</sup> UNESCO Intangible Cultural Heritage. URL: <https://ich.unesco.org/en/USL/naqqali-iranian-dramatic-story-telling-00535> (date of access: 21.04.2022).

<sup>1</sup> UNESCO World Heritage Centre. URL: <http://whc.unesco.org/en/list/stat#d6> (date of access: 21.04.2022).



популярность, но существует и по сей день [Nami Khan, 2015].

Национальный праздник прихода весны Навруз, который отмечается не только в Иране, но и во многих других азиатских странах, широко известен во всем мире. Но наряду с Наврузом в Иране существует еще одна популярная традиция: после наступления нового года иранцы открывают книгу – сборник любимого поэта Хафиза и читают его стихи на случайной открытой странице. Они верят, что эти стихи научат их, как лучше жить в будущем [Matesic, 2013].

Еще одна литературная традиция Ирана связана с празднованием самой длинной ночи в году, известная более под названием «Ялда». Празднование сопровождается чтением книг и поэзии. В эту ночь все иранцы в кругу семьи празднуют день рождения Солнца и читают нетленные произведения Хафиза.

#### СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ИРАНА

Книжная культура Ирана продолжает обогащаться современными традициями. Изменения коснулись, в первую очередь, издательского дела страны. История возникновения издательской индустрии в стране уходит своими корнями в XIX в. Так, со времени ввоза первой печатной машины в 1808 г. в Иране началась книгопечатная революция. С тех пор количество типографий и печатной продукции в Иране быстро росло: издавалось множество книг, журналов и газет. Это постепенно вызвало политические и литературные изменения в иранском обществе [Nafisy, 1958, с. 232].

В 1921 г. увидел свет сборник дастанов (коротких рассказов) «Были и небылицы» иранского писателя Мохаммадали Джамалзаде (1892–1997). Этот новый литературный жанр был ранее не свойствен персидской литературе, однако с тех пор современная иранская литература пережила много периодов [Encyclopedia, 2008]. Среди современных писателей Ирана, которые сформировали современную литературную историю, можно назвать Садега Хедаята (1903–1951), известного как иранский Кафка, Хушанга Голшири (1938–2000), Ахмад Махмуда (1931–2002), Мухаммад Насер Тагави (род. 1970), Садег Чубак (1916–1998) и др. [Yavari, 2002].

Следует отметить, что в Иране поэзия и литература не являются сугубо мужской сферой. Несмотря на то, что сведения о первой иранской поэтессе относятся к I веку н.э., число женщин-писательниц в Иране увеличилось только после наступления эпохи модернизации. На протяжении веков иранские женщины оказывали большое влияние на иранскую культуру и литературу. Так, текстами стихов поэтессы Парвин Этесами (1907–1941) до сих пор вдохновляются композиторы для создания традиционных иранских песен [Михалевич, 1963, с. 214–228].

Произведения современных иранских писательниц, таких как Симин Данешвар (1921–2012), Форуз Фаррохзад (1935–1967), Симин Бехбахани (1927–2014), Зоя Пирзад (род. 1952), и многих других являются самыми издаваемыми и распространяемыми произведениями иранской литературы [Норузи, 2016, с. 70–74].

Создание большого количества разножанровых литературных произведений подстегнуло рост интереса к книге и чтению среди иранцев. Подтверждением этому факту служит организация Международной книжной ярмарки (выставки) в Тегеране, которая является одной из самых престижных международных книжных выставок в Иране. Начиная с 1987 г., выставка проводится ежегодно и привлекает огромное количество иранских и международных издателей и сотни тысяч посетителей<sup>4</sup>.

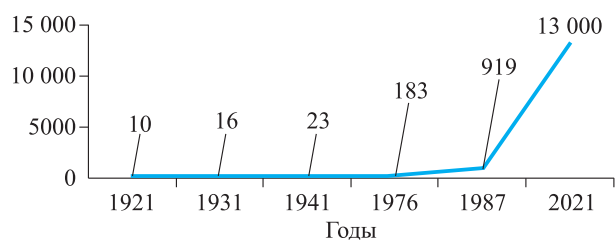
#### ИСТОРИЯ ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДЕЛА В ИРАНЕ

Первыми печатными книгами были Коран, поэмы «Шахнаме» Фирдоуси и «Маснави манави» Маулана Руми. Издательская отрасль управлялась в соответствии с традициями, присущими тому периоду в Иране, когда книготорговые рынки играли роль издателя и дело передавалось по наследству от отца к сыну. До 1921 г. (1300 г. по иранскому календарю) в Иране было всего 10 издательств, в том числе издательство «Наука и культура», которое продолжает свою деятельность и в настоящее время. Представители первого поколения издателей и владельцев типографий рассматривали издательскую и полиграфическую деятельность, прежде всего, как источник прибыли.

Второе поколение издателей задало новое направление развитию издательского дела на последующие десятилетия. Произошло это вследствие того, что издательская индустрия перешла в руки интеллигенции, среди которой были известные иранские писатели, переводчики и мыслители. В течение 50 лет благодаря деятельности таких книгоиздателей, как иранский лингвист и писатель Деххода (1879–1959), поэт-гуманист Бамдад (1925–2000), иранский шиитский ученый и учитель Хасанали Морварид (2011–2004), и другие увеличилось количество иранских издательств с 10 до 127 в Тегеране и до 56 издательств в других городах Ирана. В это время на фарси было переведено множество лучших произведений мировой литературы [Мосаддык, 2015; Saayyed, 2016].

Третье поколение иранских издателей, среди которых можно назвать издательства «Чешмех», «Нилуфар», появилось после Исламской революции 1979 г. Сначала тиражи в этих издательствах были не-

<sup>4</sup> Дом иранской книги и литературы. URL: <https://ketab.ir/> (дата обращения: 27.10.2022).



Рост количества иранских издательств (1921–2021)

Рис. 1. Рост количества иранских издательств (1921–2021)

Fig. 1. The growth of the number of Iranian publishing houses (1921–2021)

велики и спектр направлений книг узок, но со временем они смогли найти свое место в обществе. За прошедшие полвека количество издательств в стране увеличилось с 127 до более чем 13 тыс. (рис. 1).

Современные крупные издательства в Иране имеют сеть собственных магазинов и типографий. Среди международных специализированных академических издательских центров Ирана следует назвать Издательский комплекс «Джангал»<sup>5</sup>. В 2020 г. он вошел в тройку ведущих издательств Ирана и стал лидером книжного экспорта – 5 млн экз. книг в месяц. За последние 30 лет работы Издательский дом «Джангал» провел несколько культурных и образовательных мероприятий: делился опытом издания учебных пособий по обучению иностранным языкам и выпуску специализированных юридических и академических учебников.

Кроме образовательной и культурной деятельности, комплекс «Джангал» активно внедряет в производство инновационные процессы издания, тиражирования, распространения и использования издательской продукции. «Джангал», будучи авторитетным и крупнейшим полиграфическим комплексом страны, получает многочисленные заказы на выпуск печатной и цифровой книжной продукции как со всего Ирана, так и соседних территорий. Издательство успешно работает на внутреннем и внешнем книжных рынках.

#### СОВРЕМЕННОЕ КНИГОИЗДАНИЕ И КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА ИРАНА

Издательская деятельность уже многие годы пользуется большой популярностью в Иране, что подтверждается представленными статистическими данными (рис. 2). В стране появилось множество издательств, которые конкурируют друг с другом за публикацию новейших и лучших книг для своей аудитории. В настоящее время издательская продук-

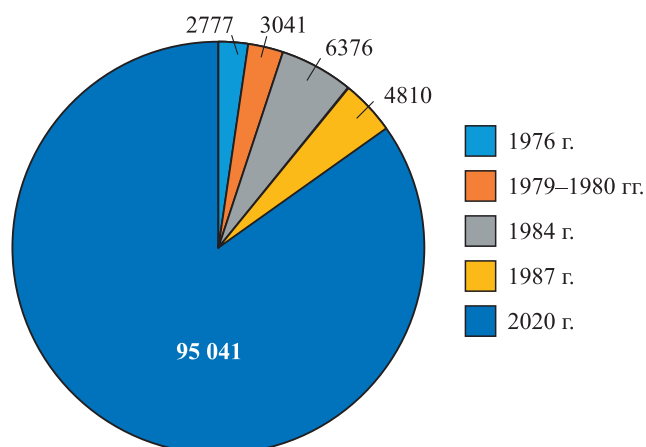


Рис. 2. Рост книжной продукции в Иране (1976–2020)

Fig. 2. The growth of book publishing in Iran (1976–2020)

ция и внутренняя пресса в Иране находится под руководством Министерства культуры и исламской ориентации Ирана, которое контролирует работу издательств, ориентированных на внутренние и внешние книжные рынки. В соответствии с государственной политикой страны все издательства пользуются поддержкой в виде субсидий и налоговых льгот. Это способствует изданию книг самого широкого тематического и жанрового спектра – от детской литературы до научных монографий, учебников и специализированных книг; эти книги становятся доступными для людей. Так, если в 1976 г. в стране издавалось 2 777 тыс. книг, то в 2021 г. – более 95 тыс. (рис. 2).

В 2020 г. в Иране, согласно статистике Иранского дома книги, было издано более 95 тыс. разных книг. Книжная продукция включает и новинки, и переиздания, причем на долю иранских авторов приходится 68 тыс. книг. Особую популярность в Иране приобрели книги по литературе, учебники и учебные пособия. Ежегодно возрастает популярность книг для детей и подростков, их тиражи постоянно увеличиваются. В 2020 г. было напечатано 14 тыс. разножанровых книг для детей и подростков, из которых 8 тыс. книг были написаны иранскими авторами.

В 2020 г. в Иране было выпущено 95 041 книга, 65 % из которых изданы впервые. В этом же году было опубликовано 27 040 переводных книг, из них почти половина – 12 811 – в первом издании.

Несмотря на пандемию, в течение 2020 г.<sup>6</sup> в стране в среднем было опубликовано около 84 710 книг. Лидером продаж стала художественная литература – 17 902 наименования. Затем в рейтинге популярности следовали детская и учебная литература.

<sup>5</sup> Издательский комплекс «Джангал». URL: <https://jangal.press/ru/> (дата обращения: 27.10.2022).

<sup>6</sup> 1399 год – по иранскому солнечному календарю.

Согласно официальной статистике Иранского дома книги, в 2021 г. в стране было издано 103 805 книг, из них 75 070 книг иранских авторов и 28 735 экз. переводных изданий, т.е. по сравнению с 2020 г. количество изданных книг увеличилось примерно на 8 %.

В 2021 г. книгоиздание Ирана было в большей степени сосредоточено на выпуске новинок. Одной из основных причин этого явления стал рост цен на бумагу, в связи с чем издатели отдали предпочтение публикациям новых книг, что привело к сокращению числа переизданий.

Вместе с тем, в последние годы в Иране заметно увеличилось количество переводной детской и подростковой литературы по сравнению с изданием новых книг иранских писателей. Это вызвало опасения со стороны любителей иранской культуры, но пока четкий план преодоления этого разрыва находится в стадии разработки.

Что касается издания научной литературы в Иране, то здесь наблюдается следующая картина:

– естественные науки – всего 1384 наименований книг, из них 560 наименований книг для детей и подростков и 3394 наименований учебников.

– прикладные науки – всего 12 101 книг, из них 326 книг изданы для детей и подростков и 3085 наименований учебников.

Следует отметить, что не все из вышеперечисленных книг были выпущены в традиционном печатном формате. В настоящее время в связи с появлением новых информационно-коммуникационных технологий издательская индустрия Ирана переживает фундаментальные изменения. В Иране существуют различные онлайн платформы, на которых пользователи могут покупать электронные книги или аудиокниги по более низкой цене. И хотя печатные книги по-прежнему являются предпочтительным выбором книголюбителей в Иране, интерес к электронным книгам и аудиокнигам за последние пять лет заметно вырос. Нетрадиционные (электронные) книжные форматы помогли значительно расширить читательскую аудиторию за счет студентов и других молодых людей. Популярность аудиокниг способствовала также росту открытия иранских компаний производителей и дистрибьюторов аудиокниг. Причем популярность местных компаний на внутреннем рынке сопоставима с популярностью мирового лидера – шведской компании StoryTale. Хамид Асади, соучредитель и генеральный директор компании «Navaar»<sup>7</sup>, отмечает, что аудиокниги «открыли новые горизонты и потоки доходов». Он также считает, что аудиокниги не пред-

ставляют угрозы для издателей, поскольку помогают им поддерживать динамику книжной индустрии и приносят процветание, внося разнообразие [Shirdelian, 2018].

#### ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать вывод, что исключительная любовь к книге является одной из характерных черт иранской культуры. Подробно рассмотрев процесс развития, распространения и потребления социальных и литературных знаний в Иране, мы обнаружили, что издательства действительно сыграли важную роль в формировании уникальной книжной культуры. В разные годы на развитие издательского дела в Иране оказывали влияние как авторы, так и издатели. Однако вклад последней группы не ограничивался простым распространением идей и информации, они действовали как интеллектуальные законодатели, продвигая определенные интеллектуальные дискурсы, литературные жанры и идеологические доктрины [Shirdelian, 2018].

В настоящее время исследование трансформации книжной культуры Ирана и России в социальных коммуникациях продолжается. Книжная культура никогда не существовала в отрыве от общества и, с одной стороны, отражала доминирующие способы социального взаимодействия, а с другой – благодаря своим коммуникативным возможностям влияла на специфику социальных взаимодействий того или иного периода.

Интерес к исследованию взаимовлияний и взаимосвязей книжной культуры Ирана на мировую книжную культуру не случаен и обусловлен рядом причин: история региона уходит в далекую древность и хранит ранние формы книжности. В связи с этим дальнейшее изучение книжной культуры Ирана и России будет продолжено в плане ее включенности в социальные коммуникации, которые обеспечивали и обеспечивают социальные взаимодействия на различных этапах истории XIX–XXI вв., а также в плане и выявления, и изучения социокультурных последствий ее трансформации. Особое внимание будет уделяться важнейшим институтам: книгоиздания, книгораспространения, деятельности библиотек и кругу чтения.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Михалевич Г.П. Парвин Этесами и ее творчество. М.: Вост. лит., 1963. 268 с.
- Мосаддык А. Хасанали Морварид // Ijtihad network. 2015. URL: [https://translated.turbopages.org/proxy\\_u/en-ru.ru.c9990a88-632d36f9-cd3c1887-74722d776562/ijtihadnet.com/ayatollah-mirza-hassan-ali-morvarid/](https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.c9990a88-632d36f9-cd3c1887-74722d776562/ijtihadnet.com/ayatollah-mirza-hassan-ali-morvarid/) (дата обращения: 23.09.2022) (на перс. яз).
- Норузи М. К вопросу о вечных темах в современной женской прозе Ирана и России // Челябинский гуманитарий. 2016. № 2 (35). С. 67–76.

<sup>7</sup> Компания по разработке программного обеспечения «Navaar». URL: <https://www.navaar.ir> (дата обращения: 27.10.2022).

*Desset F.* Here ends the history of Elam: Toponomy, linguistics and cultural identity in Susa and south-western Iran, ca. 2400–1800 BC // *Studia mesopotamica. Jahrbuch für altorientalische Geschichte und Kultur.* 2017. No. 4. P. 1–32.

*Encyclopædia Iranica* // *Encyclopædia Iranica Foundation.* 2008. Vol. 14. P. 439–444.

*Hami Khan I.* Naqqāli-conference // Mehr News Agency. 2015. URL: <https://en.mehrnews.com/photo/107581/Naqqāli-conference> (date of access: 27.10.2022).

*Naficy S.* Nokhostin Chaphay-e Mosavar Dar Iran // *Rahnema-ye Ketab.* 1958. N 3 (на перс. яз.).

*Matesic J.* Nowruz: The Old and the New for the Persian New Year. 2013. URL: <https://nomosjournal.org/columns/new-religious-manifestations/nowruz-the-old-and-the-new-for-the-persian-new-year/> (date of access: 21.04.2022).

*Sayyed H.T.* The Story of Dehkoda // *Review of Arts, Culture and Humanities.* 2016. No. 47. P. 38–42 (на перс. яз.).

*Shirdelian A.* Audiobooks Open New Horizons as Iran's Publishing Industry Evolves // *Financial Tribune.* 6.02.2018. URL: <https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/81581/audiobooks-open-new-horizons-as-irans-publishing-industry-evolves> (date of access: 21.04.2022).

*Yar-Shater Eh.* Persian Poetry in the Timurid and Safavid Periods, *Cambridge History of Iran.* Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 965–994.

*Yavari H.* The Persian Short Story // *Iran Chamber Society.* 2002. URL: [https://www.iranchamber.com/literature/articles/persian\\_short\\_story.php](https://www.iranchamber.com/literature/articles/persian_short_story.php) (date of access: 21.04.2022).

#### REFERENCES

*Desset F.* (2017). Here ends the history of Elam: Toponomy, linguistics and cultural identity in Susa and south-western Iran, ca. 2400–1800 BC. *Studia mesopotamica. Jahrbuch für altorientalische Geschichte und Kultur.* No. 4, pp. 1–32.

*Encyclopædia Iranica* (2008). *Encyclopædia Iranica Foundation.* Vol. 14, pp. 439–444.

*Hami Khan I.* Naqqāli-conference. Mehr News Agency. 2015. URL: <https://en.mehrnews.com/photo/107581/Naqqāli-conference> (date of access: 27.10.2022).

*Matesic J.* Nowruz: The Old and the New for the Persian New Year. 2013. URL: <https://nomosjournal.org/columns/new-religious-manifestations/nowruz-the-old-and-the-new-for-the-persian-new-year/> (date of access: 21.04.2022).

*Mikhalevich G.P.* (1963). Parvin Etesami and her work. Moscow: Vostochnaya literature, 268 p. (In Rus.)

*Mosaddyk A.* (2015). Hasanali Morvarid. *Ijtihad network.* URL: [https://translated.turbopages.org/proxy\\_u/en-ru.ru.c9990a88-632d36f9-cd3c1887-74722d776562/ijtihadnet.com/ayatollah-mirza-hassn-ali-morvarid/](https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.c9990a88-632d36f9-cd3c1887-74722d776562/ijtihadnet.com/ayatollah-mirza-hassn-ali-morvarid/) (date of access: 23.09.2022). (In Persian.)

*Naficy S.* (1958). Nokhostin Chaphay-e Mosavar Dar Iran. *Rahnema-ye Ketab.* No 3, 232 p. (In Persian.)

*Noruzi M.* (2016). On the question of eternal themes in modern women's prose of Iran and Russia. *Chehyabinskiy gumanitariy.* No. 2 (35), pp. 67–76. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ovechnyh-temah-v-sovremennoy-zhenskoy-proze-irana-i-rossii> (In Rus.)

*Sayyed H.T.* (2016). The Story of Dehkoda. *Review of Arts, Culture and Humanities.* No. 47, pp. 38–42 (In Persian.)

*Shirdelian A.* Audiobooks Open New Horizons as Iran's Publishing Industry Evolves. *Financial Tribune.* 6.02.2018. URL: <https://financialtribune.com/articles/domestic-economy/81581/audiobooks-open-new-horizons-as-irans-publishing-industry-evolves> (date of access: 21.04.2022).

*Yar-Shater Eh.* (1986). Persian Poetry in the Timurid and Safavid Periods, *Cambridge History of Iran.* Cambridge: Cambridge University Press, pp. 965–994.

*Yavari H.* The Persian Short Story. *Iran Chamber Society.* 2002. URL: [https://www.iranchamber.com/literature/articles/persian\\_short\\_story.php](https://www.iranchamber.com/literature/articles/persian_short_story.php) (date of access: 21.04.2022).

Статья поступила в редакцию 11.07.2022

Дата рецензирования 08.09.2022

Статья принята к публикации 06.10.2022

## ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА ХРИСТИАНОВИЧА ЭЛЕРТА



Институт истории СО РАН с прискорбием сообщает о кончине после тяжелой продолжительной болезни доктора исторических наук Александра Христиановича Элerta (03.12.1954–26.11.2022) – ведущего специалиста в области истории Сибири XVII–XVIII вв., истории изучения Сибири академическими экспедициями XVIII в., этнографии и лингвистики сибирских коренных народов, археологии, источниковедения, палеографии, дешифровки и переводов немецкой готической скорописи.

А.Х. Элert родился в с. Новоникольское Александровского района Томской области. В 1980 г. окончил исторический факультет Томского государственного университета. После завершения обучения под руководством академика Н.Н. Покровского в аспирантуре он был принят на работу в 1989 г. в сектор археологии и источниковедения Института истории, филологии и философии СО АН СССР, в котором прошел путь от младшего до главного научного со-

трудника. С 2013 по 2021 г. Александр Христианович был заведующим сектором археологии и источниковедения, с 2008 по 2016 г. исполнял обязанности заместителя директора по науке Института истории СО РАН. В 1987 г. он успешно защитил диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук («Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири») и в 2000 г. – доктора исторических наук («Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера»).

Главным направлением научной деятельности А.Х. Элerta было изучение истории академических экспедиций XVIII в. в Сибирь и научного наследия академика Г.Ф. Миллера. На основе впервые введенных в научный оборот источников он исследовал процессы заселения и освоения Сибири русскими, региональные, сословные и этнические особенности во взаимоотношениях русских с сибирскими аборигенами, различные аспекты мировоззрения языческих народов Сибири и шаманизма. Им опубликовано более 180 научных работ на русском, немецком и английском языках, в том числе 9 монографий и монографических изданий исторических источников. Одним из важнейших итогов его научно-исследовательской деятельности стала подготовка к изданию этнографических трудов Г.Ф. Миллера. Появившееся на свет в рамках международной серии «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов» фундаментальное «Описание сибирских народов» Г.Ф. Миллера (М., 2009) явилось результатом многолетней работы А.Х. Элerta в соавторстве с немецким ученым В. Хинтцше по дешифровке, переводу на русский язык, комментированию и публикации этнографической монографии одного из первых российских академиков. Дополненное издание этой книги на немецком языке было осуществлено в Германии в 2010 г. (Gerhard Friedrich Müller. *Ethnographische Schriften*. I. Halle, 2010. Bd. 1: *Beschreibung der Sibirischen Völker*. 817 S.). В 2018 г. в Галле была издана вторая часть «Этнографических трудов» Г.Ф. Миллера (Gerhard Friedrich Müller. *Ethnographische Schriften* II. Halle, 2018. 878 S.). В данной книге А.Х. Элert и его соавтор опубликовали на языке оригинала (немецком) важнейшую работу академика по сибирской этнографии XVIII в. – «Известия о якутах и их шама-

нах, о юкагирах, остяках, тунгусах, самоедах, камасинцах, качинцах, татарах и об обычаях разных сих народов» и фундаментальной программы комплексного изучения Сибири, состоящей из более чем 1223 статей. Введение в научный оборот не использовавшихся ранее специалистами (из-за трудности дешифровки готической скорописи Г.Ф. Миллера) указанных фундаментальных трудов не только обогатило современную науку огромным массивом уникальных сведений о материальной и духовной культуре сибирских аборигенов, но и убедительно доказало приоритет российских ученых в формировании этнографии как особой науки. Эти издания, как и многие другие научные работы А.Х. Элрета, получили высокую оценку отечественных и зарубежных исследователей, стали событиями в научной жизни.

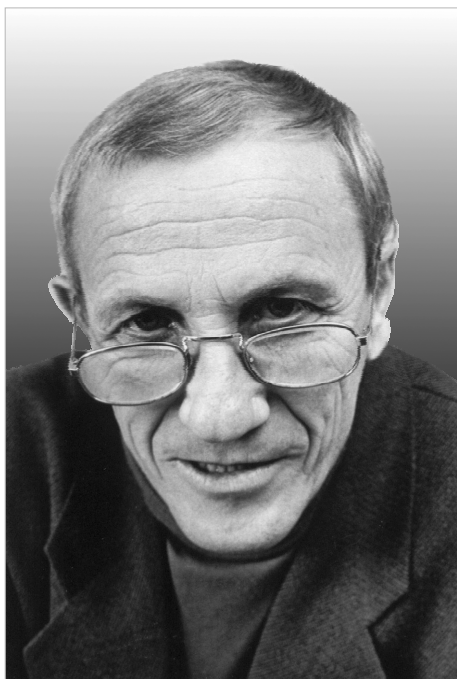
А.Х. Элрт вел большую научно-организационную работу. На протяжении многих лет он был членом Объединенного ученого совета СО РАН по гуманитарным наукам, диссертационных советов при Институте истории СО РАН и Алтайском государственном университете, входил в состав редакцион-

ных советов и редколлегии российских журналов «Известия Уральского федерального университета», «Наука из первых рук», «Гуманитарные науки в Сибири», «Вестник Новосибирского государственного университета», «Известия Иркутского государственного университета». Он являлся членом редколлегии и куратором русскоязычной версии международной серии «История Сибири и Аляски из российских архивов», ответственным редактором сборников научных трудов серии «Археография и источниковедение Сибири», состоял членом Президиума Международного научного общества Георга Вильгельма Стеллера (Галле, Германия).

Интеллигентность, доброжелательность и порядочность были его отличительными чертами. Он щедро был наделен талантом и выдающимися способностями, помноженными на природное трудолюбие. Память об Александре Христиановиче Элрте, замечательном человеке и ученом, навсегда сохранится в наших сердцах.

Выражаем искренние соболезнования его семье, родным и близким.

*Коллеги, друзья,  
редколлегия журнала «Гуманитарные науки в Сибири».*

**ПОЗДРАВЛЯЕМ МИХАИЛА ВИКТОРОВИЧА ШИЛОВСКОГО С ЮБИЛЕЕМ!**

Михаил Викторович Шиловский – доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором истории второй половины XVI – начала XX в. Института истории СО РАН, один из известных сибирских специалистов по истории дореволюционной России, революции 1917 г. и Гражданской войны.

Более сорока пяти лет М.В. Шиловский отдал работе в Новосибирском государственном университете в должностях от ассистента до заведующего кафедрой. Михаил Викторович – Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (2008). Под его научным руководством выполнены десятки дипломных работ студентов, подготовлено более десятка кандидатов и докторов наук.

Одновременно с преподавательской деятельностью М.В. Шиловский плодотворно занимался научными исследованиями, зарекомендовав себя в качестве крупного ученого. Именно ему двадцать лет назад Ученый совет Института истории СО РАН доверил восстановить закрытый после смерти члена корреспондента РАН Л.М. Горюшкина сектор, зани-

мавшийся изучением предреволюционной России. В качестве руководителя сектора М.В. Шиловский начал издание серии сборников документов «Сибирские переселения» (вышло 4 сборника). Тем самым он заложил основу изучения явления, долгое время бывшего основополагающим для истории русского населения Сибири.

М.В. Шиловский – специалист по истории сибирского областничества, автор двух монографий на эту тему. Кроме того, ряд его книг и статей посвящен выдающимся сибирским общественным деятелям. Особое место в его творчестве занимает история Новосибирска и Новосибирской области. М.В. Шиловский – член Геральдической комиссии при Правительстве Новосибирской области, а также ряда комиссий при мэрии г. Новосибирска. Его работа отмечена знаком отличия «За заслуги перед Новосибирской областью» (2018 г.).

М.В. Шиловский – автор шести личных и ряда коллективных монографий. Одна из них – «Первая мировая война 1914–1918 гг. и Сибирь» – вошла в перечень важнейших достижений СО РАН за 2015 г. Наряду с академиком Н.Н. Покровским М.В. Шиловский обладает самым высоким показателем цитирования в РИНЦ среди сотрудников Института истории СО РАН (индекс Хирша – 26).

Его научная эрудиция позволила ему участвовать в ряде крупнейших коллективных исследований. За участие в коллективном труде по истории белорусов в Сибири М.В. Шиловский был удостоен премии имени академика В.А. Коптюга (2003).

М.В. Шиловский большое внимание уделяет укреплению связей науки и общества в родном регионе, дает интервью журналистам, руководит работой аттестационных комиссий в вузах различных сибирских городов, ежегодно оппонирует диссертации по различным аспектам российской истории XIX–XX вв., выступает в качестве приглашенного докладчика и члена оргкомитета конференций в разных городах.

Коллеги, друзья, ученики Михаила Викторовича, редколлегия журнала «Гуманитарные науки в Сибири» сердечно поздравляют юбиляра с 75-летием и желают ему крепкого здоровья, неисчерпаемой энергии, творческих удач!

**ПОЗДРАВЛЯЕМ НАТАЛЬЮ АЛЕКСАНДРОВНУ КУПЕРШТОХ С ЮБИЛЕЕМ!**

7 ноября 2022 г. кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику Института истории СО РАН Наталье Александровне Куперштох исполнилось 70 лет. Юбилей является уникальным специалистом по истории академической науки и образования России и Сибири в новейшее время. В работах Н.А. Куперштох раскрывается важный исторический опыт создания и развития научных центров и институтов СО АН СССР / РАН, освещается роль академических учреждений в экономическом развитии сибирских регионов, изучаются биографии крупных ученых, внесших вклад в организацию и проведение исследований по критически важным направлениям фундаментальной науки. Сформулированные ею на основе глубокого анализа эмпирического материала теоретические выводы по проблемам отечественной научной политики и деятельности в середине XX–начале XXI в. хорошо известны и по достоинству оценены специалистами.

После окончания аспирантуры Новосибирского государственного университета Наталья Александровна продолжила трудовую биографию в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР. В 1995 г. защитила кандидатскую диссертацию «Научные кадры Сибирского отделения РАН: история формирования и развития (1957–1970 гг.)» под научным руководством доктора исторических наук, профессора В.Л. Соскина. За более чем три десятилетия работы в Институте (с 1989 г.) прошла путь от младшего до старшего научного сотрудника сектора истории социально-экономического развития – авторитетного специалиста по истории науки, признанного в России и за рубежом. Н.А. Куперштох – автор и соавтор свыше 200 научных работ, в том числе монографий «Научные центры Сибирского отделения РАН» [2006], «Очерки о лидерах академической науки Сибири» [2011], «Их именами названы институты Новосибирского научного центра» [2022].

Будучи на протяжении своей научной карьеры не только ученым-исследователем, но и членом Ученого совета, заведующей сектором истории социально-экономического развития Института истории СО РАН, членом редколлегии журналов «Гуманитарные науки в Сибири» и «Исторический курьер», Наталья Александровна внесла значимый вклад и в научно-организационную деятельность Института. Следует также отметить плодотворное участие Н.А. Куперштох в подготовке ряда крупных коллективных изданий Института истории СО РАН, включая трехтомную «Историческую энциклопедию Сибири» и четырехтомную «Историю Сибири».

Вклад Н.А. Куперштох в научно-исследовательские достижения Института и в его научно-организационную деятельность весьма значим. Коллеги искренне гордятся мудростью и тактичностью, эрудицией Натальи Александровны, ее трудолюбием, энергичностью, организаторскими способностями. Отмечая высокие профессиональные заслуги и личные качества Натальи Александровны, коллектив Института истории СО РАН желает ей здоровья, новых творческих успехов и воплощения самых смелых научных замыслов.